ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

3-4. 1998

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1998, № 3-4

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В.Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, Т.Б. Никитина, А. Н. Ракин, В. В. Седов,
В. С. Соловьев, Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

©НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Куклин А. Историко-культурные взаимосвязи финно-угров и самодийцев..... 3
Червонная С. Творчество Константина Егорова в контексте художественной жизни и эстетических концепций 1920-х годов..... 19
Молотова Т. Особенности традиционного марийского этикета..... 33
Корнишина Г. Обычаи, обряды и поверья мордвы, связанные с животноводством и пчеловодством..... 50

СООБЩЕНИЯ

Кадыкова Г. Крестьянская семья лутовых марийцев в середине XIX века (по материалам "ревизских сказок" Царевококшайского уезда)..... 64
Антонов Ю. Жанр бытовой психологической драмы в творчестве Валентины Мишаниной..... 74
Рябов Н. Модификационные словообразовательные типы в эрзянском языке..... 82
Федорова М. Несколько русских слов на пермском фоне (Былые славяно-пермские контакты южнее Москвы)..... 90
Каксин А. К проблеме алфавита для западных диалектов хантыйского языка..... 97

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

Ванюшев В. Кузебай Герд: трагедия жизни..... 103
Богомолова З. Трагедия и величие Кузебая Герда (к 100-летию со дня рождения)..... 109
Шкляев А. Кузебай Герд: к вопросу о смысле его псевдонима..... 115
Куликов К. Сандормох – последнее пристанище поэта..... 120

ПЕРСОНАЛИИ

Тираспольский Г. Языковедческие исследования И.А. Куратова (к 160-летию со дня рождения коми поэта и просветителя)..... 126
Рыбалка В. Яношу Пустаи - 50 лет..... 133
Галкин И. Профессор Михаил Романович Федотов (к 80-летию со дня рождения)..... 136
Минниахметова Т. Р.Г. Кузееву – 70 лет..... 139

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Кузьминых С., Леонтьев А. Рец.: Останина Т.А. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. 206 с..... 145

ХРОНИКА

Мельникова О. О работе диссертационного совета в Удмуртском университете..... 152
Сведения об авторах..... 156

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

СТАТЬИ

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИННО-УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ*

Вопрос об уральском субстрате в топонимии Волго-Камья до сих пор окончательно не решен. Существенными причинами, затрудняющими его решение, являются как недостаточная и крайне неравномерная изученность этнокультурных взаимосвязей финно-угров и самодийцев, так и сложность решения самой проблемы этногенеза уралоязычных народов, имеющих наряду с общими чертами весьма значительные расхождения, возникновение которых было обусловлено как территориальной их разобщенностью и тесными общениями с неродственными народами и родоплеменными группами, так и влиянием различных древних субстратов на их диалекты, а также последующей дивергенцией в процессе их самостоятельной эволюции.

Его решение усугубляется и тем, что этнический состав Волго-Камья достаточно разнообразен не только по антропологическому типу, но и в языковом отношении.

Сложность проблемы этногенеза народов уральской расы дала основание для различных предположений, недостаточно убедительных, не вполне достоверных и даже явно ошибочных. Безусловно, новые гипотезы об этногенезе финно-угров и самодийцев интересны для уралистики, но строить эти гипотезы следует, по-видимому, главным образом с учетом широкого круга научных сведений различных социальных дисциплин (этнографии, археологии, социальной и культурной антропологии, демографии, лингвистики, социологии и т.д.), а не сводить лишь к гипотезам и субъективным домыслам. В свете высказанных соображений уместно привести пространный отрывок из книги известного историка и географа Л.Н. Гумилева "Тысячелетие вокруг Каспия", посвященной этнологическо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (Грант № 97-04-06388).

му исследованию ойкумены Евразии за 1500 лет - с III в. до н.э. по XII в. н.э., где говорится: "... большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский - древний и угорский – пришлый. Мордва: эрзя - финны, мокша - угры. Мари: горные черемисы - финны, луговые - угры. "Чудь белоглазая" – финны, Чудь Заволоцкая - угры. (Чудь Заволоцкая или Великая Пермь - Биармия скандинавских саг).

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда несложно.

И, наконец, в этногенезе чуваш принимали участие местные финно-угорские и тюркские племена. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы, от которых сохранился только один реликт - кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения - III-IV вв. Она является выводом дедуктивным, т.е. предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции" (11, с. 102-103).

Разумеется, в этих рассуждениях много мистификации, и они ни в коей мере не согласуются с идеей формирования отдельных языков и их диалектов в ходе дивергентного процесса. Следует, однако, при этом уточнить, что совокупность интегрирующих и дифференцирующих свойств этноса, а также этнические процессы, которые Ю.В. Бромлей делит на "этноэволюционные" и "этнотрансформационные" (6, с. 5), не могут рассматриваться без учета лингвистических данных, которые в работе Л.Н. Гумилева вовсе отсутствуют. Что касается этнических процессов Волго-Камья, то они были весьма сложными (26, с. 86). Поэтому в его ономастиконе наряду с автохтонными топонимами встречаются разноязычные вкрапления, нередко даже экзотические, смысловые содержания которых на материалах современных языков народов Волго-Камья не поддаются объяснениям.

В этой связи заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А.П. Дульзон, чрезвычайно затруднен благодаря тому, что они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на не-

кое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик в результате ряда сложнейших изменений: путем отсечения тех или иных частей; скрещения данного слова с другим инородным (гибридизация), путем субституции звуков первоначального языка звуками последующего; путем новой морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, сменившего предыдущий; путем более или менее полного переосмысления старого названия в целом или отдельных его частей, что неизменно влечет за собой и те или иные внешние изменения... (12, с. 175).

К разряду реликтовых географических названий Волго-Камья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания. Вопрос об угорском субстрате в топонимии Волго-Камья не является чем-то абсолютно новым. Он привлекает внимание лингвистов с давних пор (25, с. 118-123). Причем неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных ученых в определении угорских элементов в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них.

Что касается самодийского субстрата в названиях местностей Восточной Европы, то он в лингвистической науке прямо не ставился. Однако отдельные исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Волго-Камья, в частности названий речных объектов Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментарных экскурсов на самодийские языковые данные (10, с. 38, 96-97, 128).

Первым из исследователей, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. Европеус (1868, 1872, 1874). Так, в своей статье "Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ" он выразился так: "Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ я имѣлъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чёмъ убѣдился, что эти до-русскія названія мѣстностей, встрѣчающіяся въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхожденія, то есть, принадлежать языку прадѣдовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ" (14, с. 58).

Как явствуют высказывания Д. Европеуса, вопрос о западной, южной и северной границах угорской топонимики был поставлен лишь им, который и пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоявшая перед исследователем – вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, объяс-

нение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия **Вычегда** считает он композиту **Выпшагет**, где *выт* 'вода', *шагет* 'рукав', т.е. водяной рукав, приток, изобилующий водой. Гидроним **Вологда** возводится им к форме **Волшагет**, что означает 'зверь-приток'. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимообразовании, как он замечает, относятся: *-егда, -огда* (Вычегда, Печегда, Вологда, Судогда) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил, тагул* (в мансийском), восходящих к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет, шагеш* 'рукав'; *-шера* (Вышера, Нившера); - *енга* (Лапшенга, Мехренга, Нименга) и др. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* в северной России насчитал он до 339, в Финляндии таких названий - 162 (14, с. 58-71).

Следует, впрочем, заметить, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А.В. Поповым в статье "К вопросу о хорографии и палеэтнографии Иркутской губернии" (40, с. 131 -132).

Под иным углом зрения рассматривает ее А.И. Туркин в тезисах своего доклада "Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX - начала XX вв.", отмечая, что "нельзя отрицать существования в северно-русской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа (46, с. 26-28).

Кроме этой статьи, А.В. Попов анализирует еще 2 работы Д. Европеуса: "О курганных раскопках около погоста Бежец" (Журнал Министерства Народного Просвещения. Декабрь 1872) и "Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей" (Санктпетербургъ, 1874). Сосредоточивая внимание на их основном содержании, А.В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга, юга, ого, его* и явное сходство с ними финских: речка - *joki*, саам. *joga*, хант. *jeaga, joga*; манс. *je, ja*, коми-зыр. *ju*; во второй им дается список 36 угорских окончаний названий местностей Финляндии, в северной и средней России (40, с. 132).

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, следует, однако, заметить, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, что касается охвата лингвистических данных языков финской ветви, то он сведен до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из поля зрения. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах Печенга, Успеченга, Печеіенгъ возводится им к угорским источникам. По его мнению, "Печеіенгъ значитъ по

остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по остяцки и по вогульски значит сосновая" (14, с. 62). В северной полосе России он насчитал одиннадцать гидрообъектов с таким названием. Правда, в своей работе "Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей" он уверенно сообщает о наличии пятнадцати рек с названием Печенга, из них четырнадцать находятся в разных местах северной России, а одна - в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, ср., например, Печенга - один из притоков Енисейского Пита, а также средних притоков Алдана (35, с. 191).

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *–енга / -еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга / -еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) *иенэ* 'большая река; исток реки' и селькупское *-га /*-ка* 'река' (27, с. 190). В этой связи уместно привести одно любопытное высказывание А.П. Дульзона: "Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке - притоках Енисея - *А.К.*) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними" (13, с. 64).

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т.е. искусственной, а поэтому и малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфонологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Севера Восточной Европы, то они весьма напоминают этнические процессы Волго-Камья (26, с. 86). Так, Л.Н. Жеребцов в "Кратком очерке этнической истории древнейшего населения бассейнов Вычегды и Печоры", ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита имели место две волны заселения: первая была из Прикамья, вторая - из более дальнего района - из Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым, -им,. -ум* Б.А. Се-

ребренников относит к "западносибирским", предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с этим им подмечено, что этническая принадлежность западносибирского населения Б.А. Серебренниковым не указана. В этом отношении, как далее отмечает Л.Н. Жеребцов, показательна работа А.К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и полагающего возможность обитания к северу от предков финно-угров палеосибирских племен ("палеосибирским", как замечает А.К. Матвеев (28, с. 135), называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири (А.П. Дульзон, - *А.К.)*, языки которых могли быть в какой-то степени родственны древним уральским) (17, с. 19-21). Здесь следует, однако, уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимики, как подчеркивает А.К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически дообскоугорская гидронимика не отличается от уральских (финно-угро-самодийских) топонимов, но допустимо также, что она связана с неизвестными нам неуральскими языками палеосибирского происхождения (28, с. 135-136).

А.К. Матвеев придерживается и другого мнения. В одной из своих статей он сообщает: "Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие" (30, с. 49). По словам А.К. Матвеева, мнение о том, что места былого обитания манси находились к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Каннисто (54, s. 57-89) и А.Ф. Теплоухов (43, с. 81-112), не подтверждается фактами.

В этой связи следует заметить, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье отмечаются и в других работах, выполненных в последние десятилетия (8, с. 255-169; 39, с. 275-277; 44, с. 270-274), которые, однако, остались вне поля зрения А.К. Матвеева.

К точке зрения лингвистов и археологов до известной степени примыкают и высказывания коми фольклориста А.К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров; после отделения венгров от восточных угров в I тысячелетии до н.э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII-XIV вв. окончательно переселились с западных склонов Урала в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермянами. При этом, развивая мысли лингвистов, он справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий ко времени соседства пермян и угров на западных склонах Урала, - до X-XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, - XVI-XIX вв.), которые подтверждаются и

исследованиями фольклористов. Так, архаический, или древний, пласт, по словам А.К. Микушева, представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и так называемыми импровизационными "песнями судьбы" и, во-вторых, пермским родоплеменным эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре, а также ижемскими лиро-эпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй по времени пласт, как считает он, образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По его мнению, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, севернокоми ижмо-колвинский эпос, возникший в XVI - XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций (33, с. 7-8).

Как явствует вышеизложенное, существует достаточно оснований говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. Что касается географических названий Волго-Камья, то некоторые из них объясняются лишь на материалах угорских языков (25, с. 120-123). Кроме того, в отдельных названиях наряду с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы. Поэтому следует полагать, что в их сложении определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, название рек Большой и Малой Юнги, мар. Кого *Йынгы* и *Арйынгы*, впадающих с правой стороны в Волгу на территории Горномарийского р-на Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* 'вода' (10, с. 146), ср. манс. *вить* 'вода' (24, с. 47).

Однако, судя по семантике и внешнему сходству, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* 'речка', 'короткая протока', что позволяет сделать вывод об уральском его происхождении (26, с. 96).

При этом достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Причем процедура семантической реконструкции лексемы значительно облегчается благодаря общему объему информации, почерпнутой из различных источников (археологических, этнографических, фольклорных и иных), которые нередко могут указать исследователю прямой путь к истине (как к относительной, так и к абсолютной).

Практика этимологических изысканий свидетельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексемы становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексемы, воссоздании ее стертой исходной семантики и интерпретации современного ее функционирования в топонимической системе Волго-Камья, как правило, ведет исследователя к ана-

хронизмам и даже выводам, которые никак не согласуются с подлинной лингвистической картиной прошлого региона. Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретными примерами. Так, оттидронимный ойконим Шор-Уньжа (мар. Унчо) Д.Е. Казанцев считает пермским по происхождению. В связи с этим препозитивный компонент ойконима справедливо им сопоставляется с коми-зыр. *шор* и удм. *щур* 'ручей'. Что касается второго компонента, то он подчеркивает, что в нем легко угадывается коми-зыр. *удж* 'нельма' (ср. манс. *унш* 'нельма - ценная промысловая рыба северных рек и морей семейства лососевых'), обращая при этом на неслучайность сопоставления соответствием мар. инлаутного сочетания *-нч-* коми-зыр. *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаш* 'переходить', коми-зыр. *вуджны* 'переправиться, перейти'; мар. *йончаш* 'сочиться, просачиваться', коми-зыр. *йиджны* 'всасываться, впитаться; просачиваться' (22, с. 39).

Однако, принимая во внимание неоднородность рефлексации финно-угорского консонантного сочетания *-nč-* в марийском и коми языках, трудно предположить в этом процессе строго закономерное явление. К сказанному надо добавить, что изменение **-nč-* в коми языке в большинстве случаев сопровождалось диэрезой сонанта *n* с последующим озвончением аффрикаты *č*. В определенном круге слов инновационная аффриката *z* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента превратилась в *ž*.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания **-nč-* происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение его до одинарного звука вследствие устранения сонанта *n*; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции - характерное явление для многих диалектов. Ср., например: мар. *куч*, коми *гыж*, морд. *кенже* 'ноготь'; ф.-у. *čenčз* 'утка' > коми *чӧж*, диал. *čež*, эрзя-морд. *шенже* 'дикая утка' (ОФУЯ с. 417); ф.-у. **pančе- / *pače-* 'открывать, отворять' > марГ *пачаш*, марЛ *почаш*, эрзя-морд. *панжомс*, мокша-морд. *панжемс* 'открыть', хант. *рипč-* (ОФУЯ, с. 418); мар. *вонч-*[*wonž*] 'переходить', 'переезжать', коми-зыр. *вудж-* [*vuz*] (ОФУЯ, с. 145); морк.-серн. *пӱн'чӧ, пӱн'д'ж'ӧ*, КУ, волж. *пун'д'ж'ӧ* марГ *пынжы* 'сосна', коми-зыр. *пожӧм* 'сосна' < урал. **pencä / *peča* 'сосна' (45, с. 160).

Приведенные примеры лишний раз убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем **Уньжа (Унчо)** и коми-зыр. *удж* 'нельма'. Между тем ключ к установлению происхождения гидронима **Уньжа** дают его западно-сибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: **Унжа**, р. левый приток р. Каилка; **Квенал-унжа**, р., правый приток р. Пай-

дугина; **Пуныд-унджж**, р. левый приток р. Чижапка, где модифицированное русским языком слово *унжа* восходит к селькупскому *унджъ* 'ручей, речка' (4, с. 16-18). По наблюдениям Э.Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов - *унджъ* (5, с. 10). Судя по приведенным материалам, гидроним **Уньжа** (мар. **Унчо**), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Между тем для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой создавался топоним **Шор-Уньжа** (Моркинск. р-н Марий Эл), значительный интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, весьма недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г.А. Архипова, Д.Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских вещей от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V-VII вв. н.э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Исходя из этого, Шоруньжинский могильник относит он к числу азелинских памятников (22, с. 39).

Однако такой вывод является неправомерным. Этому противоречит в первую очередь то обстоятельство, что Младший Ахмыловский могильник, как замечает Г.А. Архипов, имеет много отличительных признаков: в нем представлены три разнокультурных комплекса вещей. На этом фоне конкретизирующим представляется следующее его высказывание: "Азелинцы, по-видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом" (2, с. 48). Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть еще одну работу Г.А. Архипова, содержащую полярно противоположный вывод о том, что "материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен" (3, с. 106). В связи с этим нелишне отметить, что, согласно мнению специалиста по средневековой археологии удмуртов М.Г. Ивановой, "памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются ею (Р.Д. Голдиной - *А.К.*) в рамках пьяноборской и худяковской культур" (18, с. 39).

В силу изложенного представляется, что к настоящему времени в археологических исследованиях накопилась довольно значительная совокупность противоречий, побуждающих серьезно усомниться в правильности установления этнической идентификации многих памятников Волго-Камья и исторической их интерпретации. В контексте вышесказанного следует отметить две Шоруньжинские стоянки, открытые В.В. Никитиным в 1988 году и охарактеризованные им как памятники эпохи мезолита (38, с. 36-37, 200).

Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Волго-Камья. Так, К.Э. Истомин, рассматривая ареал бытования памятников камской мезоли-

тической культуры, указывает, что он занимает бассейн Вятки, достигая на западе правобережья Волги (Долгополянское 2 местонахождение), его восточной границей являются западные склоны Уральского хребта, северной - Камско-Вятский водораздел, а на юге он охватывает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К.Э. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, акцентируя при этом, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), имеющим более древний облик, распространены в районах Среднего Зауралья и Западной Сибири (21, с. 15-17).

Следует, кстати, отметить, что определением этнической принадлежности Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, что они были стоянками самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема **Уньжа (Унчо)**, имеющая, как указано выше, аналогию в селькупском языке. Позднее они, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. По существу эта версия подтверждается тополексемой *Шор*, ср. общеперм. *šor* 'ручей, поток, течение, река' (КЭСК, 322). Диалекты удм. языка свидетельствуют о сужении общеперм. **o>u*, ср. удм. *šur* 'большая река; река; речка, ручеек' (55, с. 503).

Сопоставление гидронима **Уньжа (Унчо)** с селькупским словом *унджа* 'ручей, речка' будет предельно ясным, если его подкрепить конкретными примерами, без претензии на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Для констатации лексических соответствий привлекается наиболее надежный сравнительно-генетический материал. К числу таковых Г.А. Климов в своей книге "Основы лингвистической компаративистики" относит категории словаря, отражающие более или менее универсальные для человеческого общества понятия и составляющие так называемый "основной" лексический фонд - патронимика, обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т.п., кроме дескриптивной, т.е. звукоподражательной и звукосимволической, лексики и культурного словаря (23, с. 29-30).

Примеры:

селькупские лексемы приводятся по словарю С.И. Ирикова	марийские слова
илы 'жизнь'	*илыш* 'жизнь'
сома илы 'хорошая жизнь'	*сай илыш* 'хорошая жизнь'
кун ила 'где живет?'	*куштo ила?* 'где живет?'
	коваште 'кожа'

копы 'кожа'
котарка 'кашлять'
кошты 'вредно'
кэпы 'тело'
куннены? 'откуда?'
кырый 'раненый'
кыта 'муравей'
кэря 'ворон'
камталтыка 'опрокинуть (лодку, нарту)'
кэлын ӱр 'рыбий жир'
кя 'береза'
кярыс 'коршун'
лэ 'кость, скелет'
лыптык 'ткань'
ме 'мы' (включая всех, двое)
мокына 'домой; назад, обратно'
мокына пералика 'возвращаться домой'
орса меркы 'сильный ветер'
еп 'рот; пасть (зверя); отверстие; устье (реки)'
пеляк 'сторона'
по 'дерево; дрова'
сичи 'уголь'
сей 'шея'
турий 'край (чего-либо)'
тымты 'здесь'
туты 'карась'
чапа 'капать'

кокыраш 'кашлять'
коштан 'злой, безжалостный, жестокий; волж. вредный'
кап 'тело'
кушеч (-ын)? 'откуда?'
кыралтше 'битый, избитый'
кутко 'муравей'
корак 'ворона'
кумыкташ 'опрокинуть, перевернуть вверх дном', *кумыкталташ* 'опрокинуться, перевернуться вверх дном'
кол ӱй 'рыбий жир'
куэ 'береза'
курныж 'коршун'
лу 'кость'
лапчык 'лоскуток ткани'
ме 'мы'
мӧн гына 'домой'
мӧнгына пӧртылаш 'возвращаться к себе домой'
озыркан мардеж 'свирепый ветер'
ан 'отверстие; горло (в посуде)'
эн еран 'устье (реки)'
вел 'сторона'
пелне 'в стороне'
пу 'дрова'
шӱч 'копоть, сажа'
шӱй 'шея'
тӱр 'край (чего-либо)'
тыште 'здесь'
тото 'линь'
чываш (волж.) 'капать'. Исторически это слово восходит, видимо, к звукоподражанию.

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых молярах *-hyr* (3+3) N^5 - сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах *–cara* (2-5) M^1 - горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) - с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров – M_1^6 луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупами (6,4). По

дистальному гребню тригонида (*dic*) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метаконида (*dw*) у горных мари - 26,3; саамов Финляндии - 31,3; саамов Кольских - 32,7; луговых мари - 40,0; селькупов - 50,0. У остальных групп уральской популяций этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1), хантов (15,7) (47, с. 35-36).

Согласно предположениям В.В. Бунака, "одним из типов, вошедших в весьма давнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский -*А.К.*), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов". "Из прочих типов,- подчеркивает в этой связи В.В. Бунак, - присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип" (7, с. 160-161).

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Волго-Камья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем, этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глотогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Волго-Камья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Волго-Камья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири. Ср., например, гидронимы-двойники (в качестве иллюстраций приводятся названия средних и небольших речных объектов, параллели в названиях больших рек (26, с. 90):

Западная Сибирь	**Волго-Камский регион**
Буй, р., один из истоков р. Шакшы, лев. приток р. Болгу - бассейн Лебеди. **Пуу**, р., лев. приток р. Бии (34, с. 37).	**Буй**, р., прав. приток р. Вятки -Кировск. обл., Марий Эл. **Буй**, р. в Уфимской провинции, течет в Белую с правой стороны, другая в Каму, выше Белой (42, с. 200), Ср. мар. название реки Буй – Пу.
Ик, р., прав. приток р. Берди -Новосибирск. обл. (41, с. 78). **Ик Черный**, р., лев. приток Тобола - Запад. Сиб. **Ик**, р., лев. приток р. Оши - бассейн Иртыша (36, с. 231).	**Ик**, р. лев. приток р. Камы - Татарстан. **Ик**, р., прав. приток р. Ая – Белокатайск. р-н Башкортостана. **Ик**, р., прав. приток р. Киги – Кигск. р-н Башкортостана. **Ик**, рч., прав. приток р. Яйвы Пермск. обл.

См. также **Ик**, р., впадающая в озеро Зайсан - Казахстан

Икса, р., лев. приток Чаи - Томск. обл. **Икса**, р., прав. приток Оби -Новосибирск, обл. (41, с. 79).

См. также **Икса**, р. лев. приток р. Тавды - Свердлов. обл. (29, с. 104-105; 31, с. 74-75). **Икса**, р. в бассейне Мезени (36, с. 231).

Ир-Икса, р., прав. приток р. Большой Кокшаги - Марий Эл (48, с. 11).

Кинер, р., лев. приток р. Кондомы - Кемеровск. обл. (37, с. 73).

Кукша, рч., лев. приток р. Томи (37, с. 93).

Икша, рч., лев. приток р. Ветлуги (51, с. 10). **Икша**, рч. по левую сторону р. Ветлуги (НГ, 114).

Кинер, р. в Малмыжск. р-не Кировск обл. **Кенэр** (Кинер), р. в Арск. р-не Татарстана (1, с. 282).

Кукша, рч., лев. приток р. Рутки (50, с. 11).

Она, р., приток р. Уды - Селенги. **Она**, р., прав. приток р. Абакана.

Она, р., лев. приток р. Лаж - Марий Эл (52, с. 9). **Она**, р., лев. приток р. Немды - Марий. Эл (53, с. 8).

Река **Бирюса** (бассейн Ангары) в нижнем течении носит название **Она** (32, с. 104). Ср. также **Она**, р. прав. приток р. Мезень.

Сума, р., приток р. Чулым (41,с. 87).

Уса, р. прав. приток р. Томи (37, с. 190).

Шегарка, р. лев. приток р. Оби (9, с. 141).

Большая Шора, р., лев. приток р. Томи (37, с. 29). **Малая Шора**, р. лев. приток р. Большой Шоры (37, с. 106).

Сумка, р. прав. приток р. Волги – Марий Эл (51, с. 8). **Сумка**, рч., приток р. Волги - Звениговск. р-н Марий Эл).

Уса, рч.- Мамадышск. уезд Казанск. губ. (19, с. 48).

Шугарка, р. лев. приток р. Юшут -Марий Эл (52, с. 8).

Шора, р., лев. приток р. Илеть - Марий Эл, Татарстан. **Шора**, р., прав. приток р. Юшут - Марий Эл.

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвоисторического исследования на весьма значительном и многообразном по характеру материале, поэтому вопрос об их происхождении остается пока открытым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсланов Л.Ш.* О происхождении топонима Кенэр (Кинер) // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.

2. *Архипов Г.А.* Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н.э.) // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23-25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967.

3. *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола. 1976.

4. *Беккер Э.Г.* О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Вып. 2. Томск, 1970.

5. *Беккер Э.Г.* О некоторых селькупских географических терминах // Языки и топонимия Сибири. Вып. 3. Томск, 1970.

6. *Бромлей Ю.В.* К типологизации этнических процессов // Проблемы типологии в этнографии. Москва, 1979.

7. *Буиак В.В.* Антропологическнй тип черемис (с 18 табл. и мног. рис.) // Русский Антропологический Журнал. Т. 13. Вып. 3–4. Москва, 1924.

8. *Вишневский Б.Н.* Следы угров на Западном Урале // Ученые записки. Т. XII, вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. Пермь, 1960.

9. *Воробьева И.А.* Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

10. *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

11. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991.

12. *Дульзон А.П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. VI. Серия физико-математических и естественно-географических наук. Томск, 1950.

13. *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. Москва, 1962.

14. *Европеусъ Д.* Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщения. Ч. 139. Іюль мѣсяцъ. С.-Петербургъ, 1868.

15. *Европеусъ Д.* О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщения. Декабрь мѣсяцъ. С.-Петербургъ, 1872.

16. *Европеусъ Д.* Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Санкт-Петербургъ, 1874.

17. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X- начало XX в. Москва, 1982.

18. *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. Учебное пособие. Ижевск, 1994.

19. *Износковъ И.А.* Списокъ населённыхъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда (Приложеніе къ его реферату "О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ"). Казань, 1882.

20. *Ириков С.И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский.Пособие для учащихся начальной школы. Ленинград, 1988.

21. *Истомин К.Э.* Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур// Древние памятники приустьевого Закамья. Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Вып 1. Казань, 1993.

22. *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

23. *Кимов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. Москва, 1990.

24. *Кузакова Е.А.* Словарь манси (восточный диалект). Москва, 1994.

25. *Куклин А.Н.* Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 3 c. Sessiones sectionum. Linguistica. Debrecen, 1990.

26. *Куклин А.Н.* К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica XXXI, N 2. Tallinn. 1995.

27. *Куклин А.Н.* К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-ень -га // Linguistica Uralica XXXI, № 3. Tallinn, 1995.

28. *Матвеев А.К.* Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Вып. I. Второе Уральское Археологическое совещание при Уральском университете 1-7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961.

29. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.

30. *Матвеев А.К.* К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.

31. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Свердловск, 1987.

32. *Мельхеев М.Н.* Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986.

33. *Микушев А.К.* Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). Ижевск, 1981.

34. *Молчанова О.Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

35. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. Москва, 1974.

36. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. Москва, 1984.

37. *Мытарев А.А.* От Абы до Яи. Географический словарь Кемеровской области. Кемерово, 1970.

38. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990.

39. *Петровых Ф.И.* Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В.И. Лыткина) // Ученые записки, т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции Вып. 3. Пермь, 1960.

40. *Попов А. В.* К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири Т 49. Вып. 2. Иркутск, 1926.

41. *Саблина О.Ф.* Реки // Природа Новосибирской области. Новосибирск, 1968.

42. *Татищевъ В.Н.* Лексиконъ Россійской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. I. Санктпетербургъ, 1793.

43. *Теплоухов А.Ф.* Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания, т. XXXIX. Свердловск, 1924.

44.*Теплоухов А.Ф.* О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Ученые записки. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып.3. Пермь, 1960.

45. *Терентьев В.А.* Ностратические этимологии // Этимология 1977. Москва, 1977.

46. *Туркин А.И.* Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX- начала XX вв. // История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967.

47. *Халдеева Н.И.* Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.

48. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (С приложением карты кантона). Вып. I. Краснококшайск, 1926.

49. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Звениговский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 3. Краснококшайск. 1926.

50. *Янтемир М.Н.* Описание. Маробласти. Козмодемьянский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 4. Краснококшайск, 1926.

51. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Юринский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 5. Краснококшайск. 1927.

52. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Сернурский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 7. Краснококшайск. 1927 (на обложке: 1928).

53. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Торъяльский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 8. Йошкар-Ола, 1929 (на обложке: 1930).

54. *Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF, 18. Helsinki, 1927.

55. *Munkácsi B.A.* A votják nyelv szótáro. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Votjakischen) (1890, bzw. 1896) (Reprint). Pécs, 1990.

Сокращения

волж. - волжский говор марийского языка; диал. - диалектное слово; коми-зыр. - коми-зырянский язык; КУ - красноуфимский говор марийского языка; манс. - мансийский язык; мар. - марийский язык; марГ - горное наречие марийского языка; марЛ - луговое наречие марийского языка; морд. - мордовские языки; морк.-серн. - моркинско-сернурский говор марийского языка; нен. - ненецкий язык; общеперм. - общепермский язык-основа; саам. - саамский язык; селък. - селькупский язык; удм. - удмуртский язык; урал. - уральский язык-основа; хант. - хантыйский язык; НГ - Нижегородская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года. Санктпетербургъ, 1863; ОФУЯ - Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974.

Anatoly Kuklin

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONSHIP OF FINNO-UGRIC AND SAMOYEDIC PEOPLES

It is difficult to solve the question about Uralic substrate in toponymy of the Volga and the Kama regions because of insufficient and irregular study of ethnic and cultural relationship between Finno-Ugric and Samoyedic peoples. It is also very complicated to solve the problem of ethnic genesis of the Uralic speaking peoples, which have much in common as well as differ greatly. Such differences originated from their territorial disconnection and from close contacts with unrelated peoples and tribal groups. Different ancient substrate influenced their dialects, what was followed by subsequent divergence in the process of independent evolution.

Decision of the question is aggravated by the fact that ethnic structure of the Volga and the Kama region is various not only anthropologically but also in languages.

Complicated problem of ethnic genesis of the Uralic race gave every reason for different hypotheses, not convincing enough, not always reliable and sometimes mistaken.

To relic geographical names of the Volga and the Kama regions belong toponyms of Ugro-Samoyedic origin, representing a riddle, which solving is encoded by centuries-old changes in phonetic aspect and considerable conversion of meaning aspect. Thus, the names of the rivers Bolshaya and Malaya Yunga (in Mari Kogo Yingy and Aryingy), flowing from the right into the Volga on the territory of Gornomariysky region of Mari El are usually identified with Khanty yink «water». But judging from semantic and external resemblance this name is more compatible with Nenets yunko «river», what testifies to its Uralic origin. Hydronym Unzha (in Mari Uncho) absolutely has genetic ties with Selkup and by comparing map drawing of the names of the river objects of the Volga and the Kama region and West Siberia.

"Финно-угроведение". 1998, № 3-4.

Светлана Червонная
Москва

ТВОРЧЕСТВО КОНСТАНТИНА ЕГОРОВА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ 1920-х ГОДОВ

Жизнь и творчество марийского художника Константина Егорова (1897-1937), еще недавно скрытые от общественности глубоким мраком неизвестности (жертвам сталинских репрессий не было места в истории "советского искусства", во всяком случае, в официальных версиях этой истории вплоть до середины 1950-х годов) и едва обозначенные легким штриховым контуром в робких попытках реабилитации этого светлого забытого имени, предпринятых в эпоху "оттепели", в первых литературно-исторических и искусствоведческих публикациях с упоминанием о К.Ф. Егорове 1960-70-х годов (1), в настоящее время, прежде всего трудами его соотечественников и духовных наследников - современных марийских ученых, восстановлены в полном объеме. Яркая биография и трагическая судьба этого человека - одного из первопроходцев и создателей марийской национальной культуры XX века - предстала во всей сложности, во всех деталях, какие можно было проследить по архивным документам и имеющим первостепенное значение ценнейшего первоисточника воспоминаниям его дочери Ольги Егоровой. Проведенная Марийским НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева в 1998 году научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения К.Ф. Егорова, и изданная Марийским Республиканским центром народного творчества в 1998 году монография Владимира Кудрявцева "Художник Константин Егоров", включающая восстановленный исследовательским трудом список основных произведений (как сохранившихся, так и утраченных) живописи и графики К.Ф. Егорова и дайджест мемуаров и статей о его творчестве (2), в известном отношении завершили целый этап изысканий, подвели итог всем направлениям, по которым можно было восстановить в народной памяти творческий путь, индивидуальный облик, вклад в развитие марийского искусства, личную

жизнь и трагический конец в застенках НКВД Константина Федоровича Егорова (3).

Не считая нужным повторять то, что из жизни и творчества К.Ф. Егорова стало таким образом уже известным, обоснованным историческими материалами и искусствоведческим анализом, прочно вписанным в историю отечественного искусства, мы сосредоточим в настоящей статье внимание на некоторых обстоятельствах той художественной жизни, нравственных коллизий, политической борьбы, столкновения эстетических концепций и течений, дискуссий по проблемам становления национальных культур народов России, в атмосфере которых происходило становление художника в 1920-х годах и последующее развитие его творчества. Разумеется, мы не сможем осветить все эти моменты, а ограничимся лишь некоторыми интересными страницами истории, восстановить которые мы можем на основании новейших публикаций, а также источников, исследованных автором в архивах Казани и Йошкар-Олы. При этом главная проблематика, на которой сосредоточено наше внимание и в контексте которой нам хотелось бы представить важнейшие аспекты творчества Константина Егорова, связана с формированием национального характера, своеобразия, "национальной стилистики" искусства народов, чей творческий потенциал активно включается в первой половине XX века в полиэтничный комплекс культуры Российской Федерации, с концепциями национальной самобытности, с развитием межэтнических контактов, интернациональных влияний, с динамикой этнических процессов и выражением этнического самосознания в искусстве той сложной эпохи, чей неровный пульс определяется столкновением сильнейших антагонизмов.

Первой страницей в этом ряду является тот недолгий, но значительный для становления художника период его жизни (1921-1922 годы), когда Егоров, заброшенный превратностями гражданской войны в далекую Восточную Сибирь - в Иркутск, посещал там занятия художественной студии, которой руководил талантливый художник-педагог, известный теоретик "туземных культур" народов Центральной и Северной Азии, духовный отец "сибирского областничества" (во всяком случае, соавтор этой концепции наряду с такими ее провозвестниками, как Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев) Иван Копылов. Значение школы И.Л. Копылова, где учились в 1920-х годах такие - в дальнейшей перспективе ведущие - мастера бурятского искусства, как И. Аржиков, А. Окладников, А. Ажигиров, Р. Мэрдыгеев, Г. Павлов, И. Дадуев, Ф. Балдаев, для бурятского искусства, а также для молодых национальных культур Хакасии, Ойротии (Горного Алтая) и других коренных народов многонациональной Сибири хорошо известно из литературы, посвященной культуре этих регионов или всей сибирской культуре (4). Нам важно здесь подчеркнуть тот момент, который, может быть, еще недостаточно выявлен в нашем искусствоведении, а именно причастность к этой

весьма своеобразной, оригинальной эстетической школе К.Ф. Егорова как человека, представлявшего финно-угорский европейский культурный мир. Важнейшие принципиальные положения эстетической теории и педагогической практики И.Л. Копылова, стремившегося к сохранению "первобытной, архаической основы туземных культур", "девственного, почти детского восприятия мира, столь ценного для художника" (5, с. 14), к развитию системы утонченной художественной стилизации, предостерегавшего от унылой унификации форм, от "отравы" "европейского реализма", наконец, придававшего первостепенное значение культовой, конфессиональной традиции восточных культур (и буддистского, и языческого, и исламского, и христианского направлений), обладали, как оказалось, универсальной силой, приложимой к формированию новых концепций национальных культур разных народов советской Евразии.

Разумеется, не следует преувеличивать влияние школы И.Л. Копылова (заклейменной как "копыловщина" в вульгаризаторской критике 1930-х годов, объявившей по партийному указанию яростную идеологическую войну всем "нацдемовским уклонам") на молодого Егорова, посещавшего эту студию всего несколько месяцев, сочетавшего в тот (не во всех деталях еще прослеженный) иркутский период своей жизни увлечение живописью и графикой с увлечением музыкой, вокалом, с воинской службой, к тому же, вероятно, и недостаточно знакомого со всеми аргументами и постулатами художественной теории своего учителя, окончательно сформулированными позднее - в середине 1920-х годов (2, с.5). Однако нельзя и недооценивать это воздействие на человека, который уже в силу своей молодости (Егорову еще не было и 25 лет, и ни в каких других художественных школах до Иркутска он не учился) был к нему предрасположен, тем более что Копылов был личностью сильной, незаурядной, популярной в сибирских интеллигентских кругах и в молодежной среде.

Поэтому нам хотелось бы напомнить некоторые важнейшие эстетические установки И.Л. Копылова (сформулированные позднее, но в его педагогической практике реализуемые с самого начала 1920-х годов), которые характеризуют ту атмосферу, в которой формировался талант Егорова, и те эстетические установки, с которыми мог соизмерять марийский художник свои первые шаги в искусстве.

. "Моей мечтой было, и я храню ее, - писал И.Л. Копылов одному из руководителей Буручкома (Бурят-Монгольского Ученого комитета) П. Дамбинову, - как сохранение остатков исчезающего старого бурятского искусства, имеющего общечеловеческое значение, так и возрождение этого искусства вновь на особенностях Востока..." (6, с. 44).

"... Кстати и о сибирском искусстве, - рассуждал Копылов в своем известном эстетическом трактате, опубликованном сначала в ряде статей в сибирских журналах, а в 1927 году в виде отдельной брошюры под назва-

нием "На перевале", - Можем ли мы ставить вопрос о нем, как об искусстве особом, отдельном от искусства СССР?" На этот вопрос он отвечал утвердительно, и ссылаясь на Гогена, который специально ехал на Таити, чтобы в первобытном искусстве и быте туземцев найти импульсы творческого обновления, писал: "Не живем ли мы, сибиряки, в условиях, подобных условиям Гогена, и соприкосновение с искусством нацменьшинств, роскошью природы и своеобразием сибирского быта не дадут ли нового здорового взлета вверх сибирского искусства? Мы со своей стороны в этом глубоко убеждены" (5, с. 7). "Первобытное искусство нацменьшинств" Копылов понимал очень широко - и как археологическое наследие местных древних культур, и как загадочные знаковые системы шаманского, языческого искусства, связанного с магией охотничьих и земледельческих племен, и как мощные культурные пласты "дацанского искусства" - буддистской культуры ("... Примитив монгольской иконографии, - подчеркивал он, -со стороны формальной нам, подошедшим в исканиях именно к нему, современен и близок" (8, с. 16).

Главный завет своим ученикам Копылов сформулировал как предупреждение "Нельзя видеть Сибирь глазами Шишкина" (5, с. 14).

С этим заветом в душе возвращается Егоров из Сибири на родину, с этим убеждением поступает он в 1923 году в Казанскую художественную школу (только что преобразованную из Свободных Художественных Мастерских в Кахутеин - Казанский художественно-технологический институт, один из самых передовых, духовно раскрепощенных творческих вузов Российской Федерации начала 1920-х годов), встречая в этом вопросе понимание широкого круга воспитанников и молодых педагогов "левой" ориентации, именно на этой платформе поисков самобытности марийского искусства, обладающего собственной культурой блистательных "примитивов", собственными археологическими богатствами (в том числе исследованными его отцом - историком, представителем новой формации марийского образованного духовенства - Федором Егоровым), в соприкосновении с первозданной "роскошью природы" Марийского края и с экзотикой марийского народного быта, начинает он свой самостоятельный творческий путь. К сожалению, уцелело совсем немного ранних работ К.Ф. Егорова, большинство из которых погибло после его ареста и расстрела в 1937 году, но и то, что мы знаем в оригиналах ("Марийская пасека" 1925 года из Национального музея Республики Марий Эл имени Т.Е. Евсеева, рисунки 1928 года "Языческий обряд", "Всадники в деревне", "Умыкание невесты", "Женщины, стирающие белье" из Музея изобразительных искусств Республики Марий Эл), и те работы, о которых мы можем судить лишь по каталогам, отзывам современников и архивным данным (студенческие композиции "Мордовки", "Чувашки", экспонировавшиеся на институтской выставке в Казани в конце 1924 года, дипломная работа 1926 года "Марий-

ский сенокос", созданные вскоре после окончания института и составившие его первый самостоятельный цикл историко-поэтических произведений полотна 1927-1929 годов "Древний первобытный марийский поселок", "Совет старейшин на кургане", "Тризна", "Ага пайрем" - весеннее моление марийцев-язычников в березовой роще) - все это никак не похоже на изображение Марийского края "глазами Шишкина", средствами академической живописи. "От его первых картин, - писал о работах Егорова В. Мухин, - веет глубокой древностью, былинной простотой. Все действующие фигуры тонут в море первобытной лесной природы... Сама жизнь марийцев - ...дикая, затерявшаяся в море лесов" (7, с. 208). Не Копылов ли первым научил своего воспитанника различать и ценить эстетику первобытных культур, чувствовать красоту этой яркой "дикости", "затерявшейся в море лесов"?

Но говоря об уроках, которые несомненно извлек Константин Егоров из своей первой, сибирской художественной школы - иркутской изостудии И.Л. Копылова, мы не должны упустить из виду второй, гораздо более мощный и значительный пласт культуры, в которой происходило формирование художника. Этот пласт составляет педагогика Кахутеина на сложнейшем, переломном этапе и вся атмосфера художественной жизни Казани в 1923-1926 годах, когда там жил и учился К.Ф. Егоров. Именно в этот период Кахутеин, прежде - по сравнению с другими художественными вузами и "Свободными мастерскими" Советской России - не имевший никакой особой "национальной специфики", превращается в институт, прежде всего ориентированный на подготовку кадров мастеров татарского искусства и национальных культур соседних автономий Поволжья и Приуралья. Циркуляр Татнаркомпроса от 7 августа 1923 года о приеме студентов в Кахутеин на новый учебный год подчеркивает: "Татарам следует предъявлять пониженные требования по всем дисциплинам и в особенности по русскому языку и по возможности производить испытания на родном языке" (8, л. 68). Приказ Наркома просвещения Татарской Республики от 22 августа 1923 года гласит: "... Всем командированным абитуриентам из татар и нацмен (подчеркнуто нами - *С.Ч.*) применять пониженные требования и считать зачисление их первоочередной задачей в Татреспублике" (8, л. 76). Эта установка дает быстрый и ощутимый результат. Если в списке поступивших в Институт в 1922 году было только два татарских имени - Ибрагима Нигматуллина и Ахмета-Фаика Тагирова (9) (а в списках с 1919 до 1922 года - ни одного), то в протоколе заседания КХТИ от 31 августа 1923 года среди "командированных" и "самостоятельно поступивших" мы встречаем целый ряд татарских имен: Х. Алмаев, З. Тимер-Булатов (Булат), Д. Красильников ("из кряшен, комсомолец"), К. Китабов, Утямышев, а также имена двух выходцев из соседней Марийской АО: Г.В. Модин ("из бедных крестьян") и К.Ф. Егоров (поступил "самостоятельно") (8, л. 90-95).

Уже в 1924-25 учебных годах из 185 обучавшихся в Казанском художественном институте студентов 36 % составляли татары, 16 % - "нацмены" (этот термин казанская советская бюрократия тех лет распространяла, главным образом, на коренные народы соседних автономий - марийцев, чувашей, удмуртов, считавшихся еще недавно "своими" "национальными меньшинствами" - внутри Казанской губернии) и 48 %- русские" (10).

Итак, 31 августа 1923 года Егоров был принят в Кахутеин (8, л. 90). В 1926 году, получив звание профессионального художника за дипломную композицию "Марийский сенокос", он окончил это учебное заведение, реорганизованное к тому времени в Казанский художественный техникум, и вернулся в Краснококшайск. В какой же атмосфере, в каком творческом окружении провел он эти три года в Казани?

Казанские Государственные Свободные Художественные Мастерские, как высшее учебное заведение нового типа, созданное на базе старой (открытой в 1895 году) Казанской художественной школы, работали с января 1919 года (11), и Егоров не застал тот "золотой век" их ранней истории, когда здесь - под энергичным руководством архитектора Ф.П. Гаврилова - была сосредоточена передовая творческая мысль, бурно кипела студенческая жизнь, устраивались выставки и проводились художественные конкурсы, демонстрировавшие самые смелые новаторские искания в духе революционного авангардизма. Впрочем, и в тот период наряду с модернистскими новациями здесь было представлено традиционное, реалистическое направление, в котором работали и воспитывали своих учеников такие известные художники-педагоги, как живописцы Н.И. Фешин, В.К. Тимофеев, скульпторы В.С. Богатырев, Г.А. Козлов, театральный декоратор В.С. Щербаков и другие молодые советские профессора 1919-1922 годов.

Завершение 1922-23 учебного года формально не было связано с каким-либо изменением статуса этого учебного заведения. Правда, его название, утратившее стабильность еще в предшествующие годы, снова подверглось модификации, причем строгого порядка в смене и уточнении этих названий не было, так что даже в синхронных документах (на бланках, печатях, в циркулярах Наркомпроса, в публикациях) были заметные разночтения. В 1923-24 годах его называли и по-старому - Кахутеин (Казанский Государственный художественно-технологический институт), и с новым уточнением - Казанский Государственный архитектурно-художественный (иногда - архитектурно-технический) институт, но это не меняло сути дела до тех пор, пока он оставался художественным вузом авангардистского типа. Работа Института по-прежнему была ориентирована на ту художественную программу, которую его ректор Ф.П. Гаврилов разработал еще в 1919-1920 годах с учетом опыта петроградского и московского Вхутемасов.

Однако содержание учебно-педагогического процесса, творческой жизни и вся художественная атмосфера в Кахутеине в середине 1920-х го-

дов - по сравнению с тем, что было в первые послереволюционные годы, - менялась буквально на глазах. И хотя школой по-прежнему руководил Ф.П. Гаврилов, и в педагогическом коллективе лидерами еще оставались его единомышленники - такие яркие представители "левого фронта" в искусстве, как Константин Чеботарев, Александра Платунова, Степан Федотов, Николай Пузанков, и хотя дух авангардизма, экспериментаторства, интерес к агитационно-монументальному и "производственному" искусству в его абстрактных и конструктивистских формах преобладал во многих классах и мастерских, все же многое в этом Институте с 1923 года стало уже иным. С одной стороны, революционный пафос, вдохновлявший молодежь первых послеоктябрьских лет, в какой-то мере исчерпал себя, наступала внутренняя усталость, а порою и разочарование в тех громких лозунгах и глобальных идеалах "мировой революции", выражению которых соответствовала отвлеченная символика, кубофутуристическая форма, натужная гигантомания монументальных панно, броских плакатов, эскизов призрачных памятников и утопических "городов Солнца". Печальные последствия послевоенной разрухи, голода (особенно страшного для Поволжья голодного 1922 года, печать которого еще лежала на сильно обезлюдевшей Казани в 1923 году), судороги непоследовательного нэпа, порождавшие гораздо больше фарсовых ситуаций, чем отрадных картин, - все это объективно способствовало перестройке "революционного" искусства и на более приземленный, и на менее патетический лад. С другой стороны, нарастала реакция консервативных творческих сил, возглавивших по всей стране "борьбу с формализмом" и глобальное наступление на "левое", свободное искусство. Адепты последнего вытеснялись их окрепшими конкурентами из высших эшелонов, формирующих культурную политику (из Наркомпроса, из столичных художественных вузов), выставочная деятельность переходила в руки таких группировок, как АХРР, выбросивших лозунг возрождения передвижнических традиций и реализма, правдивого "бытописания", "верности натуре".

Осенью 1924 года Кахутеин был преобразован в Архумас (Архитектурно-художественные мастерские). Однако в 1924-25 учебном году вузовская структура Архумаса еще не была разрушена. В него входили следующие отделения: архитектурное, архитектурно-стандартное, скульптурно-керамическое, живописное, малярное (под этим названием существовало отделение монументальной живописи, руководимое Н.В. Пузанковым), декоративное (театрально-декорационное), полиграфическое и "педагогическое по изо" (готовившее учителей рисования для начальных и средних школ). Выпускники получали специальности архитекторов, "техников" (фактически - дизайнеров), скульпторов, керамистов, художников монументально-декоративной, театральной и станковой живописи, граверов по линолеуму, дереву, металлу, офортистов, литографов, печатников (10, л.1-

2). Продолжая традиции революционного периода, коллектив учащихся (они еще называли себя "подмастерьями") и педагогов Архумаса принимал активное участие в общественной жизни края. В 1924-25 году здесь была проведена "ударная работа" по созданию зарисовок -иллюстраций для республиканских газет "Красная Татария" и "Новая деревня". В развитие идей "ленинского плана монументальной пропаганды" в Архумасе был разработан проект перестройки старого казанского памятника "в честь победы русских над татарами" и превращения его в "памятник Содружества народов" (10, л. 6).

Первый сокрушительный удар по Архумасу, еще сохранявшему до конца 1924/25 учебного года традиции и педагогические принципы Кахутеина, был нанесен на состоявшемся в конце июня 1925 года собрании "Главпрофобра ТССР" (Главного комитета по профессиональному образованию), на которое была приглашена группа активистов недавно созданной "ТатАХРР" (П.А. Радимов, А.К. Лукоянов, Г.А. Медведев, П.М. Байбарышев, И.А. Никитин, В.К. Тимофеев, М.М. Васильева, К.Т. Чинаров). Все они упорно твердили, что нынешний Архумас не может быть вузом. "В Институте, - заявил Лукоянов, - образовалось засилье левого блока, с которым работать мы не хотим и не будем... Мы, АХРР, согласны взять в свои руки Архумас при условии удаления всего теперешнего состава Архумаса" (10, л. 28, 31). Попытка ведущих педагогов (Ф.П. Гаврилова, К.К. Чеботарева, М.В. Барашова, Н.В. Пузанкова) и студентов, представлявших комсомольский актив Архумаса (Ф. Тагирова, Д. Красильникова, Г. Комарова) отстоять Архумас хотя бы как "техникум повышенного типа" потерпела крах. "Повышенный тип, - говорил, в частности, инструктор-литограф полиграфического отделения М.В. Барашов, - даст более законченную квалификацию (как на Украине и в других местах). Такой политехникум обслужит не только ТССР, но и другие национальности... Это будет учебный центр художественной культуры Востока" (10, л. 29, 30). Однако чиновники из Главпрофобра, уже вооруженные инструкцией о ликвидации вуза, не желали слушать никаких доводов. "Техникум повышенного типа ("украинский вуз") невозможен в Казани", - заявил представитель Главпрофобра Кочкарев, ссылаясь на то, что для этого в городе якобы "нет материальной базы" (10, л. 31). Атмосфера жесткой конфронтации, которая выявилась на этом собрании, во многом определяла ту обстановку, в которой находилась учащаяся молодежь Архумаса в середине 1920-х годов. "А.В. Луначарский сначала скептически относился к АХРР, - говорил П.А. Радимов, - а теперь считает АХРР основой изоискусства. Партия еще не решила окончательно вопрос об искусстве. Мы же считаем все левое направление в искусстве бесцельным и вредным... Наш метод работы - реализм" (10, л. 32). Его дополнял А.К. Лукоянов: "АХРР - организация... где нет тупика, который был у футуристов. Что дали (в 19-20 гг.) футуристы? Принесли больше

вреда своими кирпичами на выставках. АХРР говорит языком понятным. Форма футуристов непригодная, так же и у ЛЕФов" (10, л. 33). Им отвечает К.К. Чеботарев: "Каждая эпоха создавала свои формы реализма, а ахрровцы хотят сейчас культивировать натурализм, или протокольно-фотографический реализм... АХРР - не единственное русло для искусства" (10, л. 32, 32 об.). Его поддерживает М.В. Барашов: "... работа АХРР - плохая фотография быта" (10, л. 33 об.). "По вопросу об АХРР... - говорит Д.Н. Красильников - забыли спросить студентов. Они знают работы художников АХРР и их чистый станковизм. Где же у них искусство сегодняшнего дня?" (10, л. 34). Ф.Ш. Тагиров (19-тилетний студент, татарин, комсомолец, член Президиума ТатЛЕФ) еще более категоричен: "АХРР подозрителен в своей революционности... Они культивируют только станковизм" (10, л. 8). Призыв к компромиссам в этой дискуссии повисает в воздухе. "Работников из АХРР и сторонников "Левого фронта" необходимо объединить, - говорит П.М. Дульский. - взять от каждого [направления] талантливых и работоспособных мастеров, использовать их мастерство и знания в учебных целях... Передача же учебного заведения в руки одной из группировок - явление ненормальное [...] Ненормальная и необоснованная враждебность ахрровцев по отношению к сторонникам Левого фронта ни к чему не приведет" (10, л. 28, 29, 33). На это Радимов, Никитин, Лукоянов, как записано в протоколе собрания, отвечают: "Мы отказываемся от дискуссии с ЛЕФами". Участвовать не будем" (10, л. 34). Опираясь на их непримиримую позицию, руководство республики принимает решение преобразовать с 1926 года Архумас в Казанский художественно-педагогический техникум (КХПТ). Смерть Ф.П. Гаврилова, отъезд в том же 1926 году из Казани значительной части педагогов (среди которых К.К. Чеботарев, А.Г. Платунова, В.С. Богатырев) и студентов старших курсов, получивших возможность завершить свои дипломные работы в вузах Ленинграда и Москвы, коренным образом меняет обстановку в училище. Вульгарная, нигилистическая установка на ограничение роли художественной школы "подсобными" (по отношению к нуждам народного хозяйства) функциями побеждает в руководящих кругах Татарской республики. Ярче всего это проявляется в материалах заседания "Методкомиссии по художественному образованию" при Главпрофобре от 9 января 1926 года. Один из выступающих (некто Векслин) прямо заявляет, что готовить в советском учебном заведении "художников-одиночек" - это "недопустимая роскошь". "В Архумасе... - с нескрываемым возмущением говорит он, - была ставка на талант, на одиночек-выпускников. Даже была попытка равняться по вузам. Там даже до сих пор еще остались факультеты. Этому надо положить конец! Надо думать не о талантах-одиночках, а о массовой средней культуре. Надо делать советские игрушки для детей трудящихся и к этому готовить всех выпускников" (10, л. 37 об.)

К счастью, в Казанской художественной школе, даже низведенной до статуса художественно-педагогического техникума, нашлись силы, способные противостоять вульгарным установкам сверху, нигилистическому отношению к искусству и таланту. Эти силы сплотил и возглавил вернувшийся в Казань в 1926 году (после окончания московского Вхутеина) татарский художник Баки Урманче, вскоре назначенный заведующим учебной частью КХПТ.

Все эти трудные переломы в истории Казанской художественной школы в те годы, когда там учился К.Ф. Егоров, предопределяли и сложность выбора, перед которым был поставлен молодой художник, и неровность его дальнейшего творческого пути. В какой-то мере, инстинктивно следуя совету П.М. Дульского, он старался взять лучшее от разных художественных направлений, опираясь на знание и мастерство наиболее талантливых и работоспособных педагогов разной стилистической ориентации. И все же нельзя забывать, что господствующим направлением в Казанской школе к тому времени, когда Егоров завершал свое образование, становился "ахрровский" реализм, и ограничение творческого кругозора мастера установкой на "документальный фотографизм" в описании современного народного быта в известной мере было и неизбежным, и вынужденным.

В Казанскую школу возвращалась развитая здесь и прежде традиция "натурного" изображения, культура рисунка и живописного этюда с натуры. Теперь, однако, старая традиция "деревенского жанра", мещанского бидермейера, сентиментального пейзажа, поздне-романтического портрета должна была оплодотвориться новой социальной демагогией, " коммунистической пропагандой", и художникам давалась целевая установка "правдивого, реалистического отражения социалистических преобразований в Стране Советов". Такую установку содержала уже конкурсная программа, предложенная студентам Кахутеина на отделении станковой живописи в 1923 году. Она заметно отличалась от конкурсной программы прошлого, 1922 года, стимулировавшей создание произведений монументально-символического характера, фантастической смелости, глобально-тематического масштаба - о мировой революции, свободе, братстве людей труда, пролетарской солидарности, торжестве народной воли и т.п. Теперь рамки конкурса были ограничены довольно скучным перечнем основных тематических направлений: "Жизнь (быт) и труд: а) фабрично-заводской, б) крестьянский (деревня), в) Красной Армии, г) мотивы татар (быт и труд)" (12). Эти же темы с унылой настойчивостью повторяются в конкурсной программе 1924 года (13). Правда, в 1924 году к этому перечню добавилось предложение создавать произведения "на смерть товарища Ленина", а именно портреты вождя или композиции на тему "Ленинизм" (возможно, и "рассчитанные на стенопись"), а также "по предложению тов. Бурнаша"

была записана тема "Портрет татарского большевика Ямашева" с условием, что тов. Бурнаш берется достать и не позднее 27 марта представить "часть материала: фотографии и биографии на т. Ямашева, историю татарского рабочего движения и проч. ...В противном случае за неимением материала снять эту тему с конкурса" (12, л. 22).

Круг произведений, показанных на конкурсных выставках 1923 и 1924 годов, дает наглядное представление о том, в каком художественном контексте учился и работал в Казани Константин Егоров, который неизбежно оказывался вовлеченным в этот общий поток, в разработку обязательной "трудовой и бытовой" тематики, включая фабрично-заводскую, деревенскую, красноармейскую, историческую и выделенную отдельной строкой "национальную" (наряду с "мотивами татар" допускались и чувашские, удмуртские, марийские и т.д. "мотивы") тематические линии. Среди произведений, окружавших его в стенах Кахутеина, показанных на конкурсных выставках 1923-1924 годов, были композиции "На заводе" П.М. Байбарышева, "Деревенский митинг" И.И. Князькова, "Труд" (литье чугуна в заводском цеху) М.А. Смиренской, "Кузница" А.П. Катуша, "Ленин в гробу" В.Т. Чинарова, "Ленинский призыв" Б.И. Осипова, "Из быта татар" В.Л. Лаптева, "Сбор сена" Ф.Ш. Тагирова, "Грузчик" Н. Славина, "Татарский коробейник" Г.В. Модина, "Работница-татарка в поле" А.Н. Коробковой (14).

Особый интерес в этом контексте представляют работы художников из соседних автономных областей и республик Среднего Поволжья - Чувашии, Удмуртии, Марийского края, которые так же, как Константин Егоров, учились в Кахутеине в середине 1920-х годов. Выделим в их ряду Николая Косолапова из Удмуртии. Его творчество, как нам кажется, представляет во многом близкий аналог и параллель творчеству К.Ф. Егорова на этом историческом этапе, и само пробуждение в стенах Казанского художественного института, у его воспитанников и выпускников особого интереса к "национальной жизни" соседних народов, к финно-угорской этнографической экзотике, к особенностям бытового уклада, традиционного народного костюма, к типичным моделям ("марийская крестьянка", "удмуртская крестьянка" и т.д.), к этническим обрядам в их колоритном языческом своеобразии ("марийская свадьба", "удмуртская свадьба") и к сценам коллективного крестьянского труда, в которых также акцентируется этническое своеобразие ("марийский сенокос", "удмуртская жатва"), в таком сопоставлении воспринимается как закономерное явление, столь же исторически прогрессивное, сколь и неизбежно ограниченное менталитетом, вкусом, наивно-пропагандистской риторикой "ахрровского" направления, установившего над этим искусством свой идеологический контроль.

Поскольку творческая биография К.Ф. Егорова читателю журнала уже хорошо известна, а "жизнеописание" художника Н.А. Косолапова, об-

наруженное нами в Центральном Государственном Архиве Татарстана, не публиковалось, мы приведем это "жизнеописание" более подробно, надеясь, что оно добавит свои краски и обогатит тот контекст, в котором и творчество Егорова должно получить новое осмысление.

Н.А. Косолапов, родившийся в 1899 году, был на два года моложе К.Ф. Егорова, но свою дорогу из "Вотяцкого края" (Удмуртии) в Казанскую художественную школу проложил значительно раньше: первый раз он поступил в эту школу в 1915 году и занимался до 1917 года, затем вернулся в Казанские Свободные художественные мастерские в 1919 году и работал в живописной мастерской под руководством В.К. Тимофеева. Однако болезнь, вызванная голодом, заставила его во второй раз прервать учебу и уехать на родину, где он (как и Егоров в 1920-21 годах) попадает на военную службу. Оказавшись в распоряжении глазовского военкомата, Косолапов занимается культпросветработой среди красноармейцев. С окончанием гражданской войны, осенью 1922 года, он был демобилизован из Красной Армии и вновь отправился в Казань для завершения учебы в художественном институте. Теперь он занимался здесь под руководством П.П. Бенькова и И.А. Никитина. Новая ситуация, которая сложилась в Кахутеине (Архумасе) в 1923-1925 годах, побудила Косолапова обратиться к "национальной", удмуртской теме, заставила его ощутить себя представителем национальной культуры Вотской Автономии. На конкурс 1925 года были предложены на выбор учащихся три основные темы: 1. "Быт и труд татар". 2. "1905 год". 3. "В.И. Ленин и крестьянство". "Я выбрал первую, - писал в своей пояснительной записке Н.А. Косолапов, - но заменил ее, так как я житель Вотской области [..] Я выбрал тему из жизни вотяков [удмуртов]" (15). 23 октября 1925 года состоялась успешная защита этой дипломной работы (16, л. 45). Картина изображала крестьянскую страду - жатву. На фоне колосящегося хлебного поля была выделена группа жнецов - удмуртов в домотканых крестьянских одеждах. Центральное место в этой группе занимала удмуртская крестьянка со снопом колосьев в руках и девочка, укачивающая в люльке младенца. Стремление к бытовой достоверности, к точному воспроизведению трудового процесса, подкрепленное материалами своеобразной "летней практики" (летом 1925 года художник совершил поездку по удмуртским селам и наблюдал за полевыми работами), сочеталось с интересом к некоторым символическим обобщениям, связанным, в частности, с темой семьи, связи между поколениями, с образом женщины, демонстрирующей плоды жатвы как некий символ желанного изобилия. Видимо, не все в этой картине (известной нам из подробного авторского описания и из протокола педагогического совета по защите конкурсных работ) было достаточно убедительно. И сам художник относился к ней довольно самокритично, и один из его товарищей - студент А. Комаров - прислал Н. Косолапову на заседании педсовета весьма характерную записку,

чудом сохранившуюся в архивных материалах: "Все ли вотяки [удмурты] похожи на оперных пейзанов, как это изображено у тебя?" (16, л.26).

Надо ли говорить, как многое повторялось, как многое было похоже, когда через год после "Удмуртской жатвы" Косолапова на том же педагогическом совете Константин Егоров защищал свою конкурсную работу "Марийский сенокос".

Наверно, было бы неправильно как-то идеализировать эти работы, умиляться их "национальной романтикой", преувеличивать их значение в истории искусства XX века. Более того, надо честно сказать о драматической судьбе целого (а в будущем и не одного) поколения художников, направленных и советской художественной школой, и всей системой все более жестко идеологизированной, поставленной под контроль тоталитарного режима культуры фактически на тупиковый путь. И все-таки нам кажется, что без этого начала, без этих наивных и очень далеких от жизненной правды и живописного совершенства "жатв" и "сенокосов", без портретов обычно застывших в неловкой, скованной позе, напряженно позирующих крестьянок (почти одновременно, в конце 1920-х годов, писал Косолапов свою "Удмуртку в национальном костюме" и Егоров свою "Марийку у колодца Уржумского уезда" или "Марийскую девушку Моркинского района" (17), демонстрирующих колоритные вышивки, ленты, фартуки, лапти и ожерелья из серебряных монет, без этой архаичной эстетики "оперных пейзан" невозможны были бы ни последующие достижения в искусстве российских автономий, ни современный творческий прорыв таких мастеров, как Измаил Ефимов в Марий Эл или Вячеслав Михайлов в Удмуртии к глубинным пластам национальной поэтики, к вершинам культурного финно-угорского возрождения. И роль Казанской художественной школы, - даже жестоко деформированной экспериментами, ломкой, государственной интервенцией и политикой, - в пробуждении интереса ее воспитанников к культуре народов волжского края, в формировании их собственного национального творческого характера и достоинства, несомненно, позитивна и велика.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Костина Е.* Искусство народов Поволжья и Прикамья. //Искусство Автономных республик и областей РСФСР. История искусства народов СССР. Том 7. М.: 1972. С. 161; *Червонная С.М.* Изобразительное искусство Марийской ССР // Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1978. С. 13-15.

2. *Кудрявцев В.Г.* Художник Константин Егоров. Йошкар-Ола, 1998.

3. *Сануков К.Н.* Сатана там правит бал // Молодежный курьер. 10 февраля. 1993; Кудрявцев В., Сануков К. Марийский художник Константин Егоров // Финно-угроведение. 1997, № 3.

4 *Сокгоева И.И.* Живопись Советской Бурятии. Улан-Удэ. 1965; *Фатьянов А.* Бурят-

ские художники в Иркутске. // Сибирь, № 6, 1972. С. 130-132; *Муратов П.* Художественная жизнь Сибири, 1920-е гг. Л., 1974; *Сокгоева И.И., Хабарова М.В.* Художники Бурятии. Л., 1976. *Бусаргина Т.Г.* Художественная жизнь Восточной Сибири в 1917-40-е гг. (Автореферат дисс). М., 1979, *Бороноева Т.А.* Графика Бурятии. Улан-Удэ. 1997. *Червонная С.М.* Проблемы национальных культур народов СССР в художественной критике // Из истории советского искусствоведения и эстетической мысли 1930-х гг. М., 1977. С. 250-317.

5. *Копылов И.Л.* На перевале. Новосибирск. 1927.

6. *Бороноева Т.А.* Графика Бурятии. Улан-Удэ. 1997.

7. *Мухин В.А.* Изобразительное искусство мари // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола, 1936.

8 ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 37.

9 ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 33, л. 2

10. ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 67, л. 2.

11. ЦГА РТ. Фонд 7064, оп. 1, д. 13, л. 2.

12 ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 52, л. 5.

13. ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 44. л. 21.

14 ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 48. л. 7.

15 ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д. 59, лл. 50, 74, 79,80.

16. ЦГА РТ. Фонд 1431, оп. 1, д.70, лл. 22-23.

17 ЦГА Марийской Республики. Фонд Р-1026, оп. 1, д. 13, л. 33 об.

Svetlana Chervonnaya

KONSTANTIN EGOROV'S CREATIVE WORK IN ARTISTIC LIFE OF AESTHETIC IDEAS OF THE 1920-TIS

At present facts about life and creative work of the painter Konstantin Egorov are completely restored with the help of the works of modern Mari scientists-compatriots and cultural successors of this painter. It was I.L. Kopylov who greatly influenced K. Egorov's human and creative features, being strong and outstanding personality in the Siberian intellectual and young people society in 1920-tis.

Prevailing direction of Kazan school by that time when Egorov was getting his education was ochre realism and restriction the master's creative outlook by forced and inevitable aim at «documentary pictures» in painting modern folk way of life.

Later tradition of «model» picturing developed here earlier returned to Kazan school as well as culture of a picture and picturesque sketches from life. The role of the Kazan Art School, even cruelly deformed by experiments and political strategy of the State, is great and positive in getting the students including K. Egorov interested in culture of Volzhsky region, in forming national creative character of the students.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО МАРИЙСКОГО ЭТИКЕТА

Традиционный марийский этикет не был предметом отдельного исследования. Но описание отдельных этикетных ситуаций встречается в работах А. Фукс, И.Н. Смирнова, Н.В. Никольского, К.С. Рябинского, В.М. Васильева, Т.Е. Евсевьева и других.

Этикет - формы поведения в тех или иных ситуациях, это неписаные законы, передававшиеся из поколения в поколение. Марийцы веками вырабатывали свои нормы поведения, общения между собой, с другими народами. Эти нормы помогали в обществе формированию личности, передаче из поколения в поколение законов, принятых среди народа, а также правил, принятых среди родственников, в кругу одной семьи, однодеревенцев.

Этические нормы поведения тесно взаимосвязаны с психологией народа, поэтому исследование этики поможет раскрыть глубинные особенности этой важной стороны характера этноса.

Большое значение в раскрытии данной темы играют полевые этнографические материалы. Этические нормы поведения можно связать и с системой запретов (ок йӧрӧ). Работа написана на основе полевых этнографических материалов, собранных автором в различных районах проживания марийского этноса. Материалы хранятся в НРФ МарНИИ.

Среди традиционных этикетных ситуаций у марийцев выделяются этикеты, связанные с приемом пищи, застольный, гостевой; трудовой; общения; религиозный; поведения; отношения к флоре и фауне; костюмный этикет; этикетные отношения к духам предков и др.

Важные этикетные ситуации проявлялись во взаимоотношениях членов семьи. Важнейшая функция семьи - передача накопленного опыта, всей культурной информации. Долгом родителей было подготовить детей к жизни, ознакомить с деревенскими обычаями и обрядами, произведениями устного народного творчества, привить нравственные, эстетические и этические нормы и навыки поведения.

Взаимоотношения членов семьи регламентировались обычаем. Младшие слушались старших, а последние должны были заботиться о младших.

Для традиционного быта марийцев было характерно почитание старшего поколения - дедушек, бабушек, теток, дядей, матери, отца. Непочтительное отношение к ним в народе очень осуждалось.

Традиционно у марийцев мало пользовались именами, а использовали сложную терминологию родства. Супруги называли друг друга местоимениями или "кува" (жена), "кугыза" (муж). К детям обращались "эргым" (сын), "удырем" (дочка). Младшие обращались с уважением к старшим братьям и сестрам, называя их "изай, чӱчӱ" (старший брат, дядя), "акай" (старшая сестра, тетя) и т.д. У марийцев была сложная система родства, которая обозначалась разнообразной терминологией, которую необходимо было соблюдать во время обращения к тому или иному родственнику, человеку.

Власть родителей над детьми у марийцев не была слишком суровой и в редких случаях, когда такое отношение наблюдалось, то оно вызывало осуждение. Однако родители старались решать вопросы, связанные с браком взрослых детей: выбирать невест или женихов стремились по своему усмотрению, прислушиваясь к мнению родственников и односельчан. Выясняли качественную характеристику семьи, откуда брачный партнер. Хотя и казалось, что браки по сватовству решались быстро и что брачующиеся плохо знают друг друга, но те, кто сватал, хорошо были осведомлены о характере, об имущественном положении будущих молодоженов. В прошлом общественное мнение играло большую роль в выборе брачного партнера. По этическим нормам женили дочерей и сыновей, строго соблюдая очередность по старшинству. По обычаю, девушку, у которой есть незамужняя старшая сестра, не сватали, так как в этом случае родители отказывали. Родители старались выдать замуж по старшинству, в противном случае, если первой выйдет замуж младшая, то "она может отнять счастье у старшей". Но если сватам отказывали 2-3 раза, то тогда об этом узнавали в округе и могло произойти так, что к этой девушке вообще уже никто не сватался. Поэтому родители стремились выдать замуж девушку на второй, третий раз (1).

При выходе замуж молодушка должна была соблюдать ряд запретов, связанных с поведением в семье мужа. Поскольку замужество для девушки было своеобразным переходом из одной социальной группы в другую, т.е. она теряла свою девичью свободу и становилась женщиной, зависимой от мужа. Замужнее положение также символизировал тот или иной головной убор, характерный для каждой этногруппы. С момента "окручивания головы", когда на молодушку надевали женский головной убор, она не имела права показываться с непокрытой головой, даже иногда спать ложилась в головном уборе. Для женщины считалось неэтичным показывать голые но-

ги, поэтому марийки специальными онучами "вуггышгыр" обертывали не только икры ног до колен, но и ступни. Если по какой-то оплошности невесток старшие члены семьи - мать или отец мужа - видели молодушку с голыми ногами или без головного убора, то она должна была платить своеобразный штраф в виде подарка, обычно предметом одежды (рубаха, головной убор, пояс) (2). Женщины также всегда надевали штаны, которые были обязательным элементом костюмного комплекса.

Этической нормой поведения у марийцев в прошлом была взаимопомощь, однодеревенцы, родственники помогали друг другу. Помог ты - помогут и тебе. Нормой было принимать участие в помочах (мӱма, вӱма), где собирались соседи, однодеревенцы, родственники. Помочи применялись при пашне, посеве, возке дров, бревен, при изготовлении срубов, строительстве дома, хозяйственных построек, уборке урожая, вывозе навоза. Кроме больших помочей существовали еще "мелкие" - употребляемые женщинами при обработке и изготовлении материала для пряжи, при подготовке приданого невесте. Обычно такую работу оплачивали угощением. Если ты принял участие в такой коллективной работе, то и тебе помогут в следующий раз. Отказ от участия в помочи у марийцев считался явлением ненормальным.

В целом для проведения многих обычаев, обрядов, праздников у марийцев характерна коллективность. Будь то свадьба, похороны, поминки - в них принимают участие почти все однодеревенцы. Это было древней этической нормой, показывающей уважение к коллективу однодеревенцев и сопричастность к тому или иному обряду.

Естественно, что малые индивидуальные семьи, имеющие общего предка, были тесно связаны между собой, что проявлялось в хозяйственной взаимопомощи, в совместном проведении семейных торжеств и праздников, а также молений, похорон, поминок. Разнообразные обряды эстетически оформляли наиболее значительные события семейной жизни - рождение, вступление в брак, смерть, а также передавали и поддерживали определенные навыки общения членов семьи между собой и с окружающими. В выполнение важнейших обрядов вовлекались все родственники, которые помимо непосредственного участия в обрядовых действиях оказывали и материальную поддержку.

У марийцев особо почитались кровнородственные связи. Ярко это проявляется и в почтительном отношении к умершим родственникам. Погребальные обряды были мотивированы не только заботой о душе покойного, но и о будущем живых; так как умершего, с одной стороны, почитали, с другой стороны, боялись, то поэтому было необходимо соблюдение обрядов, которые бы гарантировали хорошее отношение его к живым.

Считалось, что нельзя сильно горевать и плакать по умершему, так как "река, через которую должна переправиться душа умершего, будет очень

глубокой и быстрой" (3). После смерти необходимо было зажечь свечу и ставить "угощение умершему вплоть до 40-го дня", поскольку, по поверьям, душа усопшего находится еще рядом с домом. У некоторых групп марийцев "душу умершего укладывали спать в доме". Все этические нормы поведения живых по отношению к мертвым исходили из понятий существования души и ее загробной жизни.

Во время поминок 40 дня за душой умершего ехали на кладбище, брали с собой подушку, "на которую сажали душу умершего". Этической нормой было и приглашение на поминки 40 дня и душ других, ранее умерших родственников. В этот день для них специально топилась баня, в которой для душ умерших наливали в таз воду и клали березовый веник. На поминальный стол ставилась специальная посуда для душ умерших. Для них пели песни и после завершения провожали за околицу. Примерно так же проводились поминки 7 дня, годовые поминки.

В похоронно-поминальных обрядах принимали участие почти все однодеревенцы. Старшее поколение считало своим этическим долгом присутствовать на этих обрядах. Сразу после смерти человека оповещали родственников, соседей, которые принимали участие в процедуре похорон и в поминках. Идя прощаться с покойником, несли продукты, которые использовались для приготовления поминального обеда.

Этической нормой было посещение могил умерших родственников во время дней общих поминовений. На кладбищах хоронили родственников на родовом месте. Хоронить на другом кладбище, например, марийца на русском кладбище, было нежелательно, т.к. "на том свете его не примут сородичи в свой коллектив" (4).

Этические нормы поведения были характерными для каждой половозрастной и социальной группы и этих норм в прошлом придерживались. Поведение молодой девушки на выданье отличалось от поведения девочки или женщины, поведение молодушки - от поведения пожилой женщины.

От поведения девушки зависело ее будущее, т.к. в округе хорошо знали о достоинствах той или иной девушки, а это в свою очередь влияло и на выбор жениха. Поэтому девушки вели себя скромно, хотя они имели в семье больше свободы, т.к. считалось, что девушка покинет родительскую семью и девичий век не долог, а затем ей предстоит зависимая жизнь от мужа. Девушки ходили на посиделки, где занимались рукоделием, ездили в гости к родственникам в соседние деревни, больше занимались своими делами, поскольку девушке-марийке было необходимо иметь большое приданое, состоящее из холстов, одежды для себя и мужа. Практически девушка все свободное время занималась ткачеством, вышивкой, шитьем, вязанием. Информаторы рассказывали, что девушки старались вышивать приданое тайком, чтобы окружающие не смеялись, говоря, что она спешит выйти замуж (5).

Девушка на выданье старалась красиво и опрятно одеваться. Так, особо девушки следили за аккуратностью обертывания онучей и завязывания обор лаптей.

Девушки старались хорошо выполнять любую работу. Если она плохо выметала пол или двор, то говорили, что "у нее будет жених с оспинками на лице". Если девушка неаккуратно заплетала край вареника, то говорили, что "муж будет кривой" (6). Особо аккуратно девушки вышивали приданое, вкладывая все свое мастерство и фантазию, т.к. во время свадебного ритуала вышитые подарки рассматривались и окружающие судили о мастерстве будущей молодушки.

Выйдя замуж, молодушка должна была целый год носить свадебный кафтан и комплект серебряных украшений, которые предохраняли ее и ее будущего ребенка от сглаза и порчи. Костюм молодушки отличался не только богатством украшений, но и количеством вышитых составных частей одежды. В праздничные дни в течение года после свадьбы молодушка уржумских марийцев надевала свадебное полотенце. По обычаю молодушка не снимала его даже во время хозяйственной страды (сенокос, уборка урожая и др.). У других групп луговых марийцев женщина должна была носить, не снимая, свадебный головной убор (шарпан, шымакш) до рождения первенца, а в случае бесплодия - три года после свадьбы (7).

Нормой поведения для молодушки было присутствие на празднике "Ага пайрем" в свадебных кафтанах и шапках. Они же специально жертвовали для этого праздника вышитые полотенца, которыми одаривали победителей конных скачек. Во время этого праздника молодушка получала благословение от карта (8). Много этических норм молодушка должна была соблюдать во время беременности. Дети у марийцев всегда были желанными.

Половая жизнь до замужества у марийцев осуждалась. По полевым данным, в дореволюционный период у марийцев не практиковалось прерывание беременности. Однако случаи искусственного прерывания беременности все-таки встречались. К этому средству прибегали незамужние девушки и женщины, чтобы "скрыть свой позор", но это очень порицалось.

Только в послевоенный период увеличилось количество детей, рожденных вне брака, что было связано с демографической ситуацией - дисбалансом половозрастных групп.

В период беременности женщина должна была соблюдать предписанные обычаем запреты в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок был здоров. Беременной нельзя было грубо обращаться с животными: пинать свинью, кошку, собаку, в противном случае у ребенка будет волосяница (сосна шу); хранить что-нибудь за пазухой, например, нитки - у ребенка будут пигментные пятна; нельзя перешагивать через оглоблю, т.к. может родиться ребенок-горбун;

нельзя пить воду из ведра - ребенок будет болеть насморком; она не должна была сидеть на том стуле, который служит для сидения старших; запрещалось смотреть на покойника - ребенок родится бледным и т.д. (9). В том случае, если умирал близкий родственник беременной и ей необходимо было присутствовать по этическим нормам, она шла на похороны, положив серебряную монету в карман (10). Этических норм поведения, касающихся беременной, было очень много и все они были направлены на благополучное протекание беременности, удачные роды, на появление здорового ребенка.

Считалось, на кого беременная посмотрит в момент первого шевеления плода, на того и будет похож внешне и характером будущий ребенок. По этическим нормам нужно в этот момент смотреть на хорошего во всех отношениях человека, чтобы "ребенок перенял хорошие качества" (11).

Женщины-марийки работали до самых родов. Считалось, что у беременной не должен быть большой живот, нужно много работать, двигаться, много не спать. Срок рождения ребенка и сами роды женщины скрывали, так как верили, что чем меньше знает людей об этом, тем легче пройдут роды.

Послед (аза кудо, аза кӱпчык, сӱм) нельзя было просто выбросить, его обычно помещали меж двух лаптей и закидывали на чердак бани или избы, иногда закапывали в таком месте, где не могли наступить ногами (12).

Одежда, в которой рожала женщина, пряталась, она не должна была висеть на виду. Одежду после родов женщина стирала только сама, так как если кто-то это бы сделал за нее, то ей было бы "на том свете очень стыдно" (13).

Не бросали и отсохшую пуповину ребенка, т.к. ее связывали с будущим ребенка. Пуповину закладывали в щели бревен избы, чтобы был привязан к дому, закладывали в щели сарая, где обитала домашняя скотина, чтобы был счастлив на домашнюю живность, в книгу закладывали, чтобы был прилежен в учебе. У уральских мари отсохшую пуповину помещали в коробку с бисером (14).

Около родившей женщины находилось ее семейство, муж. Считали, что родившую женщину нельзя было оставлять одну, так как злые силы могли на нее плохо воздействовать, поскольку она была еще слабой и беззащитной. Если же роженице приходилось оставаться одной, то все время у нее в руке находился какой-нибудь металлический предмет (15).

До шести недель после родов женщина считалась "нечистой", поэтому она принимала пищу за отдельным столом, не ходила в церковь. В этот период она не подходила к общему столу, особенно при гостях и посторонних, нельзя было замешивать квашню и вообще стряпать из теста.

После родов роженицу навещали близкие родственницы и устраивали праздник по поводу рождения ребенка "узыпка". В гости с гостинцами

приходили все близкие родственники, это было нормой поведения, которое подчеркивало уважение к женщине, родившей нового члена семьи и рода.

У марийцев был распространен ряд этических норм поведения по отношению к ребенку. Поэтому считалось, что ребенка нежелательно было захваливать, взвешивать, измерять, перешагивать через маленьких детей, в противном случае это бы плохо отразилось на его здоровье, росте, развитии. Нельзя было пугать детей или резко будить во время сна, т.к. ребенок мог бы сильно испугаться, что тоже повлияло на его здоровье. Марийцы всегда считали, что нельзя внезапно будить не только маленьких детей, но и взрослых, так как "душа во время сна может путешествовать и не успеет вернуться в тело человека".

Ребенку старались быстрее дать имя, так как считалось, что если ребенок умрет без имени и некрещеный, то душа его будет на том свете неприкаянной. Поэтому, когда после родов ребенка мыли, то бабушка давала ему банное имя (монча лӱм). Окончательно имя ребенок получал при крещении, где присутствовали крестные мать и отец младенца. С древних времен у марийцев, как и у других народов, существовала вера в магическую связь судьбы человека с его именем, поэтому ребенка не оставляли безымянным.

У восточных марийцев молодушка окончательно надевала женский головной убор, когда рожала первенца, т.е. с того момента, когда она доказала свою способность на продление человеческого рода. Однако не имели право носить женский головной убор женщины, родившие вне брака.

Традиционное воспитание у марийцев было строгим, поскольку жизнь проходила в неустанном труде, все блага достигались только трудом, поэтому из детей необходимо было воспитать трудолюбивых людей. От трудолюбия, от тех знаний, умений и навыков, которые получали дети в семье, зависела их будущая жизнь.

В традиционной марийской семье у детей были свои обязанности. С детства они нянчили своих младших братьев и сестер и привыкали к посильному домашнему труду. Уже с детства была своеобразная специализация - мужской и женский труд. С 7-8 лет девочкам давали первые навыки по ткачеству, вышиванию. Девушка, не умевшая вышивать, не могла рассчитывать на благополучие и удачи в своей личной жизни, поэтому было нормой обучить основным видам домашнего ремесла девушек.

Большое место в жизни этноса занимал гостевой этикет. Марийцы отличались гостеприимством, гостям предлагалось все лучшее, что было в доме. На праздники готовили разнообразную пищу. Если в будни еда была простой, то для праздника старались все хозяйки. За стол гостей приглашали 3 раза и только после третьего приглашения они садились за стол. Наиболее уважаемых гостей сажали в красный угол на войлок. У уральских марийцев в знак особого уважения подавали в руки гостям хлеб со сливочным маслом, в центре праздничного стола ставили целого жареного гуся

(путынь комбо). Разделить гуся и раздать куски мяса было большим искусством и этим занимались хозяева или приглашали человека, который хорошо это делал. Каждый гость получал свою часть тушки гуся, предназначенную именно для него. Гуся делили примерно таким образом: девушкам давали крылья (шулдыр), поскольку они выйдут замуж и "улетят из родительского дома"; гусиные ноги (эрде) давали сыновьям, так как они оставались в доме (эргылан суртышто илаш); жене доставалась шея, отцу семейства голова гуся, куда повернется голова - туда и шея (кушко вуй савырна - тушко шуй) и т.д. Необходимо было соблюдать порядок раздачи гуся (16).

Обычно за столом вся пища не съедалась, ели степенно и медленно. Считалось дурным тоном наедаться до отвала и тем более напиваться. Алкогольные напитки употреблялись в небольшом количестве. Водку наливали в небольшую рюмочку, она передавалась от гостя к гостю и ее только пригубляли, а не выпивали залпом. Таким же образом пили и пиво из ковша (кружки), который переходил из рук в руки. В прошлом обычно первым пил хозяин или хозяйка, показывая, что питье не содержит порчу или отраву. Кстати, когда какие-то кушанья привозил гость, то он первым его отведывал, что тоже говорило, что пища добрая, не испорчена и не отравлена.

За столом не только ели, но и вели беседу, пели песни. Специальные гостевые песни для гостей пели хозяева, показывая свое расположение и уважение. Ответные песни исполняли и гости. Во время свадьбы, поминок, похорон готовились специальные обрядовые блюда.

Во время свадебного ритуала в доме невесты и жениха невеста своим родственникам подавала подарки и ковш с пивом в знак уважения, в которой те в свою очередь опускали серебряные монеты. У горных марийцев во время свадебного застолья в доме жениха седьмым блюдом для гостей был кравец, который символизировал конец свадебного ритуала (17).

В крестьянской среде почтительно относились к пище, особенно к хлебу. Хлеб считался основой жизни, это отразилось во многих обычаях и обрядах. В центре праздничного стола всегда стоял непочатый каравай хлеба, стопка блинов. Для сватовства, поминок, похорон, молений и других обрядов всегда пекли хлеб. Даже когда младенец один оставался в доме, то в зыбку помещали горбушку хлеба, который по поверьям "мог защитить ребенка от нечистой силы и злых духов". Если на дороге находили кусок хлеба, то необходимо было его подобрать и поместить в амбар. Считалось, что этот кусок хлеба может принести в закрома нашедшего его человека достаток в урожае, в хлебе (18).

У уральских мари, когда провожали в армию, то парень брал горбушку и помещал ее в доме над окном и говорил "саклен шинче" (сиди, оберегая). И эта горбушка лежала до его прихода из армии. Новобранца выводили под руки спиной из дома два его друга. Эти обряды проводились с целью хорошей, благополучной армейской службы и возвращения домой.

Ни в коем случае нельзя было бросать хлеб или даже что-то непочтительное говорить о нем (19). Детей с детства учили почитать хлеб. Нельзя было недоедать хлеб, так как считалось, что оставляешь свою силу.

Роженице после родов преподносили кусок хлеба с солью. У марийцев с хлебом, с урожаем было связано много обрядов как сельскохозяйственных, так и религиозных. По традиционным представлениям нельзя было проливать молозиво коровы после отела, в противном случае корова будет бодаться (20). Существовали и пищевые запреты: так, считалось, что картошку, яблоки и другие фрукты и овощи нельзя пробовать до Ильина дня. В противном случае, если у женщины были умершие дети, "то им на том свете не дадут ни яблок, ни других овощей и фруктов". В их воззрениях проявилось влияние христианских представлений (21).

Как язычники, так и крещеные марийцы перед едой молились. Трапезу начинал глава семьи, только после этого начинали есть другие члены семьи. За столом у каждого члена семьи было свое место, на почетном месте сидел глава семейства.

Глава семейства в традиционной марийской семье пользовался большим уважением, его слушались, он решал все важные проблемы. Как уже подчеркивалось, женщина у марийцев не была угнетена, но у мужчин было больше прав. Это было связано и с тем, что земельный надел выделялся для мужчин, что подати и другие повинности исполняли мужчины. Так, например, в бане в первую очередь мылись мужчины, это было характерно для всех групп марийцев. Только тогда в бане первыми мылись женщины, когда проводились поминки 40 дня по женщине. В этом случае с "душой умершей" в бане первыми мылись женщины, только потом - мужчины.

С баней у марийцев также было связано много этических норм. Баня занимала важное место в жизни марийцев, ее строят на каждом подворье. В бане мылись каждую неделю, у некрещеных марийцев в четверг перед пятницей, т.к. пятница считалась священным, выходным днем; у крещеных мылись в субботу. В настоящее время эти нормы не соблюдаются, каждый хозяин топит баню в тот день, когда пожелает. В бане обитали хозяева бани, у луговых марийцев - "монча кува, монча кугыза" (банная бабушка, банный старик), у уральских марийцев хозяина бани называли "шӱкшо йындал" (старый лапоть). Для "хозяина бани" специально оставляли в тазу или в ковшике воду и веник, чтобы "они тоже могли помыться" (22). Считали, что если хозяина бани разозлить, то он может навредить, например, "засунуть головой в печку". Об этом рассказывали информаторы в Свердловской области (23).

По другим представлениям, воду в тазу оставляли обязательно девушки, чтобы в будущем роды у них протекали благополучно, а не "на сухую" (24).

По этическим нормам в бане во время мытья нельзя было веселиться, громко кричать, пускать газы. В бане нельзя было производить половые акты (25).

Баню обязательно топили перед свадьбой, перед праздниками, языческими молениями, перед родами, после похорон, на поминки 40 дня, годовые поминки, для гостей и др.

В прошлом баню топили и по другим поводам: в случае болезни, после помочей, после возвращения домой (с лесоразработок, гостей, промыслов, ярмарки, сплава, охоты и др.). Очевидно, чтобы смыть порчу, болезни, воспринятые на стороне.

Особенно тщательно мылись перед языческими молениями, поскольку перед этим ритуалом у человека должно быть все чистое - тело, одежда, мысли. Во время языческих молений применялась специальная одежда и специальная утварь. Такая ритуальная утварь была в каждой семье и хранилась она отдельно от повседневной. Если справляли нужду во время моления, то для этого возле рощи было специальное место, где проводилось и омовение.

Марийцы издавна обожествляли силы природы, это ярко проявляется в языческой религии. Моления они проводили в специальных священных рощах. Рощи были разные по назначению. Так,одно селение могло иметь несколько таких мест. Специальные рощи или лужайки в поле были для проведения праздника сохи (Ага пайрем). Каждая семья имела свое священное место. В священных рощах нельзя было рвать цветы, ломать ветви на деревьях, избегали косить траву, рубить деревья. После проведения моления место, где производилось жертвоприношение, тщательно убиралось, мусор и отходы сжигались. После окончания моления участники благодарили рощу за позволение провести ритуал. Такое действие я наблюдала после проведения языческого моления в праздник сохи около деревни Кундышумбал в 1993 году. Группа женщин после выхода из леса в поле встали на колени и кланялись в сторону жертвенного места. По этическим представлениям, любой человек, который срубил дерево или произвел какие-то нехорошие действия в священном лесу, подвергался со стороны языческих богов суровым наказаниям, и даже смертью всей семьи. Поэтому даже в период повального атеизма марийцы остерегались рубить деревья или косить траву в священных рощах.

У марийцев было много запретов, связанных с лесом, поскольку в прямом смысле они были лесными жителями - хорошими охотниками и бортными пчеловодами. Однако, многое уже забыто, кануло в прошлое. Вот некоторые из них: например, нельзя было садиться на свежие пеньки, т.к. это сулило вдовство или сиротство (пундыш гай шинчен кодат). Нельзя было убивать лебедей, т.к. марийцы считали их божественными птицами (юмын кайык). Когда в дом залетала бабочка, то ее нельзя было убивать,

т.к. считалось, что это душа умершего прилетела, ее выпускали на улицу. Бабочка, которую считали душой умершего, была разновидностью моли.

Уважительным и почтительным у марийцев было и отношение к воде. Марийцы считали воду святой, поэтому с ней было связано множество запретов. Когда переходили речку или какой-то водоем, нельзя было говорить что-то о воде или даже думать, так как богиня воды (Вӱдава) или водяной (Вӱд ия) мог наказать. Чтобы благополучно перейти речку, ручей, необходимо "дать воде подарок" – бросить листок дерева, цветок и др. Об этом нам поведала одна из информаторов из д. Б. Китяк Малмыжского района Кировской области (26).

Если случалось так, что во время прохождения водоема человек заболел (вӱд кучен), то он должен был попросить прощения у воды и произвести жертвоприношение. Приносили жертву духу - хозяину водоема. Перед стиркой в родниковой воде просили прощения и благословения.

Люди верили в очистительные свойства воды и считали ее источником жизни. Когда молодушка шла в первый раз за водой к источнику в селении мужа, то ее сопровождала какая-нибудь родственница, иногда это была просто девочка. И в этот источник она бросала монету, бисер или блестки (в зависимости от этнической группы) в качестве выкупа за воду, а девочке молодушка дарила небольшой подарок - ленту, поясок и т.п. На этой воде она гэтовила кашу, суп или замешивала тесто для блинов. В воду нельзя было мочиться, плевать, т.к. за это человека ожидало наказание. Вода, которая стояла в доме в момент смерти, не употреблялась, ее выливали, т.к. в "этой воде по народным представлениям дух смерти Азырен споласкивал свой нож". Вода широко использовалась при сглазе маленьких детей, на которую нашептывались заговоры. Такую воду брызгали на больных детей, на детей, которые плачут и т.д.

У марийцев были распространены этические нормы, связанные с календарем. В прошлом многие действия приурочивались к лунному и солнечному календарям. Например, все сельскохозяйственные работы - пашня, сев, сенокос, уборка урожая, посев озимых и др. регламентировались календарем и приметами.

Рождество (Рошто пайрем) у марийцев было связано с зимним солнцестоянием. В рождественскую неделю проводились различные обряды, главный смысл которых был в действиях, направленных на получение хорошего урожая летом. Молодежь собиралась отдельно, старики рассказывали детям сказки, легенды, предания. Для этого праздника характерно веселье, игры, забавы, гадания.

В прошлом у марийцев сказки рассказывались в определенное время года - как правило, зимой, лето было запретным периодом (27, с. 28, 31).

Много действий было связано с сезонами, т.к. для марийского хозяйства была характерна сезонность работ. Так, например, женщины ткали,

красили только до весны, а летом это было запрещено, поскольку начинался период сельскохозяйственных работ.

Большинство различных норм поведения было связано с лунным и солнечным календарем, которого в прошлом придерживались, так как от этого зависел исход того или иного дела. Так, например, древесину для строительства дома рубили осенью на новолуние и вывозили бревна по первому снегу (28).

Смертную одежду начинают готовить во время полной луны, в противном случае человек быстро умрет (29).

У марийцев тяжелым днем считается среда - вургече (кровавый день). В этот день не хоронили покойников, дожидались четверга, не играли свадеб. Одежду стирать в среду также было нельзя, в противном случае, если человек заболеет в одежде, которую стирали в среду, то никогда не поправится (30).

Некрещеные марийцы особо почитали пятницу - кугарня (юмын кече) и считали, что так же, как и в среду, в пятницу нельзя стирать, нельзя работать, так как день предназначался для отдыха.

Существовали и этические нормы поведения в доме. В доме нельзя было свистеть - счастье уйдет; нельзя есть с ножа - будешь очень злым; нельзя обижать кошку и собаку, так как "они первыми встречают покойного в загробном мире"; из блюда начинают есть с края, если с середины - признак дурного тона, невоспитанности; нельзя выбирать, перебирать куски пищи; нельзя пить прямо из ведра; нельзя сразу же после гостей мыть полы, в противном случае гостей в дороге ожидает беда; иголку без нитки в руки не дают; нельзя входить в чужой дом с пустым ведром, корзиной - иначе подумают, что "человек хочет унести достаток из дома"; нельзя давать деньги в руки тому, кто занимает (предварительно нужно положить на стол), иначе у дающего не будет счастья на деньги; домашних животных также сразу в руки не дают; то же самое касается семян, рассады, считалось, что через руки можно передать свою удачу; деньги вечером не считают, не дают деньги взаймы рано утром; на пороге сидеть нельзя - останешься сиротой; рано утром нельзя петь, в противном случае, ворона клюнет в голову, "утром поешь - вечером плачешь" (эрдене мурет - кастене шортат); выпавшие волосы разбрасывать нельзя, так как будет болеть голова (в прошлом считали, что при помощи волос могли наслать порчу); нельзя разводить водой молоко - на том свете заставят разделять воду от молока; воровать нельзя - на том свете заставят вернуть ворованное; насылать порчу нельзя - попадешь в ад и др. Названные выше запреты собраны во время этнографических экспедиций 1985-1996 гг.

Психологические нормы поведения ярко проявлялись и во взаимоотношениях молодежи. В традиционной сельской жизни марийцев молодежь общалась во время праздников, сенокоса, посиделок, ярмарок, празднич-

ных игрищ. В прошлом у марийцев традиционным был девичий праздник (Ӱдыр йушо, Ӱдыр сий, Ӱдыр пура), где принимали участие девушки, достигшие половой зрелости. Этот праздник проводился в арендованном доме, где девушки вскладчину варили пиво, приглашали однодеревенцев, угощали пивом, пели и плясали. Девушки старались принарядиться и показать себя с лучшей стороны, так как сюда приходили и молодые парни из соседних деревень, которые высматривали себе невест.

Молодежь встречалась и во время посиделок, где девушки занимались рукоделием, сюда же приходили и парни. Если даже кто-то симпатизировал друг другу, то обычно это открыто не показывали, не демонстрировали. Традиционно у марийцев было не принято демонстрировать свои чувства. Такая тенденция проявлялась и в воспитании детей. Детей любили, но воспитывали строго, не нежили поцелуями, чтобы не вырос слюнтяем (нечке).

Ярко и самобытно этические нормы проявлялись в марийском народном костюме. В культуре любого народа костюм занимает значительное место, поскольку в нем отражаются этнические и этические взгляды, понятия красоты, гармонии и удобства. Марийская народная одежда, головные уборы, украшения, обувь складывались длительный период времени под влиянием различных факторов (природно-климатических, исторических, социально-экономических), поэтому в традиционном костюме нет ни одной лишней детали, каждый его компонент несет смысловое значение, проверенное на протяжении многовековой истории этноса.

Основной функцией марийской народной одежды была практическая. Наряду с этим одежда несла и ряд дополнительных, в прошлом немаловажных, функций (эстетическая, престижная, охранительная, продуцирующая, очистительная и др.). Народный костюм также отражал половозрастные, социальные, этнические и другие особенности человека. Он во многом был связан с обрядовой стороной жизни крестьянства, где наиболее ярко проявлялись различные функции и прежде всего эстетическая и этическая. Еще в древности украшения одежды, а позже вышивка показывали знаки принадлежности к определенному этносу, родовой, социальной группе. Признаки принадлежности к определенному роду у марийцев существовали вплоть до начала XX века в виде тамги (тамка), вышитой на одежде в виде орнамента. У женщин было принято вышивать на рубахах и головных уборах тамгу своих родителей, а не мужа.

Исследователи подчеркивали, что у марийцев утрата традиционного костюма тем или иным человеком (особенно женщиной) ассоциировалась с потерей этнического самосознания. Во второй половине XIX века у приверженцев языческой веры были зафиксированы случаи уничтожения фабричных элементов костюма на общих сходах односельчан. У этой группы осуждалось использование фабричных изделий и тканей в народном кос-

тюме. Считалось, что применение их ведет к потере нравственности, бедам и утрате идентифицирующей метки – народного костюма.

По древним представлениям, простоволосая женщина могла нанести вред – вызвать неурожаи, эпидемии, болезни, поэтому женщина всегда была в головном уборе. Эти представления возникли из веры в магическую силу женских волос.

В силу исторических, экономических, территориальных условий в марийском костюме сложилось несколько локальных комплексов, связанных с особенностями происхождения. Эти группы у луговых мари назывались по женскому головному убору, характерному каждому субэтносу: 1) "шымакшан мари" (чурикан мари) – по остроконечному головному убору "шымакш"; 2) "шарпанан – нашмакан мари" – по женскому полотенчатому головному убору "шарпан и нашмак"; 3) "сорокан мари" – по каркасному головному убору "сорока". Своеобразие их костюма выражалось в определенных типах рубах, кафтанов, головных уборов, в специфике их орнаментации, комплексе украшений, способах ношения отдельных форм одежды и обуви. И нормой было соблюдать особенности костюма своей территориальной группы. Широко известный факт, что марийцы из разных территориальных групп практически не брачились, женились на девушках из тех селений, где бытовал такой же идентичный женский головной убор.

Интересно, что не совершались браки и между представителями различных конфессиональных групп. Это тоже было этической нормой.

Кроме того, в пределах одного комплекса одежды существовали различия, определявшиеся возрастом носителя, а также функциональным назначением. По составу и орнаментации костюма можно выделить следующую возрастную градацию: 1) до 10 лет; 2) от 10 до 16 лет; 3) возраст девушки; 4) замужняя молодого возраста; 5) от 40 и далее. По покрою одежда женщин различных возрастных групп практически не отличалась. Но характер орнаментации был тесно связан с социально-бытовой, эстетической и этической функциями костюма (31). С 10-12-летнего возраста одежда мальчиков и девочек начинает отличаться. С этого момента обязательным для девочек становится ношение онучей с лаптями, усложняется орнаментация одежды, появляются украшения. При достижении 15-16 лет к ее костюму добавляются накосные украшения из бисера и монет, шейные ожерелья, серьги, браслеты. По этическим нормам усложняется и орнаментация костюма.

По традиции молодая женщина носила небольшое количество украшений: шейное ожерелье, серьги, кольца, нагрудные фибулы. Во время праздников она надевала полный набор украшений, в который входили всевозможные шейные, нагрудные, нарукавные и поясные украшения. По этическим представлениям в целом костюм молодых мариек в этот период

отличался богатством не только съемных украшений, но и орнаментации (32).

Богатством орнаментации отличалась одежда женщин фертильного возраста. Особенно много вышивки располагалось в области груди, с целью охраны женщины-матери. Но по этическим нормам после 40 лет женщина начинала носить одежду со скромной отделкой, где меньше применялся бисер, стеклярус, тесьма, пуговицы и т.п. Даже на чью-либо свадьбу она надевала ограниченное количество украшений. Например, в Уржумском районе Кировской области в 20-30-е годы нашего столетия женщины после 40 лет пользовались только серьгами, шейным ожерельем и фибулой для скрепления нагрудного разреза рубахи.

У каждого этноса, как правило, существовали свои эстетические представления о цветовой гамме одежды. Так, у марийцев предметы народного костюма (платки, рубахи, головные уборы, летние кафтаны, штаны, передники) были белыми. Праздничные теплые кафтаны также шили из белого домашнего или фабричного сукна. Наши информаторы неоднократно подчеркивали наставления своих родителей: "Если даже одежда старая и в заплатах, но она должна быть чистой и белой". Белый цвет – древняя специфическая особенность марийского костюма.

Необходимо отметить и этическую ценность народного костюма в проведении языческих обрядов, где костюм подчеркивал важность и торжественность того или иного ритуала. Еще в 20-30-е годы нашего столетия для языческих молений использовали праздничный костюм с традиционными видами вышивки.

Огромное значение в проведении языческих молений играли языческие жрецы – карты. Далеко не каждый мог стать картом. По этическим нормам в прошлом это были наиболее уважаемые и безгрешные люди. Карты, замеченные в неблаговидных поступках, отстранялись от проведения религиозных ритуалов (33).

Как правило, карты знали не только большое количество молитв, были хорошими ораторами, но могли лечить людей и животных, давать советы при различных ситуациях.

Некоторые сведения о ритуальном костюме сохранились в дореволюционной литературе. Карты облачались в особый костюм, основными частями которого были прямоспинный холщовый кафтан и высокая шерстяная шапка. Кафтан украшался кумачовыми нашивками на груди, а на спине - черными суконными нашивками, на молитвенном кафтане они трактовались как изображение света и тьмы, бога и шайтана.

По этнографическим сведениям, в XIX веке рубаха карта изготовлялась всем миром (мер). И эта рубаха давала полномочия главного жреца только после того, как во время языческого моления вывешивалась

на перекладинке, своего рода как бы освящалась во время ритуала, и только после этого карт мог ее надеть.

В наше время мы являемся свидетелями возрождения марийской языческой веры. Делаются первые шаги в этом направлении. Желательно было бы возродить все этические нормы, характерные для древней религии, а также этикетные нормы поведения. Практика показывает, что отказ сельского населения от традиционных норм поведения приводит к нравственным порокам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы этнографических экспедиций (далее МЭЭ). МЭЭ – 85. Сернурский район.

2. МЭЭ – 85, 87, 89, 91, 93. Сернурский, Моркинский, Звениговский, Параньгинский, Горномарийский районы.

3. МЭЭ - 85. Сернурский район.

4. М ЭЭ – 96. Красноуфимский район Свердловской области.

5. МЭЭ - 85, 86. Сернурский, Мари-Турекский районы.

6. МЭЭ – 85, 90. Сернурский, Звениговский, Параньгинский районы.

7. МЭЭ – 1990. Параньгинский, Мари-Турекский районы, Оршанский район.

8. МЭЭ - 85. Параньгинский район.

9. МЭЭ – 1990. Звениговский район.

10. МЭЭ - 1990. Звениговский район.

11. МЭЭ - 1987, 1990. Звениговский, Моркинский районы.

12. МЭЭ - 1980, 1985, 1995. Горномарийский, Сернурский, Параньгинский районы.

13. МЭЭ – 95. Параньгинский район.

14. МЭЭ – 96. Красноуфимский район Свердловской области.

15. МЭЭ – 1985, 1987, 1989, 1990. Сернурский, Моркинский, Звениговский, Параньгинский районы.

16. МЭЭ - 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

17. МЭЭ – 1988. Горномарийский район.

18. МЭЭ – 85. Сернурский район.

19. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

20. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

21. МЭЭ – 1985. Сернурский район.

22. МЭЭ – 1994, 1996. Кировская область, Свердловская область.

23. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

24. МЭЭ – 1989. Башкирская АССР, Мишкинский район.

25. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

26. МЭЭ – 1994. Малмыжский район Кировской области.

27. *Четкарев К.А.* Марийские сказки. Ронгинский район. Т.1. Йошкар-Ола, 1991. МЭЭ. 1986. Сернурский район.

28. МЭЭ – 1995. Параньгинский район.

29. МЭЭ – 1996. Ачитский район Свердловской области.

30. *Молотова Т.Л.* Эстетические функции марийского женского костюма // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1989.

31. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

32. МЭЭ – 1996. Красноуфимский район Свердловской области.

33. МЭЭ – 1996.

Tamara Molotova

PECULIARITIES OF TRADITIONAL MARI ETIQUETTE

On the whole traditional etiquette is shown in many customs. Reverence attitude towards dead relatives is a striking example. On one of the days bath was being stoked especially for them where there were basins with water and switches of green birch twigs for the souls of the dead ones.

Definite etiquette was observed during marriage ritual. Thus in bride and bridegroom's house a bride gave her relations presents and ladle with beer to show her respect, relations in their turn put silver coins into this ladle.

Traditional etiquette was observed in respect of nature. For example, a group of women after leaving forest for field knelt to sacrificial place. The Mari people regarded with special attention and respect for water. Before washing clothes in spring water people begged for pardon and blessing.

In the past many activities were timed to lunar and solar calendar. Washing clothes on Wednesday was prohibited. Otherwise if a person becomes ill in clothes washed on Wednesday he or she would never recover. There are also ethic norms of behavior in a house.

Ethic norms are brightly and originally shown in Mari folk costume.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Галина Корнишина
Саранск

ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ МОРДВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНОВОДСТВОМ И ПЧЕЛОВОДСТВОМ

Видное место в традиционной культуре мордвы принадлежит скотоводческим обрядам. Цель и значение их - увеличить плодовитость скота, уберечь его от болезней и падежа, от хищных зверей и кражи. Для этого применялись различные магические средства, в основе которых могли быть и разумные приемы. Одни обряды проводились в сроки календарного животноводческого цикла-момента выгона скота на пастбище и начало стойлового периода, другие - приурочивались к общим традиционным праздникам, третьи - связаны с куплей-продажей животных, а также с их болезнью.

Покровительницей скотоводства у мордвы считалась "Кардаз ава" (Калдаз ава), "Кардазонь кирди", "Кардаз сярко". Это божество представлялось как в образе мужчины, так и женщины, а также в виде белого зайца или ужа с короной на голове "паро гуй" или "вере гуй". Если оно показывалось людям, то это предвещало несчастье: пожар, мор скота или смерть кого-то из домочадцев. Например, если "Кардазонь кирди" представал в образе татарина, это значило, что у хозяев не будут водиться овцы (2, л. 79). Когда строили новый дом, то "звали" с собой как покровительницу дома (Куд ава), так и божество двора "Кардаз кирди". В том случае, если молодая семья отделялась от родителей, считали, что старый "Кардаз сярко" посылал с ними своего сына или дочь. Если вдруг покровителей двора оказывалось двое, то они начинали ссориться между собой, забывали смотреть за скотом, который хирел и болел. В этом случае хозяин незадолго до полуночи шел во двор и начинал гнать с одного его угла, обычно левого, "лишнее" божество. Он пятился к открытым воротам, ударяя перед собой палкой, приговаривая при этом: "Кардаз кирди, ищи другую квартиру". За воротами он бросал палку и спешно их закрывал (2, л. 107).

Домашних животных, включая кошек, надо было подбирать той масти, которую "любит" Кардаз сярко. В этом случае он будто бы ухаживал за

ними: чистил, скоблил, мыл посуду, из которой скот пил и ел, заплетал гриву, даже мог таскать корм с чужого двора. Поэтому животные росли здоровыми, приносили большой приплод. Если же они "не нравились" божеству, то часто болели, были тощими и, если хозяева не продавали такую скотину, они в итоге умирали (11, с. 110). "Кардаз сярко" должен был оберегать скот и вне двора. Мордва Городищенского уезда Пензенской губернии молила его: "Кардаз сярко, кормилица, защити наш скот на пастбищах, береги на лугу, обереги и пастуха, пасущего скот..." (12, л. 224).

По поверью, Кардаз сярко обитал в специально для него вырытой яме, которую прикрывали большим камнем. Этот камень назывался именем божества. Около ямы в некоторых местах ставили также столб - "палмань корсн". Место это всегда содержалось в чистоте. Сюда нельзя было выкидывать мусор, выливать помои и т.п. Считалось, что если кто-то осквернил его: упал, плюнул, то он мог заболеть, а женщина стать бесплодной. В этом случае под руководством знахарки устраивалось моление, на котором просили божество избавить человека от болезни:

Покровительница хлева, кормилица!
Кардаз сярко, матушка!
Может быть, в твой подол он упал
Или на твоих детей?
Может ушиб твоих детушек?
Не сердись,
Не держи много зла!
Вот на твое имя,
Самую лучшую овцу зарежу,
Вот пуд серебра, пуд меди,
Только вылечи моего Андрея!... (10, с. 223-224).

Около камня устраивались домашние моления в честь покровителей двора и дома. А в углублении под ним оставляли куски жертвенной пищи и спускали кровь жертвенных животных. Полагалось также выливать сюда и кровь животных, которых резали на мясо, так как в противном случае можно было навлечь проклятье на весь дом (5, с. 225, 239). Молились "Кардазонь кирди" и в хлевах, где ему также оставляли приношения.

О сохранности и размножении домашних животных мордва молила богов практически на всех общественных и домашних молениях. Вплоть до начала XX века проводились и специальные моления, посвященные как покровителям скотоводства, так и божествам отдельных животных. Так, на Рождество наряду с другими богами молились и Кардаз сярко. В дар ему забивали свинью. Это делалось с особыми обрядами. Назначенное животное откармливали три или более недель. Ему обязательно отдавали барду от рождественского пива. За три дня до забоя свинью впускали в избу, где она жила обычно под печкой. Перед закалыванием женщины обряжали жертву - вешали ей на шею полотенце, за которое затыкали несколько березовых веток из веника. Хозяин дома забивал животное у камня "кардаз

сярко", на котором и палили свинью. Из свинины варили лапшу, из ножек делали холодец. Из головы свиньи мордва нижегородской губернии делала ритуальное блюдо "золотая борода": сваренную голову клали на блюдо и расстилали перед ней в виде бороды пучок окрашенных в красный цвет ниток. Хозяева несли ее вначале на камень "кардаз сярко", а затем обходили с ней все хлева и хозяйственные помещения, где также молились их покровителям. Например, в овчарне богу овец (Реве паза), в конюшне богу лошадей (Лишме паза) и т.п. (5, с. 96-97).

Вечером под Новый год мордва чествовала покровителя свиней (Тувонь паза). Как и на Рождество забивали свинью. Если хозяева не могли себе позволить заколоть подряд двух животных, то они оставляли от рождественской свиньи ножки, которые и варили. "Тувонь паза" молили уберечь свиней от волков, а также дать как можно больше поросят: "черных и белых, каких сам любишь" (5, с. 104). В жертву божеству в хлеву оставляли свиные уши, ноги и хвост. Эрзяне Симбирской губернии перед Новым годом в честь покровительницы животных вместо свиньи забивали корову. Ее голову приносили в хлев и молили ее послать удачу в разведении скота.

Дети в предновогодний вечер совершали обход дворов, подобный рождественскому колядованию. Они исполняли так называемые, песни-"таунсяи". По своему содержанию они были схожи с колядками и связаны с хозяйственными заботами крестьян. В них хозяевам желали рождения детей, хорошего урожая и приплода скота.

Народ верил, что исполнение подобных песен-заклинаний обеспечит благополучие в семье и хозяйстве на предстоящий год. Участники новогоднего обхода домов совершали и обряд "посевания", то есть обсыпания хозяев и скотины зерном. Это должно было способствовать их плодовитости и благосостоянию в доме. Зерна, которые разбрасывали участники обряда, хранили до сева и подмешивали их к семенам.

Важным моментом обхода дворов было одаривание. Детям давали лепешки, пшенную кашу, свиные ножки. Благоденствие семьи представлялось зависимым от обилия розданных даров. Если какой-то дом участники обходили, то это воспринималось хозяевами как тяжелое оскорбление, неблагоприятный знак. Из песен видно, что исполнители обряда осознавали свою роль "подателей" благополучия и поэтому не просили, а требовали вознаграждения:

Таунсяй!
Подавай пирога!
Не дашь пирога,
Замараем ворота!
Не дашь каши горшок,
Всадим вилы в бок!... (5, с. 103).

Обойдя всю деревню, дети собирались в одном доме и ужинали. Остатки трапезы отдавали молодняку: телятам, поросятам, ягнятам, но не старому скоту.

Таким образом, скот в начале года обязательно кормили остатками ритуальных блюд. Кроме того, его старались обильно кормить и обычной пищей. В этом проявлялась как "магия первого дня": хорошо покормленный в эти дни скот не будет голодать и в остальное время года, так и идея принадлежности скота к семье. Корова, лошадь, овца - это не просто домашний скот, а как бы члены семьи и о них надо заботиться так же, как и о прочих домочадцах. Иногда для скота пекли особый хлеб, пироги, лепешки в виде фигур животных, птичьих гнезд, хозяйственных построек и т.п. Например, на Тувонь озкс пекли пирожки в виде свиней и колобки по размеру куриного яйца. На крещение также делали лепешки или хлеб, напоминающие лошадей, кур, овец, скотные дворы. Для женщин предназначались лепешки в виде куриного гнезда, для мужчин - копны. В Наровчатском уезде Пензенской губернии пекли большой пирог, на который ставили сделанные из теста конюшню с лошадьми и коровник.

Остатками ритуальных кушаний наделяли скот и во время чествования божества двора (Кардаз ава), которое происходило недели за две до масленицы. В конюшне на разостланное по полу сено клали кусочки жертвенных кушаний и просили: "Кардаз ава, кормилица! Пусть наши лошади, коровы, овцы приумножатся! Защити их от волков и злых людей" (9, с. 284). Затем шли в хлев, где резали гуся. Куски от него давали животным, включая собак.

В течение года проводилось несколько молений о здоровье и размножении лошадей. Лошадь играла важную роль в крестьянском хозяйстве, была залогом и источником его благополучия. Вероятно, моления в их честь совершались издревле. До христианизации на них обязательно забивали в жертву богам жеребенка или взрослое животное. Впервые этот обряд описал в своей книге "Путешествие в Тану" венецианский купец Иосафат Барбаро: "В известное время года они берут лошадь, которую приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами... и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом делают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусок дерева - так, чтобы лошадь могла стоять как живая, на ногах. Наконец они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и

приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха..." (1, с 134-135).

По сообщению Мильковича, в XVIII веке моление о лошадях (алашань озкс, лишме озкс) устраивали первого января. К нему пекли хлеб, напоминающий по форме лошадь, вечером относили в конюшню и оставляли там до утра. Утром молились: "Сегодня праздник лошадей. Покровитель лошадей, дай им здоровья, хорошего самочувствия, силу ног, когда они везут тяжелые возы" (6, с. 829). После этого весь день катались верхом.

В XIX веке "лишме озкс" слился с крещенским молением покровителям двора и дома, где просили о благополучии всех домашних животных и птицы. Как уже упоминалось, к этому дню пекли хлеб, лепешки и пироги в виде животных и хозяйственных построек. В Ардатовском уезде Симбирской губернии хлеб в форме лошадиной головы клали в сосуд с овсом, а затем отдавали его лошадям. В Самарской губернии жертвенный хлеб и гусятину прятали в хлеву, чтобы их могли найти и съесть дети. После всех церемоний так же, как и в XVIII веке, катались на лошадях. Считалось, что в противном случае Кардаз сярко рассердится и не будет присматривать за ними, отчего они могут заболеть. Кроме того, в этот день проводилось "изгнание" Шайтана, и лошади по поверью во время катания ломали ноги злым духам - порождениям Шайтана. Моления о лошадях совершали летом: одно в начале летнего цикла - обычно на Вознесение, другое - в августе в день христианских покровителей лошадей Фрола и Лавра. Участвовали в них в основном только мужчины-хозяева домов, так как лошадь считалась "мужским" животным, именно они работали на конях и ухаживали за ними.

В селе Кардафлей Городищенского уезда Пензенской губернии "алашань озкс" устраивали у священной сосны. На общественные деньги покупали мед для медовух и жертвенных животных. Из каждого дома на моление приходил один человек, который нес с собой каравай хлеба с запеченным в нем яйцом. Эти хлебы ставились в ряд на земле, а перед ними на воткнутый в землю шест ставилась икона Фрола и Лавра. Трое выбранных стариков молились перед ней, прося сохранить лошадей от зла и лиха, способствовать их размножению. С подобной же просьбой обращались и к предкам (4, с. 373-374).

В селе Пичелейка этого же уезда подобное моление называлось "алашань пуре" – лошадиная медовуха. Здесь вначале старики из каждого дома готовили жертвенную еду. Когда она была готова, об этом сообщали другим участникам, которые должны были приезжать на место моления верхом на лошадях (9, с. 240).

Подобные моления устраивались и в честь других животных. О сохранности и благополучии крупного рогатого скота, о том, чтобы он давал больше продукции и потомства молились во время моления о коровах (скал

озкс) и моления о быках (бука озкс). В деревне Вязовка Хвалынского уезда Саратовской губернии моление о быках устраивали перед Вознесением. Все, что необходимо было для проведения церемонии, приобреталось на общие средства. Праздник проходил на холме, около берез. Этим обрядом руководило четверо мужчин, которые переизбирались каждый год. Ритуальная пища клалась в привязанный к ветке березы сосуд, шкуру жертвенного животного также вешали на дерево. В Бугульминском уезде Самарской губернии "бука озкс" отмечался через неделю после Троицы. Обряд жертвоприношения совершали трое пожилых мужчин. Молились, обернувшись лицом к востоку, прося о хорошем самочувствии скота и жителей деревни.

Моления о рогатом скоте устраивались также на Петров день. В некоторых местах, как, например, в Городищенском уезде Пензенской губернии, в этот день молились исключительно о здоровье и размножении овец, и моление называлось "баран озкс". В Нижегородской губернии подобное моление проводилось осенью в день святой Антонины, которую мордва отождествляла с покровителем овец.

Проводились и моления о домашней птице. В Вознесение симбирская эрзя устраивала "сараз озкс" - моление о курах. А в Пензенской губернии заступниками птицы считались Кузьма и Демьян, в день почитания которых и делали "Кузьма озкс". Эти моления были исключительно женскими.

Во время всех этих молений приносили обычно в жертву то животное, в честь которого оно устраивалось: лошадь, быка, овец, кур и т.п. Их мясо варили и съедали во время общей трапезы, а часть его - так называемую "божью долю" ("ознома пель") – вешали в кузовке на ветви почитаемого дерева или клали в его дупло, зарывали в землю, бросали в реку или сжигали. Так же поступали и с костями жертвы. Кровь же ее непременно спускали в маленькую ямку, которую делали на месте моления, и засыпали землей или заваливали камнем. Шкуру животного чаще всего вешали на дерево, около которого проходила церемония. У села Селищ Нижегородской губернии шкуры жертвенных лошадей вешали на священный дуб. Место, где он стоял, называлось "кожаная поляна" (7, с. 825). Считалось, что шкуры нельзя "отнимать" у богов, иначе они накажут этого человека. Позже, когда эти запреты ослабли, стали в них делать множество отверстий, чтобы ими невозможно было воспользоваться. Иногда шкуру отдавали хозяину животного или тем людям, которые его забивали. В отдельных местах ее стали продавать, вырученные деньги шли на устройство общественных церемоний.

Животных закалывали практически на всех молениях. На мирских торжествах обычно забивали сразу несколько голов. Так, на "велень озкс" резали быка или корову, несколько овец и около десятка кур и гусей. На женском празднике "бабань каша" в основном забивали овцу и несколько

кур и петухов, которые предназначались различным божествам: черная курица - богине земли, желтая - богине урожая, пестрая - богине ветра, белая - богине воды, красный петух - богине огня. Кур различных цветов, а также черных петуха, кошку или щенка приносили в дар богам во время так называемых неприуроченных молений, которые проводились в случае массовых заболеваний людей и скота, больших пожаров и т.п.

Жертвенное животное в большинстве случаев приобретали на общинные средства, но иногда хозяева по очереди выделяли их из своего хозяйства. Оно должно было быть определенного цвета. Так, мордва Симбирской губернии в честь божества урожая (Норов ава) и божества поля (Пакся ава) резали обычно пестрого быка. А в Самарской губернии перед севом зерновых покровителям земли (Мастор ава) и (Мастор паза) жертвовали белого быка. В селе Наскафтым Саратовской губернии во время моления быкам приносили в дар богам трех быков: бурого, красного и пестрого. Жертвенный бык, который предназначался для праздника "Петров озкс" в деревне Самодуровке Городищенского уезда Пензенской губернии, обязательно должен был иметь черные пятна на лбу и животе. Этих животных обычно пасли отдельно от стада на хороших пастбищах, чтобы они нагуляли до праздника побольше жира. Часто перед жертвоприношением их украшали: на шею вешали полотенце или кусок холста, к рогам привязывали ленты или цветные лоскутки.

Одной из важных составных частей культового обряда являлось обливание жертвы холодной водой. Это делалось для того, чтобы узнать, угодно ли божеству данное животное. Если оно отряхивалось, то считалось, что бог принимает подношение. В противном случае животное полагалось заменить другим. Чтобы угодить богам, нередко сдирали шкуру с живого животного. Считалось, что боги радуются, слыша голос предназначенной им жертвы. Последней воздавались всевозможные почести: животному кланялись в ноги, просили у него прощения и молили передать богам нужды людей. Некоторые исследователи полагают, что эти проявления почтения являются признаком существования в далеком прошлом человеческих жертвоприношений. Подтверждают это и некоторые моменты женского моления - "бабань озкс". В молитве, с которой женщины обращались к богине воды (Ведь ава), говорилось: "Дай нам полные лавки ребят. На твое имя надо бы колоть двух баб, а мы режем двух овец" (9, с. 233). В селе Хлыстовка Ардатовского уезда Симбирской губернии еще в начале XX века во время этого ритуала совершалась имитация принесения в жертву вдовы, выбираемой для этого случая заранее. Ее связывали по рукам и ногам и клали поперек двух бревен. Мужчины, которых приглашали для заклания жертвенных животных, делали вид, что перерезают ей горло. Затем женщину, неподвижную как труп, клали в телегу и увозили в деревню. На место моления она возвратиться уже не могла. Подобный же обряд сохранял-

ся и у мокшан деревни Вертелим Городищенского уезда Пензенской губернии. Там с мнимой жертвы, снимали верхнюю рубашку и вешали ее на дышло повозки подобно шкуре животных, предназначенных для божеств (12, л. 308).

Мордва издревле занималась пчеловодством. Вначале мед собирали в лесу у диких пчел, затем стали делать ульи: вначале колодные, а в XIX веке и рамочные. Мед не только шел в пищу, использовался для изготовления напитков и лекарств, но также в больших количествах продавался, им платили дань. Покровителями пчеловодства у мордвы считались "Нишке паз" и его божественная сестра "Нишке тейтерь". Каждая пасека также имела собственное божество "Нешке Перь ава", обитавшее в одном из самых больших ульев. И.Н. Смирнов приводит легенду о том, что один молодой человек хотел взять оттуда мед без разрешения, но это ему не удалось: лишь он стал вырезать соты, как из улья потекла кровь, а пчелы разлетелись (9, с. 208).

Моление в честь покровителей пчеловодства устраивали в середине июня, когда шло роение пчел. Происходило оно на пчельнике. К молению готовили большое количество медовухи, которую варили прямо на месте. Богов молили о сохранении пчел, о хорошем сборе меда. В жертву им приносился первый вылетевший рой, который хозяин ссыпал в свою рубашку и затем топил ее в болоте. После такого дара рои не должны были улетать с пчельника, наоборот чужие пчелы должны прилетать на него. В дар покровителям пчельника приносили также белого гуся, а на порог сторожки им клали мед и другие кушанья, лили медовуху. Затем люди угощались сами и переходили на другой пчельник. В некоторых местах подобное моление происходило также и осенью перед тем, как ульи перевозили на зимовку.

Важнейшими моментами в скотоводческом хозяйстве были первый весенний выгон скота на пастбище и начало зимнего стойлового его содержания. Так, весенний выгон был заметным моментом в сложной социальной организации крестьянского хозяйства. Ему предшествовал наем пастухов и подпасков, от умения которых зависело сохранение и приумножение животных, количество полученной от них продукция. Пастухи выполняли и ряд обрядовых функций. Например, они часто выступали в качестве колядников. Они желали хозяевам пирогов, корову с телятами, лошадь с жеребятами, овцу с ягнятами, свинью с поросятами. В некоторых местах пастухи продолжали обходить дома перед рождеством даже тогда, когда молодежь оставляла этот обычай. Возможно, что его воспринимали как представителя домашних животных, которых раньше носили с собой колядники и первыми пускали в дом. Обычно это были петух или курица. Хозяева обязательно кормили этих животных, чтобы их посещение было добрым. В этом можно усмотреть элемент жертвоприношения, задабривания животных, которые играли важную роль в крестьянском хозяйстве и восприни-

мались как потенциальные носители плодородия. Организация летней пастьбы была довольно сложной социальной механикой: требовался договор хозяев в вопросе о пользовании угодьями, о продолжительности выпаса как каждодневного, так и в целом сезонного, о способах оплаты пастуху. Все это породило множество обрядов, примет и поверий.

Наиболее важным моментом в этом обрядовом ряду был первый выгон скота со двора. В этот день проводились как общественное, так и домашние моления. В доме зажигалась свеча, на стол клался каравай хлеба, и старейший из членов семьи молился о здоровье и благополучии коров, овец, свиней и прочих животных. Со двора скотину выгоняли веточками вербы, оставленными с праздника вербного воскресенья. При этом говорилось: "Пусть бог их охраняет, когда они пьют холодную воду, едят зеленую траву, даст им здоровья". Если в доме была молодушка, то именно она проводила эту процедуру. Скот сгоняли к месту моления первого выгона скота. Оно проводилось обычно в овраге с родником. По его склонам зажигались костры. После молитвы верховному богу и покровителю скотоводства (Велень паза) стадо прогоняли между ними. Если поблизости от села не было оврага, то для скота делали специальную траншею. С вхождением в быт мордвы христианства костры заменялись свечами, около которых ставились иконы. В обряде стал принимать участие священник, который кропил скот святой водой.

Очищение скота путем прогона его через огонь и земляные сооружения совершалось и во время других обрядов. Так, после общесельского моления, посвященного окончанию сева, весь деревенский скот, включая и свиней, прогоняли через дым и самодельные ворота – поставленные под углом два бревна. В Саратовской губернии в первую субботу после Пасхи или на Вознесение животных гоняли через специально вырытую канаву, которую покрывали деревянными балками и торфом. В день святых Фрола и Лавра, когда молились о лошадях, также делали имитацию ворот: в землю врывали два столба и перекрывали их сверху третьим столбом. Иногда на перекладину клали еще ветки, на которые сыпали землю. Через такие "ворота" прогоняли лошадей или сами хозяева проезжали на них верхом. При этом для усиления магического воздействия лошадей обрызгивали водой, а по обеим сторонам ворот разжигали костры. Огонь, который использовали во всех этих случаях, должен был быть так называемым "новым" или "живым". Его добывали старинным способом - трением друг о друга двух кусочков дерева. При этом просили божество огня (Тол ава), чтобы она не переставала "кормить" людей. Иногда до появления "нового" огня во всех домах тушили печи и лучины, чтобы зажечь их от горящих углей обрядового костра. Огонь и вода здесь, как и в других обрядах, служили символами очищения, оберега от болезней и злых сил. А "живой" огонь считался чище любого другого и обладающим большей магической силой, так

как добывался самым древним способом. Земля по поверью также могла поглотить заразу. Вот почему на молениях, посвященных скоту, делали различные земляные сооружения: рвы, ворота, траншеи.

С моментом первого выгона скота у мордвы был связан ряд примет. Хозяйка клала под ноги животному свой пояс, фартук, полотенце или карман-сумочку пояса, чтобы "привязать" его к дому, не дать "забыть" дорогу в родной хлев. Хозяйка приговаривала: "Как кушак здесь находится, пусть и скотина сюда придет" (2, л. 108). Чтобы лошади всегда приходили домой, на воротные столбы клали зуб или кончик хвоста жеребенка. Сюда же помещали и яйца - скот будет таким же тельным и круглым. Яйца и хлеб давали и пастуху, чтобы он лучше смотрел за животными. Последний обычай выполнялся и в день Фрола и Лавра. После выгона животных в дом не принято было входить с пустыми руками, иначе скот мог потеряться, не прийти домой.

Отмечался мордвой и конец выпаса скота. В конце октября - начале ноября, когда стада возвращались с летних пастбищ на зимовку, проходило моление покровителям двора и скотоводства. Его устраивали обычно в новолуние. В молении принимали участие лишь женщины и дети. На него приходили и замужние дочери. Мужчины на это время уходили из дома и возвращались лишь к началу трапезы. Участницы просили покровительницу хлева сохранить животных от болезней и падежа, благополучно дать ему перезимовать. В жертву божествам забивали овец или птицу, иногда корову, а также пекли блины и пироги. Часть еды клали в миску для "угощения" дворовых богов. Ее на несколько дней вешали на матицу, а затем еду отдавали животным. В каждый угол хлева клали по пирогу. В некоторых семьях устраивали одно моление о всем домашнем скоте. Другие же справляли отдельные моления по каждому роду животных, приготовляя каждый раз ритуальные кушанья и принося жертвы.

Специальными обрядами обставлялось употребление в пищу продуктов, изготовленных из первых удоев молока. Из молока первого надоя готовили творог, у мокши он назывался "мичке". Над ним молились о здоровье телят и больших удоях. Это моление у мокши носило название "мичкань озондома", у эрзи - "топо ознома". За столом, после моления, при кушании творога, щелкали друг друга ложками по лбу, чтобы теленок был здоров. Молоку от первого удоя приписывались лечебные свойства. На нем пекли лепешки, которыми кормили больных животных.

Во время эпидемий животных, при массовом падеже скота устраивали "стака озкс" - тяжелое моление. В нем имели право участвовать только так называемые девственные группы: старые люди, вдовы и девушки с безупречным поведением, иногда дети. Остальные жители селения под страхом наказания должны были оставаться дома. В день моления зажигали "новый" огонь. На нем варили жертвенную пищу, зажигали факелы, которые

несли впереди обрядовой процессии. Моление обычно совершалось ночью на околице села, куда собирались все участники. Оно должно было проходить в тишине: молитвы произносились шепотом, в деревне также не должно было быть шума, жителей предупреждали об этом заранее. Руководитель моления - старик или старуха, обращаясь к божеству (Стака паза), просили послать облегчение скоту.

В селе Баево Хвалынского уезда Саратовской губернии перед началом моления по улицам проходили две старухи, которые били ветками крапивы по стенам домов. А посередине улицы верхом на помеле скакал мужчина, держа в руках нож, шило и иголку. Женщины произносили заклинание, в котором просили болезнь "убраться" из села, так как иначе "железный" человек "разрубит", "изрежет", "исколет" ее. То есть железные предметы, которые у мордвы, как и у многих других народов, служили оберегами от злых сил, болезней, смерти, должны были избавить селение и от эпидемии. Чтобы "отогнать" от села вредных духов, насылавших болезнь, село ограждали также "железным" забором, то есть опахивали его кругом сохой или очерчивали железной лопатой. Иногда борозды пропахивали и по всем улицам села.

В соху или маленький плуг впрягали девушек или вдов. Их количество могло быть различным, обычно от двух до шести. Но в особо экстренных и тяжелых случаях число участниц возрастало. Например, в начале XX века во время моления семи божествам в селе Багана Бугульминского уезда Самарской губернии в опахивании было занято 27 девушек (12, л. 311). Одежда исполнительниц обряда состояла из длинных белых рубах без поясов. Женщины и девушки, кроме руководительниц обряда, были без головных уборов с распушенными волосами, мужчины также одевались в белые холщовые штаны и рубашку, которую не подпоясывали.

Обойдя село кругом и возвратясь на исходную точку, кто-то из старших участников обряда говорил: "Больше ты, болезнь, не приходи, мы перед тобой воздвигли железный забор. Иди в пустые степи, в темный лес, по ту сторону семи полей, в темную воду. Мы дадим тебе попить и поесть. Оставайся там" (12, с. 310). В некоторых местах по окончании опахивания приносили в жертву злым духам черную кошку, щенка или петуха. Иногда одаривали и хранителя деревни (Веле паза). Для него в землю зарывали монеты на каждом конце села. При этом кто-то из участников стрелял из ружья.

Мор скота и людей приписывали и гневу предков. Поэтому в некоторых селах опахивание деревни начинали на кладбище. Там на самой старой могиле или на погребении первого жителя селения, если оно сохранялось, просили умерших сохранить деревню от беды. После окончания обряда здесь же устраивалась коллективная трапеза.

В отдельных регионах проживания мордвы опахивание проводилось ежегодно после окончания сева, чтобы заранее оградить людей, скот и посевы от возможных бед. Как и во время экстренных молений,в них участвовали преимущественно незамужние девушки, вдовы и старики. Впереди обрядовой процессии также несли зажженные факелы, свечи или горячие угли. Если на пути встречались река или ручей, то в них бросали яйца. Кроме того, во время обхода вокруг села обертывали нитку, которая делалась молодой девушкой, недавно научившейся прясть. Опахивание производилось и после женского праздника, который обычно происходил после Пасхи. Кроме девушек в нем были задействованы человек 10 мальчиков, которые несли фонари и пели молитвы. Процессия останавливалась на перекрестке дорог, где сохой делали на земле кресты и ели яйца. После этого шествие возобновлялось.

Таким образом, против большой беды применялся целый комплекс обрядовых мер. Во-первых, отпугивание болезни железными предметами, угрозами, выстрелами, огнем и производными от него: углями, факелами, свечами. После принятия христианства с этой целью стали употребляться предметы церковного культа: иконы, ладан, лампады. Во-вторых, эпидемии преграждали путь в селение, очерчивая его магическим кругом с помощью железа и нити. В-третьих, злым силам приносили жертвы.

В случаях эпидемии скота прибегали и к его "очищению". Как и на молениях, посвященных тем или иным животным, скотину прогоняли по земляным рвам, через "живой" огонь, обрызгивали его святой водой. Окуривание огнем или серой проводили хозяйки и в случае болезни отдельных животных. Они проводили ночное моление "вень озкс", во время которого со свечой или горшком с горящими углями обходили дом и двор. При этом просили богиню хлева освободить животных от болезни, даровать им здоровье и силу. После этого в хлевах оставлялось угощение.

Магические действия совершались и тогда, когда у хозяев скот "не шел", то есть часто болел, плохо размножался, давал мало продукции. Тогда в яму, вырытую посреди двора, закапывали сухую конскую голову, немного творога и сырое яйцо. Двор три раза обводили косой и просили богиню земли очистить все положенное в нее, а божество двора уберечь животных от волков. В подобной ситуации использовали и землю, которую брали с могилы покойных родных. Взамен нее на месте погребения оставляли монету, приговаривая при этом: "Благоверный родитель! Беру у тебя, чтобы прибыль была. Я не так беру, покупаю, даю тебе монету!" (3, л. 20). Могильную землю смешивали с семенами мака и клали в кузов, который как во время сева вешали на грудь. Затем эту смесь рассеивали по двору. Проводилась эта церемония во время пасхальной заутрени.

Чтобы лошади были здоровы и плодовиты, мордва держали в конюшне под колодой медвежью голову. Когда по деревне цыгане водили медве-

дей, то крестьяне платили вожакам большие деньги, чтобы ввести их в конюшню. Существовала примета: если медведь упрямился и не хотел заходить в помещение, это означало, что там водилась нечистая сила.

Когда скотина пропадала на пастбище или в лесу, то в печь опрокидывали несколько пустых чугунов и говорили: "Каменный двор сделаю для лошади (или коровы, овцы), железным забором загорожу, чтобы волки ее не съели, чтобы она далеко не ушла". Это повторялось каждый вечер, пока животное не находилось. Таким же способом старались защитить животных, которые оставались на ночь вне дома. В этом случае охранить его от диких зверей и конокрадов просили божество луга (Нар ава).

Много примет и поверий было связано с покупкой и продажей домашних животных. Так, с проданной коровой хозяйка отдавала посуду для дойки и каравай хлеба. При продаже следили, чтобы покупатель не взял из-под скотины землю или солому. Считалось, что в этом случае из хозяйства уводят "племя", то есть животные не будут водиться. Чтобы сохранить плодовитость своего скота, хозяйка при продаже выдергивала из спины продаваемого животного три клока шерсти и бросала их через ворота с улицы во двор. Повод или веревку при передаче скотины передавали не голыми руками, а из полы в полу: продавец клал себе на ладонь правой руки полу своей одежды, затем брал этой рукой повод и перекладывал его в правую, также завернутую руку покупателя. Причем, рука покупателя должна была лежать поверх руки продавца. Такая передача являлась как бы вводом во владение нового хозяина. Иногда такая передача животного проводилась в рукавицах. Символика этого обряда вполне понятна - обернутая или одетая в рукавицу, не голая рука, была знаком богатства. При вводе купленного животного во двор перед ним стелили солому, которая в традиционной обрядности многих народов также служила знаком благосостояния. Хозяин и хозяйка снимали свои пояса и клали перед скотиной так, чтобы она переступила через них. Таким образом, вновь приобретенное животное "прикрепляли" к дому, чтобы оно не убегало, не пропадало. Его также "представляли" божеству двора: "Калдаз кирди, матушка! Прими и охрани новую скотину" (2, л. 79). Причем, если покупали несколько разных животных одновременно, то вначале во двор впускали овец, затем корову, лошадь, свиней, а самыми последними кур.

Все эти многочисленные обычаи и обряды, направленные на обеспечение сохранения и размножения поголовья домашних животных, выполняли обычно женщины. Именно они ухаживали за скотом, за исключением лошадей, которые издревле считались "мужскими" животными. Каждая хозяйка должна была уметь отводить порчу от скота или своевременно обращаться к знающим людям. Именно женщины выполняли магические действия и руководили молениями, которые должны были гарантировать здоровье и плодовитость домашних животных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

2. Рукописный Фонд МНИИЯЛИЭ. Л-3.

3. Рукописны Фонд МНИИЯЛИЭ. Л-52.

4. *Евсевьев М.Е.* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Избр. тр. Саранск, 1966, Т. 5.

5. *Мельников П.И.* Андрей Печерский // Очерки мордвы. Саранск, 1981.

6. *Милькович.* Быт и верования мордвы в конце XVIII в // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 1

7. *Можаровский А.* История образования прихода с. Селищ Сергачского уезда Нижегородской епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1890. № 20.

8. Памятники мордовского музыкального искусства. Т. 3. Саранск, 1988.

9. *Смирнов И.Н.* Мордва. Казань, 1895.

10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7. Ч. 3. Саранск. 1981.

11. *Фукс К.* Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 33. СПб., 1839.

12. *Харва У.* Религиозные воззрения мордвы. Хельсинки, 1952.

Galina Kornishina

MORDVINIAN CUSTOMS, RITUALS AND SUPERSTITIONS CONNECTED WITH CATTLE-BREEDING AND BEE-KEEPING

The article deals with Mordvinian customs, rituals and superstitions connected with keeping, selling and buying domestic animals, defence from illness, theft etc. All these rituals were aimed to increase the cattle fertility, protect them from disasters. Magic rituals were used as well as reasonable treatment. Some rituals were connected with definite calendar dates: first sending the cattle to grass and beginning of winter stalled keeping of the cattle, the others were timed to common folk holidays or connected with extraordinary events: epidemic, theft etc.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

СООБЩЕНИЯ

Галина Кадыкова
Йошкар-Ола

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА
(по материалам "ревизских сказок " Царевококшайского уезда)

В изучении проблемы типологии крестьянской семьи и ее особенностей применительно к различным периодам, регионам и народам феодальной России, имеются несомненные достижения (1-6). В известной мере, это относится и к финно-угорским народам Поволжья и Приуралья (7-8), и в частности, к марийской крестьянской семье (9-13). По утверждению известного специалиста К.И. Козловой, в XIX веке у марийцев бытовали в основном два типа крестьянских семей - "малая семья" (муж, жена, дети в их первом поколении, иногда престарелые родители) и "большая семья" (отец, его женатые сыновья, то есть "одна ветвь близких родственников", разраставшаяся "обычным путем из малой семьи"), численность которой колебалась от 12 до 40 человек (10, с. 189-190). По мнению этнографа И.Н. Смирнова, во второй половине XIX - начале XX веков структура марийских крестьянских семей на современной территории Марийской Республики "была довольно разнообразной", где наряду с большими (сложными) неразделенными семьями ("включали несколько брачных пар одного, двух и трех поколений"), имелись "отдельные малые семьи". По его наблюдениям, "людность больших неразделенных семей была значительной - от одного до трех-четырех десятков человек; чаще же они состояли из 16-24 человек" (12, с. 54-55). Как и профессор К.И. Козлова, он утверждал о численном преобладании в Марийском крае в XIX веке малых семей над большими (неразделенными) семьями. При этом размеры малых семей у марийцев И.Н. Смирновым определяются в 5-7 человек и не превышали 10-12 человек (12, с. 97). По данным историка А.Г. Иванова, в предшествовавшем XVIII веке среди марийцев преобладал тип малой семьи, состоявший "из супружеской пары с их малыми и неженатыми детьми или без них" и включавший 1-2 поколения родственников по прямой нисходящей (иногда

боковой) линии от 2 до 7 человек. Распространение сложной по составу неразделенной большой семьи у марийцев в основном объясняется им "особой ценностью рабочих рук в крестьянском хозяйстве" и необходимостью "концентрации совместных хозяйственных и фискально-податных усилий". В неразделенной семье этим же историком у марийцев установлено наличие "отцовской неразделенной семьи, включавшей 2-4 супружеские пары (супруги и 1-3 женатых сына, иногда внуки) численностью от 6 до 32 человек, а также "братской" неразделенной семьи, в которой женатые братья проживали в одном и том же дворе (5-24 человек). Значительно более редкими, как отмечает А.Г. Иванов, были большесемейные коллективы, где во дворах совместно проживали дяди и племянники (иногда женатые), где иногда семьи дополнялись дальними родственниками и свойственниками, и где семьи не состояли в прямом родстве. По его же наблюдениям, в XVIII веке "сложным составом отличались редко встречавшиеся семьи некрещеных марийцев, где глава семьи имел двух жен"(13, с.131-133, 322-323). Примечательно, что средний размер марийской семьи ("людность" или "населенность" крестьянского двора), по данным вышеназванных исследователей, в конце XVIII века составляли в различных уездах Казанской, Вятской и Нижегородской губерний от 4.8 до 6,1 чел. (13, с.132), а в конце XIX -начале XX веков соответственно от 5.3 до 5,9 чел. обоего пола (12, с. 98). Как видно из вышеприведенных данных, для составления более целостной характеристики марийской крестьянской семьи необходимо более углубленное использование сведений и середины XIX века.

В данном сообщении сделана попытка определить тип, структуру, половозрастной, родственный и поколенный состав и выявить средний размер крестьянской семьи в середине XIX века. Для этого нами привлечены массовые статистические материалы "ревизских сказок" 10-й ревизии 1858 года по Царевококшайскому уезду Казанской губернии, где проживало преобладавшее большинство луговых марийцев. Данные этой ревизии хранятся в фонде Царевококшайского уездного казначейства (14) Госархива Республики Марий Эл, где в поданных "сказках" мирскими выборными властями перечислены члены крестьянской семьи марийцев - вначале все лица мужского пола с указанием их возраста, а затем - лица женского пола с отметкой степени родства по каждому из селений.

Для изучения типологии марийской крестьянской семьи нами был использован выборочный метод "равномерного интервала в 5 селений", успешно использованный в соседних регионах, в частности, Удмуртии (7, с.5). В ходе проведенной нами выборки в нее попали все разновидности сельских поселений луговых марийцев рассматриваемого времени - села, деревни, починки. Конкретно, с учетом степени сохранности материалов ревизских сказок, выборкой были охвачены 5 волостей Царевококшайского уезда - Петьяльская (1 село, 4 деревни), Себе-Усадская (1 село, 2 деревни, 1

починок), Кулле-Киминская (1 село, 2 деревни, 1 починок), Петриковская (2 деревни, 2 починка), Аленкинская (5 деревень) с общей численностью в 25 селений, где по ревизии 1858 г. числилось 1009 семей марийских крестьян.

Проведенный анализ данных ревизских сказок свидетельствует, что в середине XIX века у луговых марийцев по родственному составу бытовали семьи как по прямому родству, так и боковому (Табл. 1, 2).

Таблица 1

РОДСТВЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (ПРЯМОЕ РОДСТВО)

Тип семьи	Число	
	абс.	%
Одинокие	55	5,45
Супруги без детей	41	4,06
Супруги с неженатыми детьми	175	17,34
Супруги	3	0,30
Супруги с 1 женатым сыном, иногда с младшими детьми или вдовцы с внуками	27	2,68
Супруги с 1 женатым сыном и внуками	36	3,57
Супруги с 1 женатым сыном, внуками и младшими детьми	59	5,85
Супруги с 2 женатыми сыновьями	2	0,19
Супруги с 2 женатыми сыновьями и внуками	15	1,49
Супруги с 2 женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	15	1,49
Супруги с 3 и более женатыми сыновьями и внуками	10	0,99
Супруги с 3 и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	8	0,79
Супруги или вдовцы с женатыми сыновьями, внуками и правнуками	9	0,89
Мать или отец с неженатыми детьми	39	3,87
Мать или отец с 1 женатым сыном	8	0,79
Мать или отец с 1 женатым сыном, внуками	18	1,78
Мать или отец с 1 женатым сыном, внуками и младшими детьми	26	2,58
Мать или отец с 2 и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	31	3,07
Прочие	4	0,40
Всего	581	57,58

При этом в крестьянских дворах преобладали семьи, связанные прямым родством, в процентном соотношении они составляли 57,58 % к 42,42% семей с боковым. Заметим, что приблизительно такая же картина наблюдалась и в удмуртской семье середины XIX века, где 51 % составили семьи с прямым и 49 % с боковым родством (7, с. 5).

Для рассматриваемого времени представляется весьма характерным незначительный удельный вес малой семьи, как у удмуртов, так и у марийцев. По наблюдениям удмуртского историка М.В. Гришкиной, удельный вес малой семьи в удмуртской деревне за 1762-1858 годы упал с 51 % до 21,9 % (7, с. 10). То же самое у марийцев, у которых в XVIII веке в основ-

Таблица 2

РОДСТВЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (БОКОВОЕ РОДСТВО)

Тип семьи	Число	
	абс.	%
Неженатые братья и незамужние сестры	32	3,17
Женатые братья без детей, иногда с младшими детьми	24	2,38
Женатые братья, иногда со снохой (вдовой брата) и неженатыми детьми	140	13,88
Женатые братья с женатыми детьми	14	1,39
Женатые братья с детьми и младшими братьями	10	0,99
Женатые братья с женатыми детьми и внуками	40	3,96
Женатые братья, родные и двоюродные, с детьми	14	1,39
Женатые братья с детьми или без них и холостые (женатые) племянники	38	3,77
Супруги или вдовцы, с детьми и холостые (женатые) племянники	66	6,54
Супруги или вдовцы, с детьми и снохой-вдовой с детьми	12	1,19
Супруги с детьми и родственниками мужа	2	0,20
Сложные семьи с неродственными включениями (приемыши)	30	2,97
Прочие	6	0,59
Всего	428	42,42

ном преобладала малая семья, то к середине XIX века, по нашим подсчетам, ее удельный вес составил всего 33,2 % (Табл. 3).

Таблица 3

СТРУКТУРА КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА В ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Тип семьи	Количество учтенных дворов	
	абс.	в %
1. Малая семья (отец с малолетними или холостыми сыновьями или без них)	335	33,20
2. Неразделенные семьи:		
а) отцовская (отец - женатые сыновья, возможно, внуки)	317	31,42
б) "братская" (женатые братья, в т.ч. с сыновьями)	261	25,87
в) дяди - племянники (возможно, с сыновьями)	47	4,66
3. Прочие	49	4,85
Всего	1009	100

Как свидетельствуют материалы ревизских сказок, в середине XIX века у луговых марийцев преобладающей являлась неразделенная (большая) семья (61,95 %). По структуре этот тип семьи подразделялся на "отцовскую" (отец - женатые сыновья - внуки), удельный вес которой составлял 31,42 %; "братскую" (женатые братья, в том числе с сыновьями), занимавшую 25,87 % и вариант семьи " дяди - племянники" (возможно, с сыновьями), на долю которого приходилось 4,66 % . Для сравнения отметим, что у удмуртов в это время преобладающей была братская семья (45,5 %).

Заметим и такую особенность у луговых марийцев – наличие у некрещеных марийцев в семьях двух жен. В частности, при описании одной из

крестьянских семей некрещеного марийца деревни Варангуш Кулле-Кимшской волости 1858 года отмечается такой ее состав: во дворе "Миквай Миквышев (60), Миквая Миквышева жены: первая Лыстай Тойкина (80), вторая Питький Муслаева (35). Его от первой жены первый сын Микай (42). Микая Микваева вторая жена Пибачь Якупова (31). Микая Микваева сыновья: Игибай (16) отдан в рекруты в 1855 году, Иргибай (16), Микай (6 месяцев) умер в 1851 г., Идон (4), Экимбай (3). Миквая Миквышева от первой жены другой сын Микита (17). Его же от второй жены третий сын Микит (12). Его же дочери от второй жены: Пекынай (12), Пикен (8), Пикюй (1); Его же сноха солдатка Татави Юкичева (47). Ее дочь Савика (16)" (14, д. 539, л. 146об-148).

Для составления более полного представления о структуре крестьянских семей необходимо рассмотреть также и их поколенный состав (Табл. 4).

Таблица 4

ПОКОЛЕННАЯ СТРУКТУРА СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Поколения	Тип семьи	Число	
		абс.	%
Одно	Супруги и одинокие	96	9,51
	Неженатые братья	32	3,17
	Женатые братья без детей, иногда с младшими братьями	8	0,79
	Прочие	3	0,3
	Итого	139	13,77
Два	Супруги или вдовцы и неженатые дети	242	23,98
	Супруги или вдовцы и неженатые сыновья, иногда младшие дети	36	3,57
	Супруги или вдовцы с детьми и племянниками	42	4,16
	Женатые братья с неженатыми детьми	163	16,15
	Женатые братья с женатыми детьми, иногда с младшими детьми	21	2,08
	Женатые братья с детьми и племянниками	33	3,27
	Прочие	2	0,20
	Итого	539	53,41
Три	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки, иногда младшие дети	241	23,88
	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и женатые племянники с детьми	23	2,28
	Женатые братья, женатые сыновья и внуки	49	4,86
	Женатые братья с женатыми сыновьями и женатые племянники с детьми	6	0,60
	Прочие	3	0,30
	Итого	322	31,92
Четыре	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки	9	0,90
	Итого	9	0,90
Всего		1009	100

В отличие от XVIII века, где у марийцев были широко распространены семьи с 1 и 2 поколенным родством (13, с. 132), в середине XIX века большинство составляли двух (53,41 %) и трехпоколенные (31,92 %) семьи. К середине XIX века заметно снизился удельный вес однопоколенных семей (13,77 %). Четырехпоколенные семьи типа: супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки составляли всего лишь 0,9 %. Свидетельством этого является следующая семья: во дворе "Павел Никитин (63). Павла Никитина дочь Марфа (16), Павла сын Захар (33). Захара Павлова жена Авдотья (37). Захара сыновья: Никита (8), Василий (5). Его дочери: Анисья (11), Орина (2). Павла Никитина внуки: Илья Осипов (22). Ильи Осипова жена Фекла Иванова (22). Его дочь Федосья (2). Павла Никитина внуки: Михаил Осипов (19), Максим Осипов (13), Федор Осипов (13), Степан Осипов (9), Яков Ефимов (19), Максим Ефимов (13)" (14, д. 537, л. 731об-732). У удмуртов соответственно четырехпоколенные семьи были распространены немного больше и составляли 3,3 % (7, с. 11).

Сведения о численном составе семьи луговых марийцев в середине XIX века приведены в таблице 5.

Таблица 5

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (СЕБЕ-УСАДСКАЯ ВОЛОСТЬ)

Название поселений	Всего	в том числе							
		1-5	6-10	11-15	16-20	21-25	26-30	31-35	36-40
с. Богоявленское Морки тож	170	63	62	25	16	4			
д. Туранча	12	4	5	2	1				
д. Б. Мушарань	49	15	20	9	5				
поч. Апанаево	7	1	2	3	1				
д. Черемисские Чедроялы	17	4	8	3		1	1		
д. Кудошнур	3		2	1					
Всего по волости	258	87	99	43	23	5	1		
в %	100	33,72	38,37	16,67	8,92	1,93	0,39		
Всего по Царевококшайскому уезду	1009	320	425	170	77	15	1		1
в %	100	31,71	42,12	16,85	7,63	1,49	0,10		0,10

Из нее следует, что в это время в основном преобладали семьи численностью в 6-10 человек. Удельный вес таких семей составлял 42,12 %. Немного меньше было марийских семей численностью в 1-5 душ (31,71 %). Количество семей с числом их членов в 11-15 душ обоего пола составило 16,85 %. Семьи с численностью 20-30 человек были редкостью. В источнике зафиксирована всего 1 семья численностью 36 человек обоего пола. Заметим, что в удмуртской семье в это время удельный вес семей в 16-20 и

20-25 человек составил 13 %, в то время как соответственно у луговых марийцев он составлял 10,85 %.

Средняя населенность семьи луговых в середине XIX века по нашим подсчетам составляла 8 человек обоего пола. Вместе с тем, средняя населенность двора в различных селениях была неравномерной. В частности, об этом свидетельствуют данные табл. 5.

Несомненный интерес представляет вопрос и о половозрастном составе семьи, луговых марийцев в середине XIX века (Табл. 6).

Таблица 6

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ ПО ПЕРЕПИСИ 1858 Г.

Возрастная группа (в годах)	Мужчины		Женщины		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0-5	716	18,39	743	17,18	1459	17,75
6- 10	547	14,05	534	12,34	1081	13,15
11 - 15	457	11,74	491	11,35	948	11,53
16-20	418	10,74	401	9,27	819	9,97
21 -30	547	14,05	680	15,72	1227	14,93
31-40	472	12,12	643	14,86	1115	13,57
41 -50	361	9,27	452	10,45	813	9,89
51 -60	272	6,99	265	6,13	537	6,53
61-70	86	2,21	88	2,03	174	2,12
71 -80	15	0,39	22	0,51	37	0,45
81 - выше	2	0,05	7	0,16	9	0,11
Всего	3893	100	4326	100	8219	100

Из данных этой таблицы видно, что в выборочных нами 25 селениях Царевококшайского уезда проживало 8219 душ обоего пола (4326 душ женского пола - 52,63 % и 3893 души мужского пола - 47,37 %). Преобладание в крестьянских семьях женского населения над мужским объясняется различными причинами. В частности, отправкой крестьянских юношей рекрутами в армию. По нашим наблюдениям, за 1850-1858 годы из вышеперечисленных селений 156 человек были взяты в армию. От рекрутских наборов страдали как малые, так и неразделенные семьи. Так, по данным 1858 года, в селе Тушак Шиньши тоже отмечалось об этом следующее: во дворе: "Исай Никифоров (70) умер в 1851 г. Его первый сын Иван (24) отдан в рекруты в 1855 г. Ивана Исаева жена Елена Ефимова (34). Ивана Исаева сын Алексей (8). Его же дочери: Марфа (11), Марья (5). Исая Никифорова другой сын Степан (22) отдан в рекруты в 1855 г. Степана Исаева жена Аксинья Игнатьева (28). Его же дочь Александра (1). Исая Никифорова третий сын Василий (28). Василия Исаева жена Авдотья Иванова (29).

Василия Исаева сын Иван (4). Его же дочь Орина (неделя). Исая Никифорова четвертый сын Герасим (22)" (14, д. 539, л. 12об-13).

По нашим наблюдениям, в середине XIX века у луговых марийцев главы крестьянских семей, иногда женатые сыновья и братья были второбрачными. Удельный вес таких семей составлял 23,09 %. Приведем пример: в починке Березовой проживал дворохозяин: "Тарас Никитин (45) умер в 1852 г. Тараса Никитина вторая жена Огафья Ефимова (33). Его от первой жены первый сын Андрей (20). Андрея Тарасова вторая жена Хевронья Михайлова (21). Андрея Тарасова от первой жены сын Дмитрий (10 месяцев). Тараса Никитина от второй жены другой сын Ефим (7). Его же брат Фрол Никитин (45). Фрола Никитина вторая жена Афросинья Васильева (22). Фрола Никитина сын Степан (20). Степана Фролова жена Прасковья Кузьмина (23). Фрола Никитина от первой жены дочери: Дарья (15), Ольга (11)" (14, д. 539, л. 278об-279). Данное явление, видимо, объясняется тяжелыми условиями хозяйственной работы марийской женщины и отсутствием необходимой медицинской помощи.

Характеризуя половозрастной состав крестьянской семьи, важно выявить наличие трудоспособного населения и младших ее членов. По нашим наблюдениям, у луговых марийцев в середине XIX века удельный вес детей до 5 лет составлял 17,75 %, от 6 до 10 лет - 11,53 %. (Табл. 6). По данным этой же таблицы трудоспособное население от 16 до 60 лет в целом составляло 4511 душ обоего пола, в том числе мужчин 2070 человек (46,18 %) и женщин 2441 (56,43 %). Преобладание женщин трудоспособного возраста над мужским населением, видимо, объясняется помимо рекрутских наборов тем, что мужчины помимо основных сельскохозяйственных работ нередко были заняты на отхожих и лесных промыслах. Не случайно долгожителей мужчин в возрасте от 80 и выше были буквально единицы.

Несомненно, что хозяйственная перспектива дальнейшего развития крестьянской семьи во многом была связана с наличием в них детей (Табл.7).

Как видно из таблицы 7, в середине XIX века в семьях у луговых марийцев численность детей редко превышала 7 человек. Чаще всего встречались семьи с 4 детьми. Были и такие, где в семье проживало до 14 детей, а в некоторых было 2 или не было вообще.

Особо следует сказать, что в марийской деревне Царевококшайского уезда в это время встречался тип семей с "бессемейной структурой" (одинокие, неженатые братья и сестры). Исключением не являлись и бездетные семьи. В общей сложности удельный вес неполнокровных семей занимал 13,68 %.

В целом следует сказать, что крестьянская семья, как форма кровнородственной кооперации рабочих рук и имущества, в условиях натурально-

го хозяйства и господства ручного труда являлась определяющим элементом жизнедеятельности марийской семьи.

Таблица 7

ЧИСЛЕННОСТЬ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ НА 1858 ГОД

Кол-во детей в 1 дворе	Количество дворов									
	с. Богоявленское Морки тож	д. Туранча	д. Б. Мушарань	поч. Апанаево	д. Черемисские Чедроялы	д. Кудошнур	Всего по волости		Всего по Царевококшайскому уезду	
							абс.	%	абс.	%
1	21	1	4	-	2	-	28	10,85	116	11,50
2	26	2	7	-	3	1	39	15,12	156	15,46
3	28	3	10	2	3	1	47	18,22	163	16,15
4	25	3	7	-	3	1	39	15,12	139	13,77
5	10	-	7	1	1	-	19	7,36	99	9,81
6	13	1	3	-	1	-	18	6,98	78	7,73
7	6	-	1	1	1	-	9	3,49	37	3,67
8	7	-	1	2	-	-	10	3,87	32	3,17
9	5	1	-	-	-	-	6	2,32	19	1,88
10	1	-	3	-	1	-	5	1,94	12	1,19
11	2	-	1	-	1	-	4	1,55	9	0,89
12	1	-	-	-	-	-	1	0,39	5	0,50
13	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0,30
14	1	-	-	-	-	-	1	0,39	2	0,20
15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,10
Без детей	24	1	5	1	1	-	32	12,40	138	13,68
сего	170	12	49	7	17	3	258	100	1009	100

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР, № 3, 1981.

2. *Александров В.А.* Обычное право крепостной России. XVIII - начало XIX в. М., 1984.

3. *Бакланова Н.Е.* Крестьянский двор и община на Русском Севере (конец XVII -начало XVIII в.). М., 1976.

4. *Свердлов Б.М.* Семья и община в Древней Руси // История СССР. № 3, 1981.

5. *Асфандияров А.З.* Семья и брак у башкиров в XVIII - первой половине XIX в. Уфа, 1989.

6. *Столяров А.А.* К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI - начале XX вв. // Вопросы этнографии Поволжья. Казань, 1980.

7. *Гришкина М.В.* Удмуртская семья в XVIII - первой половине XIX вв. Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII -XX вв. Устинов, 1985.

8. *Николаев С.Д.* Мордовская семья по статистическим данным I половины XIX века (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов) // Финно-угроведение, № 4, 1997.

9. *Козлова К.И.* Большая семья у марийцев в конце XIX - начале XX вв. // Ученые записки МарНИИ. Язык, литература, история. Вып.6. Йошкар-Ола, 1954.

10. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа, М., 1978.

11. *Смирнов И.Н.* Некоторые итоги изучения марийской сельской семьи // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971 - 1975 гг. Йошкар-Ола, 1976.

12. *Смирнов И.Н.* Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. Вып. 20. Йошкар-Ола, 1991.

13. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.

14. Государственный архив Республики Марий Эл (ЦГА РМЭ), ф. 15, оп. 1, д. 535, л.1-1234, д. 536, л. 1-584, д. 537, л. 1-760, д. 539, л. 1-778, д. 542, л. 1-952, 15 л. 1-1200.

Galina Kadykova

PEASANT FAMILY OF MEADOW MARI IN THE MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY
(on materials of «inspector's stories» of Tsarevokokshaysky district)

I.N. Smirnov defines the size of small Mari families as 5-7 members and not more than 10-12 members. In this report attempt is made to define type, structure, sex age, relation and generation and to reveal an average size of peasant family in the middle of the XIX-th century.

Among Maris a bit more than half of families were families with direct relation and less families were with collateral relation.

Approximately the same picture is in Udmurt family in the middle of the XIX-th century, where 51% make families with 1 and 2 generations, in the middle of the XIX-th century great deal of families had 2 (53, %) and 3 generations (31,92%). Information about numeral structure of the Meadow Mari family in the middle of the XIX-th century is in table 5. The table shows that at that time families with 6-10 members prevailed. Families with 20-30 members were rare. Only 1 family with 36 members of both sex is mentioned in the source. It can be observed that in Udmurt family at that time specific gravity of families consisting of 16-20 and 20-25 members makes 13% when by Meadow Maris it makes 10,85%.

An average number of the Meadow Mari family in the middle of the XIX-th century was 8 members of both sex according to our data.

According to our observation in the middle of the XIX-th century the heads in Meadow Mari families-sons and brothers-were married for the second time.

As you can see from table 7, in the middle of the XIX-th century in Meadow Mari families the number of children was not more than 7. Though there were families with 14 children, some families had only 2 children. Families without children were not the exception.

Финно-угроведение, 1998, № 3-4.

Юрий Антонов
Саранск

ЖАНР БЫТОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕНТИНЫ МИШАНИНОЙ

Бытовая психологическая драма в современной мордовской драматургии заняла преобладающее место, она сосредотачивает свое внимание на личной жизни человека, на выявлении его душевных переживаний. В этом жанре работали и работают К. Абрамов "Васолдонь нже" ("Гость издалека"), "Кавалонь пизэ" ("Гнездо коршунов"); А. Щеглов "Ванодо: берянь ломань" ("Осторожно: плохой человек"); А. Пудин "Шава кудса ломатть" ("В пустом доме люди"), "Кудъюрхта" ("Очаг"); Н. Голенков "Куштаф ваймот" ("Заплесневелые души").

Психологическая драма богата своеобразием стилей. Писатели, работающие в этом жанре, вносят в драматургию свои творческие принципы и стилистические особенности, свою манеру изображения характеров. В этом смысле представляет интерес творчество талантливого мордовского драматурга Валентины Мишаниной.

Весь опыт драматургии показывает, что психологическая драма только тогда имеет актуальное звучание, когда она наполнена большим общественным содержанием. "Каждый отрезок жизни общества, - пишет А. Арбузов, - выдвигает свои проблемы, а с ними и свои конфликты. Ничего не поделаешь - диалектика. Ныне эти конфликты все больше и больше концентрируются в сфере нравственных отношений, в сфере межчеловеческих отношений. А согласитесь, это очень сложная сфера. .. " (1).

На каждом новом историческом витке искусство ищет отражение социальных, экономических, политических и иных общественных процессов в сознании и поведении современников. Сохраняя верность традиции, В. Мишанина в своих драматических произведениях расширила границы психологической драмы, для чего потребовалось ей не только глубокое знание психологии человека, но и понимание процессов, происходящих в совре-

менном обществе, в нашей повседневной жизни. Новое содержание морали и нравственности, новые бытовые и общественные отношения, сложившиеся в последнее десятилетие, требуют более углубленного взгляда на драматическую коллизию. Человек с присущим ему своеобразным складом психологии, чувств, стремлений и взглядов на жизнь - источник и движущая сила драматического действия (2, с. 236).

Не только интимно-психологические и семейные взаимоотношения интересуют ее. Она исследует изменившуюся под влиянием нового времени психологию человека в общественном деле, в отношении его к труду, к коренным событиям современности.

Больше всего и плодотворнее В. Мишанина работает именно в жанре психологической драмы. Ее "Озкс тумоть тарадонза" ("Ветви священного дуба"), которая была поставлена в национальном театре под названием "Кда орта лангса суви пине" ("Если у ворот воет собака"), "Тройцянь карша" ("Перед троицей") - это пьесы, которые при всем своем индивидуальном различии остаются в границах одного жанра. В этих произведениях свои темы, свой замысел, свои характеры, но их объединяет пристальное внимание драматурга к психологии человека, к его мировоззрению.

В драме "Озкс тумоть тарадонза" ("Ветви священного дуба") она пытливо анализирует психологию и нравы людей современной мордовской деревни, показывает их сложные, часто переходящие в конфликты, взаимоотношения. Фундаментом коллизий и основанием для противоборства действующих лиц становится индивидуально-психологическое, индивидуально-нравственное начало. Драматург решает поставленные цели через судьбы людей, через живые характеры. В пьесе идет драматическая борьба не только внешняя, касающаяся взаимоотношений действующих лиц. Главной движущей силой сюжетной линии является внутренняя борьба героев, раскрывающая их сокровенные мысли и душевные порывы.

Самый правдивый и психологически убедительный образ в пьесе - это образ Нюры, женщины с трудной судьбой, сохранившей душевную теплоту и внимание к окружающим. Нелегко складывается ее жизнь. Казалось бы, выросшая без отца, она привыкла к различным трудностям. Но жить в деревне одной, без мужа и семьи очень тяжело. В диалоге с Кардиным Нюра так говорит о своих трудных жизненных обстоятельствах: "А как живу - лучше некуда. Зачем тебе мои заботы? В заброшенной деревне заботы одинокой женщины всем знакомы, - не тпру, не но, топчусь на одном месте... и по дому также" (3, с. 25). Несмотря на все трудности, она сохранила в себе такие качества человеческого характера, как отзывчивость, доброту, трудолюбие. Автор подчеркивает в ней прямоту и правдолюбие. Нюра не отсиживается за чужими спинами, она прямо говорит о недостатках и негативных явлениях, происходящих в колхозе. Этим она наживает врагов среди руководителей хозяйства.

Образ Нюры - своеобразный и новый характер в мордовской драматургии. Ее своеобразие и новизна не только в богатстве и чистоте внутреннего мира. Она проходит процесс глубокого душевного переживания. Ее тяготит одиночество и мысль о том, что никому она не нужна. Много душевных сил она затрачивает на то, чтобы найти в этой весьма трудной жизни предназначенное только ей место. Процесс поиска этого места сложный и мучительный для Нюры процесс, сопряженный с сомнениями, с потрясениями, с настоящим драматизмом. Драматург подробно, во всех сложностях исследует историю о том, как Нюра по-своему трудно, с какой-то долей отчаяния приходит к пониманию сложной, многогранной жизни.

Раскрывая сложный драматический характер Нюры, В. Мишанина исследует истоки этой неудавшейся человеческой судьбы. В сложной истории Нюры, на первый взгляд, весьма личной и интимной, угадывается судьба многих наших современников, ищущих свое настоящее место в жизни.

К пониманию своего назначения Нюра приходит не сразу. Драматург ведет ее к самоотверженному, в некотором роде отчаянному поступку, который не найдет поддержки среди серой массы обывателей, трудной дорогой душевных волнений и колебаний. Прежде чем решиться родить ребенка, Нюра вновь многое взвешивает, переосмысливает и приходит к решению, подсказанному не столько разумом, сколько материнским инстинктом и сердцем.

Автор пытается дать убедительный портрет главной героини. В. Мишанина делает усилие ввести нас в мир скрытых сердечных драм героини пьесы. Зритель вместе с ней начинает волноваться и переживать, страдать и радоваться. Драматург убедительно показывает переход героини из одного состояния в другое. Правда, эти переходы не всегда получаются такими, какими были задуманы автором, несмотря на это, в них есть мотивировка внутренней логикой характера. Правдивость и богатство характера Нюры раскрываются в столкновениях с другими персонажами пьесы, в собственных монологах.

Своеобразны отношения Нюры с Григорием.. Она испытывает к нему противоречивые чувства. Нюра, может быть, в глубине души, любит этого человека, но признаться боится не только кому-либо, а и самой себе. Как и Нюра, Григорий одинок. Одиночество во многом сближает их. Григорий не находит в своей семье надежной опоры, злится на себя, на окружающий мир. Нюра видит его страдания и искренне жалеет: "Места себе не находит... Господи, а взгляд, взгляд - давит, будто тяжелый камень. Опора ему нужна..." (3, с. 41). В итоге Григорий решается на отчаянный шаг, он кончает свою жизнь самоубийством. Такой поступок показывает слабость его характера. Он даже не пытается изменить сложившуюся ситуацию. Изменив жене с Нюрой, он лишь мстит ей таким образом. Закономерным итогом

становится развал семьи. Григорий не находит силы перебороть в себе предрассудки и уйти к Нюре, хотя в душе его тянет к этой женщине; он сам в этом признается. На вопрос Нюры почему опять пришел? Григорий отвечает: "Сам не знаю. Взял да зашел. Свой дом для меня стал пустым. Зайду домой, в ушах начинает звенеть " (3, с. 45).

Слабость характера является причиной трагической судьбы этого действующего лица. Трагическая судьба этого героя показывает пошатнувшиеся общественные устои. Человек из общества, в котором морально-нравственные принципы отходят на задний план,не является главным мерилом ценностей.

Нюра, ожидающая от него ребенка, теперь знает цель в жизни. У нее есть то, за что нужно жить и работать, преодолевать все трудности и невзгоды. Подтверждением являются ее слова.

"Нюра. (легкая улыбка играет на лице). Эй, маленький человек, как там дела? (закрывает глаза, легко поглаживает живот). Ты не волнуйся, все встанет на свое место, все будет хорошо. Вот родишься только без отца. Вырастешь, спросишь, где отец? Кто отец? А я тебе песенку спою, я тебе песенку сложу, скажу:

Эх, дитя ты мое, деточка,
Цветок ты мой маковый,
Отец твой дуб высокий посреди деревни.
Дуб высокий - дуб священный" (3, с. 42).

Мы видим, Нюра несомненно рада еще не родившемуся ребенку. Но радость перемешана с тревогой, что не будет у дитя отца.

В столкновениях Нюры с Иваном Ивановичем раскрывается такая черта её характера, как любовь к справедливости, чувство собственного достоинства. Иван Иванович по своему характеру непорядочный и хитрый человек, он предлагает Нюре пустить слух, будто ребенок его, но Нюра не способна на такую подлость, ибо имеет еще совесть и благородство. Ивану Ивановичу это необходимо лишь для того, чтобы удовлетворить свое больное мужское самолюбие.

В отношениях между главной героиней и Зиной типичные отношения соседей и подруг. Зина человек слабовольный и непринципиальный. Она плывет по течению мутной реки жизни и даже не пытается сопротивляться ему. Она по мере возможности помогает Нюре. Даже в некоторых моментах пытается давать какие-то жизненные советы. Эти советы абсолютно не нужны Нюре, так как она, по сравнению с Зиной, человек с сильным характером, не боящийся трудностей жизни.

Те стороны характера Нюры, которые не удалось раскрыть в диалогах, драматург пытается показать в ее монологах и размышлениях о жизни, о месте человека в этой жизни.

"Нюра (смотря в угол). Вот, мышка, смотри и смейся над людьми. Ви-

дишь, каждому что-то надо. Мои глаза бы на них не смотрели. Уехала бы отсюда, да никто не зовет меня, никто не ждет... А где хорошо?.. Хватит. Спать пора. Посмотрим - завтрашний день что принесет " (3, с. 29).

Из этого короткого монолога нам ясно: это совершенно одинокая женщина. Даже поговорить не с кем. Для нее самый лучший собеседник мышка, чьи глаза блестят в углу. Ей надоела вся эта серость в жизни. Она рада бы уехать в поисках лучшей доли, но только где найти эту лучшую долю. Человеку надо не искать, а самому своими руками создавать ее. Кажется, главная героиня понимает это. Она надеется, что завтрашний день обязательно наступит и, может быть, принесет что-то хорошее.

Но надежды не сбываются. Радость рождения ребенка перемешана с болью и тревогой. Ведь он родился калекой. Во всех своих бедах Нюра винит только себя. Она говорит: "Бог наказал. Значит не так живу" (3, с. 49).

Нюра ищет выход из тяжелой жизненной ситуации. Только оптимизма в ее поисках нет. Она на грани отчаяния: "Как встать на ноги?! Как растопить лед в людских сердцах?! "(3, с. 52). Зрителю начинает казаться, что после этих слов отчаяния должно случиться страшное. Но лепет маленького человечка, звучащий после них и заканчивающий пьесу, является тем спасательным кругом, за который хватается Нюра в бурном потоке жизненных коллизий. У главной героини есть цель и опора в жизни. Она не сломалась под тяжестью трудностей и суеты, выстояла и будет идти дальше, благодаря своему сильному характеру.

В просветляющем финале пьесы героиня, изрядно потрепанная невзгодами жизни, обрушившимися на нее, не теряет силу воли, присутствие духа, обретает веру и надежду в воскрешение светлого будущего. Своеобразен в пьесе образ деда Левы. Этот старый, испытавший на себе силу репрессий и жизненных трудностей, человек остался оптимистом. Его оптимизм передается и другим действующим лицам. Юмор, исходящий от него, вносит в пьесу светлые тона. Рисуя этот образ, автору не удалось избежать штампов и трафаретов. Дед Лева - это шолоховский Щукарь конца нашего столетия. Несмотря на это, образ деда Левы органично вписан драматургом в сюжетную канву драмы.

Драма "Озкс тумоть тарадонза" ("Ветви священного дуба") занимает заметное место в мордовской драматургии последнего десятилетия.

В любой пьесе столкновение страстей и жизненных целей создает конфликт, который выражает борьбу общественных сил, различных интересов и взглядов на жизнь. Конфликт в различных пьесах проявляется по-разному. Может развиваться в открытых схватках действующих лиц или во внутреннем, глубинном течении пьесы, но он всегда затрагивает духовные движения, психологию чувства, обнаруживает разлад и противоречия действующих лиц по каким-то важным, существенным вопросам, обнажает различия интересов и характеров (4, с. 31).

Драма "Тройцянь карша" ("Перед троицей") о сложных взаимоотношениях людей, о чистоте их внутреннего мира, об отношении к религии не как к моде, что так часто встречается в наше время, а как к настоящей искренней вере, которая очищает человека, делает его справедливым. В пьесе нет открытого противостояния действующих лиц, нет четкого деления на положительных и отрицательных героев. В каждом из них есть все качества, присущие человеку. Психологизм драмы поддерживается внутренней борьбой героев, стремящихся искоренить негативные черты своего характера.

Сложные взаимоотношения людей друг с другом в пьесе высвечиваются через призму отношения к церкви, традициям, культурным ценностям. Все действие разворачивается вокруг иконы Божьей Матери. Через отношение к ней автор рисует характеры героев. Драматург показывает очищающее влияние духа храма на персонажей драмы. Именно в храме начинает по-иному смотреть на жизнь молодой художник Виктор. На первый взгляд, он почти не придерживается моральных и нравственных принципов в жизни. Ему не чужды тлетворные привычки, которые в последнее время все больше и больше получают распространение в молодежной среде. Влияние храма пробудило в нем светлые чувства. Он понимает, что так жить дальше нельзя и старается исправиться.

"Витек. В жизни чего не бывает. Слышишь, со мной Люся стала разговаривать.

Игорь. Вот диво, монашка Люся ему слово сказала.

Витек. Ты не видел, какие у нее глаза, ясные, а глубина, чистые родники.

Игорь (улыбаясь). Три тысячи еще не заплатил. Монашка не деньгами, а другим заставит платить, будешь всю жизнь просвиру варить.

Витек. Игорь, ты ничего не понял. Знаешь, когда в тебе душа просыпается? Это тогда, когда Великий свет светит в твои глаза" (5, с. 196).

Современный мир не так прост, каким иногда кажется. Всё хорошее не всегда и не сразу берет верх над негативными явлениями. Вот так происходит и с Виктором. Внутренняя противоречивость в характере Виктора заставляет его колебаться. Но в итоге внутренняя чистота характера побеждает пагубные житейские привычки. Противоположным характеру Виктора является Игорь. Он и его "друзья-реставраторы" ездят по деревням совсем с другими целями. Они занимаются кражей и продажей редких икон. Жажда легкой наживы движет намерениями Игоря. Украв из церкви икону, он думает, что деревенские старушки не сразу обратят на это внимание, и легко можно будет ее продать. Расчеты оказались неверными. Украденная икона для прихожан является символом веры. История ее интересна и трагична. Во время разрушения храмов в тридцатые годы она чудом уцелела, хотя ее затаптывали в грязь. В итоге она является символом возрождающейся ве-

ры. Кража была быстро обнаружена, подозрения пали на реставраторов. Игорь, видя, что вор будет разоблачен и пойман, обманом подговаривает Виктора вернуть икону на место. Основными чертами Игоря являются слабость характера, алчность, страх разоблачения за содеянное преступление.

Разные дороги выбрали в жизни герои пьесы, по-разному складываются их судьбы. Кто-то занимается мирскими делами, а Люся посвятила себя служению Богу. Поверить в Бога ее заставила сама жизнь. Вот как она сама об этом говорит: "Тяжелой болезнью страдала, ждали, вот-вот умру. И тогда услышала голос: посвяти жизнь Богу и выздоровишь. Дала слово - выздоровела. В церкви долго не задержусь, осенью уйду в монастырь" (5, с.180).

Автор через характеры героев раскрывает сложный духовный мир человеческих отношений. Глубина сюжетной коллизии помогает нам ощутить мир персонажей драмы, лучше почувствовать их волнения и переживания.

Актуальность тематики, острота затронутых общественных проблем, стремление найти новые эстетические пути решения проблемы отличают драматические произведения В. Мишаниной. Ее внимание постоянно направлено на глубокий интерес к происходящим в нашем обществе процессам, в первую очередь к вопросам нравственного совершенствования личности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 *Арбузов А.* Такие неожиданные судьбы // Советская культура. 1979. 2 окт.
2 *Горбунова Е.* Вопросы теории реалистической драмы. М., 1963.
3 *Мишанина В.* Кда орта ланга суви пинс // Мокша, 1990, № 3.
4 *Фролов В.* Жанры советской драматургии. М., 1957.
5. *Мишанина В* Озкс гумоть тарадонза. Саранск, 1993.

Yury Antonov

GENRE OF EVERY DAY PSYCHOLOGICAL DRAMA IN CREATIVE WORK OF VALENTINA MISHANINA

V. Mishanina works much and very fruitfully in genre psychological drama. The author strengthens straightforwardness and truthfulness in her works. The image of Nyura is an original and new character in Mordvinian drama. Her original and new character is not only in wealth and purity of the inner world. Truthfulness and wealth of Nyura's character are revealed in her dialogues with the other characters of the play and in her own monologues.

Like Nyura, Grigory is also single. Grigory couldn't find strength to overcome superstitions and live with Nyura, though this woman attracts him as he confesses himself. The relationship between the main character and Zina are typical for neighbours and friends. The distinguishing features which can't be revealed in dialogues, the author tries to show in monologues and thoughts about life, the place of a man in this life.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Игорь Рябов
Саранск

МОДИФИКАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразовательная система - это организованная совокупность связанных между собой различных подсистем. Словообразовательная подсистема каждой части речи состоит из более частных подсистем, выделяющихся в соответствии с частью речи мотивирующего слова. Эти подсистемы различаются как количеством словообразовательных формантов, так и характером передаваемых ими значений (1, с. 101).

Словообразовательные отношения между частями речи в эрзянском языке тесно связаны с характером словообразовательных значений (2, с. 87). Изучение словообразовательной системы дает возможность выяснить общие закономерности словообразовательной системы языка, выявить характер передаваемых формантами словообразовательных значений. При описании словообразовательных значений необходимо знать общую систему словообразовательных отношений, свойственную языку, а также взаимопереплетение отдельных связей между частями речи (1, с. 102).

В эрзянском языке возможны как межкатегориальные, так и внутрикатегориальные словообразовательные связи при основных частях речи:

1) S→S, S→A, S→V

2) A→S, A→V, A→A

3) V→S, V→V

Каждый из этих типов словообразовательной связи имеет свое семантическое выражение. Этим типом определено общее возможное семантическое соотношение между производным и производящим. Следует выделять три основных вида этих отношений: транспозиционные, мутационные и модификационные.

Типы связей S→V, S→A, S→V, A→S, A→V, V→S в эрзянском языке представлены деривационными моделями, где суффикс имеет транспони-

рующую функцию (перевод из одной части речи в другую) и функцию мутационную (суффикс меняет понятие, выраженное мотивирующим словом).

Деривационные модели этих типов представляют межкатегориальные связи.

Производные с транспозиционными словообразовательными суффиксами тождественны во всех компонентах со значением мотивирующего слова, за исключением части речи (5, с. 65) (*ушто-мс* 'топить' - *ушто-ма* 'топка', *чачо-мс* 'родиться' - *чачо* 'лицо, образ', *кельмемс* 'замерзнуть' - *кельме* 'холодный').

С помощью мутационных суффиксов образуются производные с мутационными словообразовательными значениями, которые означают субстанцию, признак, действие, отличное от того, что названо мотивирующим словом (*кедь* 'рука' - *кеть-кс* 'браслет', *лазомс* 'расколоть' - *лас-кс* 'щель, трещина', *мазый* 'красивый' - *мазый-ка* 'красавица'). Мутационные суффиксы образуют производные, относящиеся к той же части речи, что и производящие, а также к другим частям речи (3, с. 298).

В данной статье основное внимание будет обращено на деривационные модели с модификационными суффиксами. Мы рассматриваем отношения трех частей речи: существительного, прилагательного и глагола. Все рассматриваемые производные относятся к первой ступени производности.

Типы связей A→A, V→V в эрзянском языке представлены только деривационными моделями с модификационными суффиксами. Деривационные модели этих типов представляют внутрикатегориальные отношения.

Производные с модификационными значениями содержат в себе , помимо значения мотивирующего слова , дополнительный модифицирующий признак. Модификационные значения возникают в деривационных моделях, члены которых относятся к одной и той же части речи. Они свойственны отглагольным глаголам и отадъективным прилагательным, выражающим субъективную оценку или неполноту качества (3, с. 299).

Тип связи S→S лишь частично охватывает модели с модификационными суффиксами, в то время как другая часть имеет мутационные суффиксы. К модификационным относятся модели, выражающие субъективную оценку. Производные этих моделей обозначают уменьшительно-ласкательные значения.

В типе связи V→V выделяют деривационные модели, которые обозначают многократность или длительность действия.

Присоединение словообразующих аффиксов к производящей основе вызывает определенные морфонологические преобразования. При образовании отглагольных глаголов в производном происходят следующие морфонологические изменения: 1) усечение гласных производящей основы; 2

усечение целого слога производящей основы; 3) чередование гласных в производящей основе. Производящей основой мы считаем структуру слова перед инфинитивным суффиксом *-мс*.

V + *-с*→V. По этой модели образуются производные первой ступени мотивированности со значением длительности действия: *мора-мс* 'петь' - *мор-с-е-мс* 'петь часто', *пала-мс* 'поцеловать' *пал-с-е-мс* 'целоваться часто', *кунда-мс* 'поймать' - *кунд-с-е-мс* 'ловить часто', *нарьга-мс* 'мучить' - *нарьг-с-е-мс* 'мучить часто', *керя-мс* 'резать' - *кер-с-е-мс* 'резать много раз'.

Морфонология производных с данным суффиксом заключается в следующем:

1) если производящая основа оканчивается на гласный *а* с предшествующим *к*, то при этом перед суффиксом *-с* конечная гласная усекается: *вачка-мс* 'наложить' - *вачк-с-емс* 'накладывать', *вечке-мс* 'любить' - *вечк-с-емс* 'полюбливать', *рака-мс* 'смеяться' - *рак-с-емс* 'посмеиваться', *уско-мс* 'везти' - *уск-с-емс* 'возить';

2) если основа оканчивается на *а* или другой гласный с предшествующим сонорным согласным *р, н, л, м*,то в этом случае происходит усечение гласной перед суффиксом *-с*: *мора-мс* 'петь' - *мор-с-емс* 'певать', *нола-мс* 'лизнуть' - *нол-с-емс* 'лизать', *рама-мс* 'купить' - *рам-с-емс* 'покупать', *пане-мс* 'гнать' - *пан-с-емс* 'гонять'.

V + *-й*→V. По этой модели образуются глаголы со значением многократности: *пстиде-мс* 'лягнуть' - *псти-й-э-мс* 'лягать', *юха-де-мс* 'прыгнуть' - *юха-й-э-мс* 'прыгать', *цяраде-мс* 'ударить' - *цяра-й-э-мс* 'ударять много раз', *цопадемс* 'схватить' - *цопа-й-эмс* 'хватать'.

Производные этой модели образуются от производящих основ, которые оканчиваются на гласный *с* предшествующим согласным *д*. В данном случае происходит морфонологическое изменение - усечение целого слога производящей основы.

V + *-кшн*→V. Деривационная модель с этим суффиксом в эрзянском языке имеет широкое распространение. Производные с этим суффиксом означают прерывистое, неоднократно прекращающееся действие: *кекше-мс* 'спрятаться' - *кекше-кшн-е-мс* 'прятаться часто', *панжо-мс* 'открыть' - *панжо-кшн-о-мс* 'открывать многократно', *пало-мс* 'гореть' - *пало-кшн-о-мс* 'гореть много раз', *арсемс* 'думать' - *арсе-кшн-е-мс* 'подумывать', *ютамс* 'пройти' - *юта-кшн-о-мс* 'проходить'.

Кроме значения многократности суффикс *-кшн* может обозначать малоинтенсивное или маломерное действие, например: *кепедемс* 'поднять' - *кепеде-кшн-е-мс* 'приподнимать'.

Морфонология производных с суффиксом *-кшн* заключается в следующем:

1) если производящая основа оканчивается на гласный, то при присоединении суффикса *-кшн* эта гласная сохраняется: *озно-мс* 'молиться' - *озно-кшн-омс* 'молиться много раз', *нарда-мс* 'вытереть' - *нарда-кшн-омс* 'вытирать', *невте-мс* 'показать' - *невте-кшн-емс* 'показывать';

2) если производящая основа оканчивается на гласный *э* с предшествующим согласным *й*, то происходит усечение целого слога: *му-йэ-мс* 'найти' - *му-кшн-омс* 'находить', *туйэ-мс* 'уйти' - *ту-кшн-омс* 'уходить', *мийэ-мс* 'продать' - *ми-кшн-емс* 'продавать', *нейэ-мс* 'видеть' - *не-кшн-емс* 'видеть неоднократно'. В этих примерах происходит также морфонологическое явление, называемое чередованием. В данном случае происходит чередование *й // о*.

V + *-л*→V. Суффикс *-л* придает этим моделям в большинстве случаев значения многократности и длительности действия: *кан-до-мс* 'носить' - *кант-л-е-мс* 'носить неоднократно', *сермадо-мс* 'писать' - *серма-л-е-мс* 'писать неоднократно', *сергеде-мс* 'окликнуть' - *серге-л-е-мс* 'окликать'.

Морфонология производных с этим суффиксом заключается в следующем: суффикс *-л* присоединяется к производящей основе только в том случае, если основа оканчивается на гласный с предшествующим согласным *д*, при этом происходит усечение целого слога: *пач-коде-мс* 'добраться' - *пачко-л-емс* 'добираться', *прядо-мс* 'закончить' - *пря-л-емс* 'заканчивать', *тандадо-мс* 'испугаться' - *тан-да-л-емс* 'пугаться', *сергеде-мс* 'окликнуть' - *серге-л-емс* 'окликать'.

V + *н*→V. В моделях этого типа производные, имеющие суффикс *-н*, в большинстве случаев передают длительное, повторяющееся время от времени действие: *максо-мс* 'дать' - *макс-н-е-мс* 'давать', *васто-мс* 'встретить' - *васт-н-е-мс* 'встречать', *виде-мс* 'посадить' - *вид-н-е-мс* 'сажать', *невтемс* 'показать' - *нев-т-н-емс* 'показывать', *куземс* 'лезть' - *куз-н-е-мс* 'лазить'.

В моделях с суффиксом *-н* происходит усечение гласной производящей основы с предшествующим (в большинстве случаев) согласным *т, й, з*:

а) *корта-мс* 'говорить' - *корт-н-емс* 'поговаривать', *ливтя-мс* 'лететь' - *ливт-н-емс* 'летать', *машто-мс* 'убить' - *машт-н-емс* 'убивать';

б) *сайэ-мс* 'взять' - *сай-н-емс* 'брать', *тейэ-мс* 'сделать' - *тей-н-емс* 'делать', *уйэ-мс* 'плыть' - *уй-н-емс* 'плавать';

в) *куз-емс* 'лезть' - *куз-н-емс* 'лазить', *лаз-омс* 'колоть' - *лаз-н-омс* 'раскалывать', *сез-емс* 'разорвать' - *сез-н-емс* 'разрывать'.

V + *-ч*→V. По этой модели с помощью суффикса *-ч* образуются глаголы со значением многократности действия: *маня-мс* 'обмануть' - *манч-емс* 'обманывать', *коня-мс* 'зажмурить глаза' - *кон-ч-е-мс* 'зажмуривать глаза'. В данных примерах происходит морфонологическое изменение - усе-

чение гласной производящей основы. В производных этой же модели *мендя-мс* 'гнуть' - *мен-ч-емс* 'загибать', *ландя-мс* 'нагнуться'- *лан-ч-емс* 'нагибаться' происходит морфонологическое изменение - усечение гласной производящей основы и чередование *д//ч*. В эрзянском языке это очень редкий суффикс.

V + *-ст*→V. Суффикс *-ст* в эрзянском языке является также очень редким. С помощью него по этой модели образуются глаголы, выражающие результат какого-либо действия: *пейде-мс - пей-т-ст-е-мс, аварде-мс - аварт-ст-е-мс, маде-мс - мать-ст-е-мс, чарькоде-мс* 'понять' - *чарькодьст-емс* 'довести до понятия'.

В производные этой модели образуются от производящих основ, оканчивающихся на гласный *е* с предшествующим *д*, при этом происходят морфонологические изменения, заключающиеся в усечении гласной и чередовании *д//т*.

V + *-зев*→V. По этой модели образуются производные, выражающие значения неожиданности, начинательности. Глаголы с суффиксом *-зев* в эрзянском языке относят к начинательно-мгновенному виду (4, с. 263). Начинательно-мгновенный вид выражается присоединением суффикса *-зев* к определенным по значению основам глаголов:

1) от основ, обозначающих звуковые явления и речевые процессы: *морамс* 'петь' - *мора-зев-емс* 'запеть', *пижнемс* 'кричать' - *пижне-зев-емс* 'закричать неожиданно', *гайгемс* 'звенеть' - *гай-ге-зев-емс* 'зазвенеть', *онгомс* 'лаять' - *онго-зев-емс* 'залаять';

2) от основ, обозначающих психологические переживания и мыслительную деятельность человека: *арсемс* 'думать' - *арсе-зев-емс* 'задуматься', *авардемс* 'плакать' - *аварде-зев-емс* 'зарыдать', *ке-цямс* 'радоваться' - *кеця-зева-емс* 'неожиданно обрадоваться';

3) от основ глаголов движения: *куземс* 'лезть' - *ку-зев-емс* 'долезть', *якамс* 'ходить' - *яка-зев-емс* 'начать ходить', *молемс* 'идти' - *моле-зев-емс* 'начать идти';

4) от основ, обозначающих конкретные действия: *потамс* 'пятиться' - *пота-зев-емс* 'начать пятиться', *удомс* 'спать' - *удо-зев-емс* 'заспаться', *сыргоземс* 'проснуться' - *сырго-зев-емс* 'просыпаться';

5) от основ, обозначающих физическое состояние: *оймамс* 'успокоиться' - *ойма-зев-емс* 'успокаиваться', *соракадомс* 'дрожать' - *сорака-зевемс* 'вздрагивать', *лакамс* 'кипеть' - *лака-зев-емс* 'закипать'.

V + *-д, т* →V. Модели, образованные с помощью суффикса *-д, -т* обозначают однократно закончившееся действие: *корчамс* 'хлебать' - *корч-тамс* 'хлебнуть', *лексемс* 'дышать' - *лекс-т-ямс* 'вздохнуть', *пстиемс* 'лягать" - *псти-д-емс* 'лягнуть', *авторямс* 'царапать' - *автор-д-амс* 'царапнуть'.

В типе связи А→А выделяется небольшое количество моделей. При образовании прилагательных от других прилагательных используется небольшое количество суффиксов. В моделях с суффиксами *-ла, -за, жа* производные выражают значение неполноты качества:

А + *-ла* →А: *ашо* 'белый' - *ашо-ла* 'беловатый', *ожо* 'желтый' - *ожо-ла* 'желтоватый', *пиже* 'зеленый' - *пиже-ла* 'зеленоватый', *эчке* 'толстый' - *эчке-ла* 'толстоватый', *лавшо* 'слабый' - *лавшо-ла* 'слабоватый', *ташто* 'старый' - *ташто-ла* 'староватый', *чаво* 'пустой' - *чаво-ла* 'пустоватый'.

А + *-за* →А : *эчке* 'толстый' - *эчке-за* 'толстоватый', *кельме* 'холодный' - *кельме-за* 'холодноватый', *тюжа* 'желтый' - *тюжа-за* 'желтоватый'.

А + *-жа* →А : *берянь* 'плохой' - *беря-жа* 'плохинький', *алка* 'низкий' - *алка-жа* 'низенький', *сыре* 'старый' - *сыре-жа* 'старенький'.

А + *-не/-нэ* →А. С помощью этого суффикса образуются производные, выражающие субъективную оценку. С помощью них образуются прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением: *мазый* 'красивый' - *мазый-не* 'красивенький', *од* 'молодой' - *од-нэ* 'молоденький', *берянь* 'плохой' - *берян-не* 'плохинький', *лембе* 'теплый' - *лемби-не* 'тепленький', *ашо* 'белый' - *ашине* 'беленький'.

А + *-ка/-ке* →А. Модели с этим суффиксом образуют прилагательные со значением уменьшительности: *теине* 'узкий' - *теинь-ка* 'узенький', *нурька* 'короткий' - *нурькинь-ка* 'коротенький'.

В этом типе связи наиболее регулярной и продуктивной является модель А + *-ла* →А. Остальные модели малопродуктивны.

Тип связи S→S, как уже отмечалось, лишь частично охватывает модификационные деривационные модели, тогда как другая часть охватывает мутационные модели. В этом типе выделяются деривационные модификационные модели со значениями субъективной оценки.

По модели S + *-не/-нэ* →S образуются существительные, выражающие уменьшительное значение: *кудо* 'дом' - *куды-не* 'домик', *вирь* 'лес' - *вирь-не* 'лесок', *ведь* 'вода' - *вед-не* 'водичка', *скал* 'корова' - *скал-нэ* 'коровушка', *ваз* 'теленок' - *ваз-нэ* 'теленочек', *веле* 'деревня' - *вели-не* 'деревушка'.

По модели S + *-ке* →S образуются имена существительные, имеющие размерно-оценочные значения: уменьшительно-ласкательные или уменьшительно-уничижительные: *пенч* 'ложка' - *пенч-ке* 'ложечка', *венч* 'лодка' - *венч-ке* 'лодочка', *пикс* 'веревка' - *пикс-ке* 'веревочка', *ватракш* 'лягушка' - *ватракш-ке* 'лягушонок'.

Итак, модификационные словообразовательные типы и связанные с ними модели в эрзянской деривационной системе занимают значительное место. Изучение этих связей дает возможность значительно обогатить мор-

ловскую деривационную науку и выяснить сложную систему отношений в аспекте словообразования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Улуханов И. С.* Словообразовательные отношения между частями речи // ВЯ. Вып. 4. М., 1979

2. *Цыганкин Д.В.* Транспозиционные отношения между частями речи в эрзянском языке. Изменения в волжско-финских языках. Турку, 1994.

3. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1989.

4. *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

5. *Кубрякова Е.С.* Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ. Вып. 5, М., 1974.

Igor Ryabov

MODIFICATION WORD-FORMATIVE TYPES IN ERZYAN

Word-formative relations between parts of speech in Erzyan are connected with the character of word-formative meanings. Mutation suffixes form derivatives belonging to the same part of speech as productive stems and to the other parts of speech.

This article mainly deals with derivative models with modification suffixes.

The types of connection A→A, V→V in Erzyan are presented only by derivative models with modification suffixes. According to the model V+-s→V derivatives are formed of the first degree of motivation with the meaning of continuos action: mora-ms «sing» - mor-s-e-ms «be singing», pala-ms «kiss» - pal-s-e-ms «be kissing», kunda-ms «catch»- kund-s-e-ms «be catching», narga-ms «torment»-narg-s-e-ms «be tormenting», kerya-ms «cut»- ker-s-e-ms «be cutting».

Morphology of derivatives with the given suffix consists of the following:

1) if the productive stem ends in the vowel a with previous K, final vowel falls off before the suffix-s: vachka-ms «put»-vachk-s-ems «be putting», vechke-ms «be in love»-vechk-s-ems «being in love», raka-ms «laugh»-rak-s-ems «be laughing», usko-ms «pull»-usk-s-ems «be pulling».

2) if the stem ends in a or some other vowel with the previous resonant r, n, l, m, the vowel falls off before the suffix -s: mora-ms «sing» - mor-s-ems «be singing», nola-ms «lick» - nol-s-ems «be licking», rama-ms «buy» - ram-s-ems «be buying», pane-ms «drive» - pan-s-ems «be driving».

Derivatives with this suffix denote interrupted repeatedly broken action: kekshe-ms «hide» - kekshe-kshn-e-ms «hide often», panzho-ms «open» - panzho-kshn-o-ms «open often», palo-ms «burn» - palo-kshn-o-ms «burn many times», arsems «think» - arse-kshn-s-ms «think often», yutams «go» - yuta-kshn-o-ms «go often». In this case we deal with the vowel gradation u//o.

V+-l→V. The suffix -l adds to this model the meaning of frequentative and prolonged action: kan-do-ms «bring» - kant-l-e-ms «bring not once», sermado-ms «write» - serma-l-s-ms «write not once», sergeds-ms «call» - sergs-l-s-ms «call not once».

Morphology of derivatives with the given suffix consists of the following:

the suffix -l is added to productive stem only if the stem ends in a vowel with the previous consonant d, in this case the whole syllable falls off: pachkode-ms «get» - pachko-l-ems «be getting», pryado-ms «finish» - prya-l-ems «be fihishing», tandado-ms «be afraid» - tanda-l-ems «be always afraid», sergsde-ms «call» - serge-l-ems «always call»

V+-n→V. In the models of this type derivatives with the suffix -n have the meaning of prolonged action repeated from time to time: makso-ms «give» - maks-n-e-ms «always give», vasto-ms

«meet» - vast-n-e-ms «always meet», vids-ms «plant» - vid-n-s-ms «always plant», nevtems «show» - nevt-n-ems «always show», kuzems «climb» - kuz-n-e-ms «always climb».

In the models with the suffix -n a vowel of the productive stem falls off before the previous consonants t, y, z:

a) korta-ms «speak» - kort-n-ems «usually speak», livtya-ms «fly» - livt-n-ems «usually fly», mashto-ms «kill» - masht-n-ems «usually kill»

b) saye-ms «take» - say-n-ems «usually take», teye-ms «make» - tey-n-ems «usually make», uye-ms «swim» - uy-n-ems «usually swim»

c) kuz-ems «climb» - kuz-n-ems «usually climb», laz-oms «cut» - laz-n-oms «usually cut», sez-ems «tear» - sez-n-ems «usually tear»

V + -ch →V. According to this model with the help of the suffix -ch verbs are formed with the meaning of the action that always takes place: manya-ms «deceive» - manch-s-ms «always deceive», konya-ms «blink» - kon-ch-e-ms «always blink». In derivatives of the same model mendya-ms «bend» - men-ch-ems «always bend», ladya-ms «bow» - lan-ch-e-ms «always bow» we observe morphological changing - the vowel of the stem falls off and the consonant gradatuon d//ch takes place. In Erzyan it is a rare suffix.

With the help of this suffix verbs are formed according to the model with the meaning of completed action: peyde-ms - pey-t-st-ems, avarde-ms - avart-st-e-ms, made-ms - mat-st-s-ms, charkods-ms - charkod-st-ems.

Derivatives according to this model are formed from productive stems ending in the vowel e with the previous d, in this case the vowel falls off and the consonant gradation d//t takes place.

V + -zev →V. According to this model derivatives are formed with the meaning of unusually started action. Verbs with the suffix -zev in Erzyan are of starting aspect. The type of connection A→A has not many models. A + -ne →A. With the help of this suffix the derivatives are formed with the subjective evaluation. The most usual and productive is the A + -la→A model. The other models are less productive.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Марина Федорова
Белгород

НЕСКОЛЬКО РУССКИХ СЛОВ НА ПЕРМСКОМ ФОНЕ
(Былые славяно-пермские контакты южнее Москвы)

Изучение топонимов современных южнорусских территорий показывает, что здесь устойчиво сохраняются многие весьма древние названия различного происхождения, особенно гидронимы. Это понятно, ибо здесь - та Среднерусская возвышенность, которую не закрывал ледник, коснувшийся лишь северной окраины современной Курской области. Ледник исключал возможность проникновения этносов в Восточную Европу с запада, поэтому они приходили сюда с востока: из Передней Азии – предки адыгов (самоназвание - *атыхэ, антыхэ*), финно-угры, индоевропейцы (1, с. 47-50). Последние были собирателями и охотниками (2). По мере таяния остатков ледника и освобождения ряда смежных со Среднерусской возвышенностью (далее – СРВ) земель эти этносы, постепенно увеличиваясь и количественно, осваивали новые земли. Однако южнорусская зона оставалась лучшей, особенно с расширением полосы лесостепи и предстепья, обеспечивавшей все нужное для жизни людей.

Топонимы Белгородской и смежных областей России и Украины весьма разнообразны. Ранее мы отмечали рефлексы славяно-пермских языковых связей и факты пребывания финно-угорского населения в этом регионе (3). В предлагаемой статье обращаем внимание на следы взаимодействия носителей славянских и пермских языков, прежде всего по данным Белгородской области (далее БО). Справки о значениях коми и некоторых других финно-угорских слов даем лишь по одному словарю (4) .Часть приводимой нами русской лексики представлена в известном словаре М. Фасмера с добавлениями О.Н. Трубачева*. Изложение материала следует предварить напоминанием о том, что древние финно-угры не имели звонких согласных, чем обусловлена нерегулярная мена глухих и звонких согласных в

---

* Иноязычная лексика в ряде случаев приводится в русской транслитерации.

разных языках народов Восточной Европы.

Из гидронимов БО приведем следующие. Название р. **Не́жеголь** с устойчивым начальным ударением мотивируется коми словом *неджӧг* 'налёт, осадок, слизь' + *ль* как суффикс верхнеместного падежа - 'тинистая река' (отметим и саамское *нёшш* 'грязь'). По реке – название с. **Не́жеголь** и притока реки - **Нежего́лка** с русским суффиксом. Для ряда р. **Ура́зова**, р. п. **Уразово**, п. **Уразовский** первичным считаем название реки, осложненное славянским суффиксом. База *ураз* - сопоставима с коми *урӧс* 'хилый, замухрышка', что для небольшой реки со слабым течением вполне оправданно. Топонимы с базой *ураз* - обильны в Среднем Поволжье; их обычно считают тюркизмами, что семантически сомнительно; в БО тюркизмов почти нет. Несколько севернее, в Курской области, р. **Ту́скарь** - коми *тус* (*туск-*) 'невзрачный', *тускавны* 'покрыться налетом', то есть тоже 'тинистая река'. Полагаем, что от этой же основы русское *тусклый*. В Орловской области р. **Красивая Меча** - дублет при коми *мича* - 'красивый', в Воронежской области – р. **Мечка**. Напомним возможность мотивации названия **Созон** для 12 притоков р. Оскол – по Книге большому чертежу (5, с. 138) – с помощью коми *сӧдз* - 'чистый, прозрачный', чем может быть объяснено и название л. пр. Днепра - **Сож**. Для последнего А.Ф. Рогалев, кроме слова коми языка, приводит венг. *шуз*, манс. *сос* с теми же значениями (6, с.50). Р. **Усёрд**, г. **Усёрд** - при ее впадении в р. Тихую Сосну (в 16 в. на Белгородской засечной черте) - коми *сёрт* 'долина реки, пойма' с осложнением славянского *у* - при сохранении группы согласных и озвончении конечного глухого после сонорного.

Из числа ойконимов БО выделим **Го́нтаревский**, **Ко́ндарево**, **Ко́ндровка** при соотнесении с коми *гундыр* - мифическое чудовище, удмуртское *гундыр* 'медведь'. Отмечаем в этом ряду сохранение *он/ун* между согласными, то есть без перехода в славянский носовой, а затем и в простой согласный *у*. Сюда же - ряд фамилий, фонетически вариантных. Название с. **Кулёвка** по базе соотносимо с коми *куль* 'бес, черт'. В БО есть п. **Рай**, два хутора **Раевка**, с. **Старая Райгородка**. В Донецкой и Житомирской областях Украины - **Райгородок**. В Коми республике отмечены топонимы с компонентом *рай*, для них предполагается прибалт.-фин. заимствование в соположении с рус. *край* (7, с. 98). Думаем, что все три рефлекса сложились в южнорусской зоне; сближение с рус. *край* требует особого рассмотрения.

Приведем ряд фамильных антропонимов БО (далее – ф.), частично используя факты смежных областей. **Бурда́, Бурди́н, Бурде́нко, Бурми́н** – коми *бурдны* 'выздоравливать', *бурдодны* 'лечить', удм. *бурмыны* 'выздороветь, *бурмытны* 'лечить'. Коми слова могли отразиться в рус. *бодрый* с метатезой согласных, удм. - в рус. *бормотать* - при древнем способе 'лечить говорением', более позднем - 'говорить невнятно'. **Ко́норев, Ко́нарев,**

Ко́ныpев – коми *коньор* 'бедный', 'жалкий', удм. *куанер* 'бедняк', 'бедный, жалкий'. **Ро́диков** – коми *роддо* 'неопрятность, грязь'. **Сиси́кин** - коми *сисьйог* 'дорогой, голубчик', 'милый'. **Машка́ра** – коми *Мышкыра* 'сутулый'. Особо отметим в БО ф. **Чу́жиков**, с.**Чу́жиково** - коми *чужны* 'родиться', удм. *чыжы, чивыжы* 'родня, род'. Окраины Белгорода и Воронежа имеют название **Чижовка**, хотя обилие чижей здесь не отмечается. Вместе с тем в обеих областях есть ф. **Шо́шин, Со́син**, базы которых сопоставимы с хант. и манс. словами того же корня, что и *чуж-/чыж-* в значениях 'родина', 'коренной житель', 'абориген'. Выделим ф.**Чума́к-Жунь** (только в БО), где первый компонент образован от коми *чум+ак* со значением 'лицо', второй сопоставим с общеперм. **жун-* 'слабый, вялый' при коми *жуним* 'вялый, медлительный'.

Приведенный здесь и в других наших статьях материал свидетельствует, что нужно говорить не только о волго-окской или лесной зонах обитания древних финно-угров (8, с. 4, 5), но важно учитывать финно-угорские факты и средней полосы Восточной Европы (9, с. 27), и южнорусских территорий. Сюда же, на СРВ, пришли и предки славян, часть которых позднее ушла отсюда за Днепр (первоначальное двоичное разделение славянства). Оставшееся на СРВ славянство позднее дало начало русичам - юго-восточным славянам, а в их составе - северянам и вятичам.

Древние славяно-пермские связи не могли не отразиться и в апеллятивной лексике. Приведем здесь часть материала, пока не имеющего единообразного истолкования в работах славистов.

Арта́читься 'упрямиться' - коми *орччыны* 'встать на дыбы', удм. *урдскыны* 'восстать'. Рус. слово считают тюркизмом, но мы полагаем, что оно появилось первоначально у финно-угров.

Бе́лка считается объясненным от *бѣл-* по цвету, что неверно при обычности рыжих белок в Восточной Европе. Привлекаем слова коми *паляур, палюр* 'белка-летяга', где *ур* 'белка', в удм. *пуле-* при общеперм. **паля*, которое при озвончении анлаута и дало слав. *бѣла, бѣлка*. Полагаем, что слово было создано еще в Сибири - зафиксировано движение белки. Второе название белки у восточных славян – *веверица*, белорус. *вавёрка* - обязано контактам с уграми при венг. *vevö* 'берущая, собирающая' от *venni* 'брать, взять': так было отмечено запасание белкой ягод и грибов на зиму.

Ботва́ 'верхняя зелень земляного плода' *будылка* 'зеленый или подсохший стебель' - коми *быдмыны* 'расти, вырасти, произрастать'. Возможно, отсюда же - ф. **Батма́нов** (как дуоген).

Ве́ко 'подвижный кожный покров глазного яблока' - коми *векни* 'узкий', удм. *векчи* 'тонкий'. Рус. диал. *веко* 'крышка гуеса или лукошка' - из коми. Полагаем, что значения "узкий", "тонкий", "закрывающий" в семантике одного слова в древности объединиться не могли, если не принять слово как "женское", созданное при наблюдении за готовящимися ко сну

курами.

Висо́к, виски́ - коми *вис* (*виск-*) 'проток', удм. *вис* 'промежуток, интервал'. Русское слово сложилось по отношению к мужчинам: усы и борода закрывают нижнюю часть лица, а от лба к щекам действительно остаются два безволосых "протока".

Ви́тязь, общеслав. (литература обширна) - коми *видзны* 'беречь, оберегать, охранять' при общеперм. значении "беречь". Возможно и сопоставление с саам. *вӣгкъесь* 'мощный, могучий, сильный' при *вӣгк* 'сила'.

Ещё 'дополнительно' - коми *этша* 'мало' - с учетом обычной и в современной речи "причинной" паузы: "Дай (ибо данного ранее мало) еще".

Жи́дкий - коми и удм. *шыд* 'суп, щи', что связано с *шыдӧс* 'крупа', 'то, чем заправляют суп'. Славяне пищу в виде похлебки - с жидкостью - узнали поздно.

Замо́к. От этого слова М. Фасмер направляет к статье – *мкнуть* с большим количеством сопоставлений, то есть здесь представлен связанный корень. В коми языке *мытш* 'скрепа; скоба', связанное с *мыдж* и *мыджӧд*, *мыдж* 'подпора, подпорка, упор', причем получаем мотивацию и для появления гласного в рус. *замыкать* с выделением корня *мык-*. Рус. *к* вместо коми *тш* - результат гиперкоррекции после образования производного *замо́чек*. Значение 'подпора' мотивируется тем, что ранее в селениях замков не знали, а дверь, чтобы она не раскрывалась, подпирали палкой; замки появились поздно, причем раньше - в городах.

Зело́ 'очень, сильно' от современного пермского материала далеко, но вполне соответствует восстановленному общеперм. **зел-* 'крепкий'.

Ки́ка 'женский головной убор в виде кокошника', *ки́чка* "холщовый остов кокошника' - коми *кытш* 'круг, кружок, окружность'. Произношение сочетаний *гы-*, *кы-*, *хы-* в прошлом для славян было обычным. Фонетически дальше от рус., манс. *куш*, *киш*, *кис* 'обруч'.

Мозо́ль 'утолщение кожи' общеслав. - коми, уд. *модз* 'утолщение, утолщенная часть' при коми *кимӧдзь* 'мягкая часть ладони у запястья'; *модз* + *ль* как суффикс локатива.

Отчекры́жить 'отрезать (обычно о большом куске)', коми *тшегыр* 'мосол, крупная кость', 'ломоть (хлеба)'; удм.(?) *чӧгны* 'отрубить, отсечь'. В рус. префикс *от-* добавляет семантику отделения, с другими префиксами база *чекр-* не выступает. Сюда же - ф. **Чеки́ров, Чекры́гин**.

Пасть 'ротовая полость животного', 'широко раскрытый рот человека' - коми диал. *пась* 'открытый', удм, *пась* 'дыра, отверстие', 'открытый'. При чеш. *pasť* 'ловушка, капкан' (рус. па́стка) конец слав. *пасть* позволяет сопоставление с перм. производными: коми *паськыд* 'широкий', удм. *паськыт* 'широкий, обширный' - с упрощением финали у славян до действия закона открытого слога.

Ре́зать 'умерщвлять (о животных)'- коми *резьӧдны*, удм. *зезьыны*

'распороть'. Первично, видимо, о мелких животных - для снятия шкуры.

Тупи́к 'путь без выхода или чем-то перекрытый' - коми *тупкыны* 'закрыть, заткнуть, загородить', удм. *тып-тып* 'наглухо, совсем' при общеперм.**тып-* 'заткнуть'. Рус. *тупой* 'непонимающий' - более по́зднее.

Уста́ 'губы' с учетом др.-прусск. *austo* 'рот' - коми-язв. *ус'та* 'открытый', коми-перм. *ос'та* - то же; *устье* реки на этом фоне следует понимать как 'открытый вход в реку' (или 'открывающее для реки выход в другую реку'). Для *уста* и.-евр. соответствия многообразны, но для русичей оказалась важной черта различия между "открытый" - для устья реки и "закрытый" (губы закрывают рот) почему осталось словом книжным, а для "губы" был использован адыгизм *Iупэ* – букв. 'рта край' с вокализацией *I* и *п*.

Ча́лить, ча́лка 'веревка для крепления судна, обычно к бе́регу' - коми *чӧвтны* 'бросать, кинуть; снять', удм. *чӧлтыны* 'бросать, метать'. Чалку обычно набрасывают на камень или сук дерева, чтобы не допустить движения лодки.

Приведенный нами топонимический, антропонимический и апеллятивный материал может иметь и другие объяснения, но в совокупности он показывает, что на Среднерусской возвышенности финно-угры, в том числе предки пермян, действительно обитали. Они жили сопредельно и совместно с другими этническими группами, в том числе славянскими и адыгскими. От адыгов и финно-угры, и индоевропейцы многому научились, что привело бесспорно и к значительному росту их племен, особенно позднее. На СРВ состоялось знакомство с одомашненными курами, о чем свидетельствует распространение слов типа рус. *кукареку, кирикуку*, коми - *кикуруллю* в речи многих финно-угров и индоевропейцев: слав., лит., лат., франц., нов -греч., морд. и др. (15, с. 407). Во всех этих языках слово определяется как звукоподражательное междометие, но оно является частью эллиптированной адыг. фразы *Дыгъэр къыкъокIри* 'Солнце восходит'. Ассоциации слова с криком петуха показывают, что финно-угорские и индоевропейские пришельцы довольно долго не понимали обращенных к ним адыгских слов. Коми вариант помогает расшифровать сказанное при учете особой роли адыг. слова *лIы* 'мужчина', важного для языковой жизни Восточной Европы (10, с. 129-131): *кикуруллю* означало 'Встать, мужчина!' или 'Вставать, мужчина/мужчины!'. Иначе говоря, пришельцы часто бывали под властью адыгов, которые в этом случае поднимали их утром 'с первыми петухами'. Такой единообразный рефлекс адыгского слова или фразы мог сложиться лишь на малой территории, какой и была ранее СРВ. Одни племена жили на р. Оскол, другие - по р. Нежеголь и т.д., но окрик утреннего подъема был единообразным - типа современного армейского "Подъем!". Это подтверждает мысль о древнем обитании адыгов на СРВ с достаточной их консолидацией уже VII-VI тыс. до н.э., ибо ими была создана

"палеолитическая Венера" из Авдеевской стоянки под Курском. Постепенно пришельцы становились "местными жителями", начинали понимать адыгскую речь (чему содействовали, конечно, смешанные браки) -следы адыгской речи есть почти во всех финно-угорских и индоевропейских языках. В частности, коми с СРВ унесли слово *челядь* 'дети', усвоенное и славянами (11, с. 105-108), отраженное и в англ. *child* 'ребенок' из адыг. **чалэ + ды* 'младший наш'.

Возвращаясь к нашему материалу, напомним, что часто при словах коми и удмуртских приводились и слова мордовской, угорской и саамской речи, то есть соответствующая лексика складывалась, когда финно-угорские языки еще не были четко разграничены - в том числе и по регионам обитания. Позднее часть пермян отошла к северу и ее земля получила особое название – Биармия. Другая часть отошла к северо-востоку позднее, но пока была в зоне лесостепи и контактировала с мордовскими племенами, она воспринималась соседями как часть мордовского континуума, потому и не получила особого названия у западных и даже киевско-днепровских авторов. Впрочем, *ольберы*, упоминаемые в "Слове о полку Игореве", могут получить объяснение с помощью коми слова *ойбыр* 'покой' - как название соседнего невраждебного славянам-русичам племени.

Из приводимых нами дополнительно к коми слов могут вызвать сомнение факты саамской лексики, ибо саамов связывают только с Крайним Севером (12, с.51-52); в древности же их предки обитали в условной средней полосе и даже в Причерноморье, ибо только в последнем случае предки латинян могли заимствовать саам. слово *аббрь* 'дождь' и превратить его позднее в суффикс названий четырех месяцев: сентябрь-декабрь, но четырех дождливых месяцев Апеннины не знают (13).

Подводя итог изложенному, скажем, что наш материал характеризуется тем, что он позволяет именно семантизировать факты русской славянской лексики, почти не показывая фактов деэтимологизации, обычных при процессе заимствования слов (14, с. 15).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Федорова М.В.* Среднерусская возвышенность как прародина славян // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1997.

2. *Ломан В.П.* Новое в индоевропеистических исследованиях // Вопросы языкознания. № 4, 5. М., 1991.

3. *Федорова М.В.* О некоторых южнорусских топонимах и антропонимах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1967; Славяне, мордва и анты. Воронеж, 1976; Несколько мордовских топонимов в Липецкой области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1978; Западные следы славяно-пермских связей // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984; Восточные славяне и пермяне (следы языковых контактов) // Лингвистическое наследие Т.П. Ломтева и вопросы русистики. Днепропетровск, 1984; Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки.

Вып 1. Белгород, 1993.

4. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

5. *Отин Е.С.* Гидронимы Восточной Украины. Киев-Донецк, 1977.

6. *Рогалев А.Ф.* От Гомеюка до Гомеля. Гомель, 1993.

7. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

8. *Седов В.В.* Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение, № 2. Йошкар-Ола, 1997.

9. *Поляков О.Н.* О формировании, современном состоянии и перспективах развития мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // Финно-угроведение, № 1. Йошкар-Ола, 1994

10. *Федорова М.В.* Констратные факты в Восточной Европе // Финно-угроведение, № 3-4. Йошкар-Ола, 1995.

11. *Федорова М.В.* Народная интерлингвистика (чадо; челядь; человек) // Проблемы русистики (лексикология и грамматика). Белгород, 1995.

12. *Курс О.* Коренные национальные меньшинства в Финляндии, Швеции и Норвегии // Финно-угроведение, № 1. Йошкар-Ола, 1997.

13. *Федорова М.В.* Заметки к истории обских угров // Стерх, № 1 (6). СПб., 1995.

14. *Лыткин В.И.* К вопросу о деэтимологизации слов в пермских языках // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 7. М., 1955.

15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.

Сокращения языков

англ. - английский, *адыг.* - адыгский, *белорус.* - белорусский; *венг.* - венгерский; *др.-прусск.* - древнепрусский; *и.-евр.* – индоевропейский; *манс.* - мансийский; *морд.* - мордовский; *н.-греч.* - новогреческий; *общеперм.* - общепермская форма; *перм.* - пермские; *прибалт.-фин.* - прибалтийско-финские; *рус.* - русский; *саам.* - саамский, *слав.* - славянские; *удм.* - удмуртский; *ф.-уг.* - финно-угорские; *франц.* - французский, *хант.* - хантыйский

Marina Fyodorova

SOME RUSSIAN WORDS ON PERMIC BACKGROUND
(ancient Slavic and Permic contacts to the South of Moscow)

The article deals with toponyms of Belgorog region, local family of antroponyms and partially with Russian appelatives that have parallels in Permic. The author has every reason to speak about the antiquity of Slavic and Finno-Ugric contacts on the Middle Russian Uplands.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Андрей Каксин
Ханты-Мансийск

К ПРОБЛЕМЕ АЛФАВИТА ДЛЯ ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на почти 70-летнюю историю поисков оптимального варианта алфавита хантыйского языка, данный вопрос до сих пор является проблемным. Прежде всего, это определяется значительной диалектной разобщенностью языка, вследствие чего приходится говорить как минимум о двух алфавитах - для западных и восточных диалектов. В дальнейшем речь пойдет, в частности, об алфавите для западной группы ,базирующемся на казымском диалекте. Материал убеждает в том, что применительно даже к одному диалекту имеется достаточно много вопросов для обсуждения.

Рассматривая эти вопросы, по ходу изложения кратко отметим основные вехи в развитии хантыйского алфавита, начиная с конца 20-ых годов. В это время составляется алфавит на основе латинской графики, и на нем выпускаются первые учебные пособия, хантыйские сказки и переводы с русского языка. Первоначально алфавит содержал 34 буквы, в число которых входило и девять фонематически неоправданных (преимущественно звонких) букв, служивших для передачи заимствованных интернациональных слов.

В 1936 г. был проведен пересмотр этого алфавита, после чего из него были исключены знаки Ƶƶ, Ҙҙ и Ԓԓ, обозначавшие соответственно фонемы: [ж], [з'] и [л'], в результате чего в латинизированном хантыйском алфавите осталась 31 буква, в т.ч. для передачи заимствований осталось 6 букв: Bb – [б], Cc – [ц] и [ч], Dd – [д], Ff – [ф], Gg – [г], Zz – [з].

25 букв соответствовали фонемному составу хантыйского языка, а именно: Aa – [а] и [ă], Ee – [е], Əə – [ŏ], Hh – [х], Ii – [и] и [ы], ь – (редуц.), Jj – [й], Kk – [к], Ll – [л], Łł – [ɫ], Ԓԓ – [ɫ'], M m – [м], Nn – [н], Ԋԋ – [н'], Ŋŋ – [ŋ], Oo – [о], Өө – [у], Pp – [п], Rr – [р], Ss – [с], Ҙҙ –[с'], Şş – [ш], Tt – [т], Uu – [ў], Vv – [в].

Этот алфавит представлен в статье В.К. Штейница "Хантыйский (остяцкий) язык", являющейся одной из основных обобщающих теоретических работ по хантыйскому языку (1, с. 199). Данный алфавит являлся идеальным вариантом для бесписьменного хантыйского языка, но он не мог прижиться в силу объективных обстоятельств: в 30-ые годы начинается "социалистическое строительство" на Севере, что предполагало, в числе прочего, поголовное обучение коренного населения грамоте, и никакой другой, а именно русской грамоте. А для неграмотного человека освоить хотя бы одну азбуку - уже сложная задача, не говоря о двух алфавитах.

В 1937 г. был осуществлен переход на русский алфавит. Этот шаг был вынужденным и объективным одновременно. Но объективным с экстралингвистических позиций; с лингвистической точки зрения он являлся, конечно, неоправданным. В основу графики и орфографии хантыйского языка были положены достаточно специфические основы графики и орфографии русского языка, которые ,к тому же, вырабатывались веками. Выбор соответствующих принципов предопределяется и своеобразием русской фонетической системы.

В частности, одним из них является т.н. слоговой принцип, который применяется для различения твердых и мягких согласных (2, с. 65-70). Возражения против применения этого принципа в хантыйской графике сводятся к следующему. Для русской графической системы он очень удобен потому, что в русском языке имеется небольшое число (шесть) гласных фонем и, напротив, большое количество пар согласных по твердости мягкости (пятнадцать). В результате это приводит к значительной экономии в графемах, что немаловажно для любой системы письма.

А в фонемном составе хантыйского языка насчитывается девять гласных и всего три пары противопоставленных согласных: твердые переднеязычные *n, s, ɬ* [н], [с], [л] коррелируют с мягкими среднеязычными *n', s', ɬ'* [н'], [с'], [л']. Поэтому использование слогового принципа для хантыйского языка лишено особого смысла и только усложняет графику и орфографию. Для обозначения особого статуса трех согласных можно использовать другие способы.

В русской графической системе и в орфографии имеются другие особенности, прямой перенос которых в хантыйскую систему письма приводит к искажениям при передаче специфики хантыйской фонетики. Ниже подробнее остановимся на некоторых из них.

Как известно, буквы Ее, Её, Ою, Я, кроме указания на мягкость предшествующего согласного, обозначают также сочетания [й] с гласными фонемами [э], [о], [у], [а] (3, с. 82-89). Последние три максимально близки по артикуляции к соответствующим хантыйским гласным [o], [u], [a]. Что касается [э], то его наиболее близкий эквивалент в хантыйском все-таки специфичен: он более закрытый. Но все дело в том, что эта разница имеет

место только в абсолютном начале слова и после твердых (или велярнзованных) согласных. В других комбинаторных условиях, а именно после мягких (или палатализованных) согласных русская [э] и хантыйская [е] артикуляторно близки, сравним: *[н 'эт]–[n 'eɬti]* 'жрать', *[в 'эк] – [v 'eɬ]* 'пять'. Это сближение происходит в т.ч. и после [й], сравним: *[йэл]-[jev]* 'окунь', *[нойэст] – (tum)[hŏjen]* '(тот) человек'. И потому буквы Ее, Ёё, Юю, Яя приемлемы и для хантыйской графики. Но их присутствие в системе букв ведет к необходимости введения каких-то дополнительных знаков для передачи сочетаний [й] с другими специфическими хантыйскими гласными, а именно фонемами [ŏ], [ŭ], [ă], [i] и редуцированной [ь]. Либо так и писать, девятью буквосочетаниями (йэ, йо, йу, йа, йŏ, йŭ, йă, йи, йь), поскольку унификация в графике одинаковых явлений - вещь также немаловажная.

Важным принципом русской орфографии является фонетический, согласно которому на письме отражаются некоторые оттенки фонем, возникающие в определенных комбинаторных условиях (3, с. 170-175). Так, для обозначения смягчения согласных перед гласными переднего ряда [и], [э] употребляются буквы **и** и **е**, а после твердых согласных пишутся буквы **ы** и **э**. Смягчение губных [p], [m], [v] и средне- заднеязычных [k], [ŋ], [h] наблюдается и в хантыйском, но использование букв и и е неадекватно реальному положению дел, так как хантыйские фонемы [*i*] и [*e*] качественно отличаются от "соответствующих" русских фонем [и], [ы] и [э].

Наконец, в русской графике и орфографии совершенно специфичны правила обозначения на письме такого явления, как редукция гласных. Это связано с тем, что качественной редукции в русском языке подвергается только фонема *[а]*, и редуцированность не проявляется на фонемном уровне (3, с. 142). В хантыйском языке не только количественно, но и качественно редуцируются фонемы [а], [i], [е]. Это фонетическое явление на письме не отражается, поскольку не ведет к смешению оттенков (реализации) различных гласных фонем.

Но в хантыйском языке есть отдельная редуцированная гласная фонема [ь], которая выступает только в непервом слоге и качество которой полностью зависит от консонантного окружения (4, с. 59-67). Эта специфическая фонема или совсем не передается на письме, или передается буквами, обозначающими гласные полного образования (в частности, буквами ă, у, и, ы). Последнее, конечно, нежелательно. В. Штейниц в своем очерке обозначал редуцированную фонему с помощью буквы ь (мягкий знак), и это было самое радикальное решение. Однако в дальнейшем, с переходом на русский алфавит, произошел отказ от обозначения редуцированной фонемы специальным знаком.

До 1990 г. хантыйский алфавит содержал мало дополнительных (по сравнению с русским алфавитом) графем, адекватных фонематической системе. Начальная среднеязычная согласная фонема [ŋ], не выступающая в

анлауте, передавалась буквосочетанием нг, а глухость латеральных [ɬ] и [ɬ'] никак не обозначалась. Среди гласных только для фонемы [ŏ] был специальный знак - буква Әә.

В школьном хантыйско-русском словаре (5) вводятся определенные диакритические знаки (умляут для обозначения краткости [ă] и [ў], горизонтальная черта над [ā] для обозначения ее долготы), но в качестве знаков транскрипционных, а не орфографических, и, разумеется, сохраняются все йотированные буквы.

В 1990 г. комиссией под руководством Е.А. Немысовой был разработан т.н. усовершенствованный алфавит хантыйского языка, утвержденный затем Исполкомом окружного Совета народных депутатов. Не считая восьми букв, служащих для передачи неадаптированных заимствованных слов, он включает 35 знаков. Бóльшую часть (25) составляют буквы русского алфавита: Аа, Вв, Ее, Ёё, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Хх, Шш, Щщ, ъ, ы, ь, Ээ, Юю, Яя. Они обозначают фонемы, общие для русского и хантыйского языков (за исключением букв ъ, ь и йотированных; для передачи гласной фонемы [ɨ] употребляются две буквы). Для обозначения других, специфических, хантыйских фонем (включая сочетания гласных с [j]) вводится 8 дополнительных знаков:

для согласных	для гласных	для сочетаний гласных с [j]
Лл̆ – [ɬ]	Ӑӑ – [ă]	Яя̆ – [jă]
ӈ – [ŋ]	Әә – [ŏ]	Әә̆ – [jŏ]
Уў – [ŭ]	Юю̆ – [jŭ]	

Наконец, этим вариантом алфавита предусматриваются две буквы для гласной фонемы [e]: Ээ для обозначения звука, близкого к русскому [э], и Єє (Ээ оборотное) для обозначения звука, более открытого и более заднего, чем [э]. Сочетание [j] со звуком [ɛ] предлагается передавать знаком Єё.

Таким образом, превышение букв над фонемами в данном варианте составляет 9 единиц. Это число получается из следующего расклада: сверх необходимого вводятся ъ, ь, две буквы для обозначения оттенков [i] и [e], а также восемь йотированных, но зато нет специальных знаков для фонем [n'], [l'] и [ь]. Конечно, это ведет к усложнению графической системы, что особенно касается обозначения йотированных. Думается, что не будет большей сложностью обозначение данных сочетаний путем употребления буквы Йй. (Разумеется, тогда надо иначе решать проблему обозначения мягкости согласных). Кроме того, очень неудобно для практического письма использование большого количества диакритик: происходит отрыв руки при письме, а в печатном тексте это выглядит однообразно и утомляет читателя.

В настоящее время новосибирскими исследователями хантыйского языка Н.Б. Кошкаревой и Е.В. Ковган предложен новый вариант алфавита для казымского диалекта, который может быть применим и к другим за-

падным диалектам. Он лишен тех недостатков, которые имеют место в алфавите 1990 г., причем именно благодаря отказу от фонематически неоправданных букв и от слогового принципа графики. Этот алфавит не является новым, это возвращение к алфавиту В. Штейница с последовательной заменой латинских букв русскими (кроме **Ii**). Особое качество некоторых гласных отмечается или буквенно (в трех случаях), или диакритически (также в трех случаях, что вдвое меньше, чем в рассмотренном выше варианте).

Единственной новацией является способ обозначения среднеязычных палатальных [t'], [n'] и [ɬ']. (Фонема [s'] передается буквой **Щщ**). Как видим, здесь учитывается нечасто встречающаяся фонема [t'], отмеченная В. Штейницем, но не введенная им в алфавит. Три вышеназванные согласные фонемы предлагается обозначать буквами Ҭ ҭ, Ӈь ӈь, Лъ лъ, на письме: *Ҭ ҭ*, *Ӈь ӈь*, *Лъ лъ*. (Особые буквы для обозначения мягких согласных есть в алфавитах многих языков с малым количеством мягких согласных. Например. в сербском алфавите аналогичные вышеназванным хантыйским согласные обозначаются буквами *ћ*, *њ* и *љ*).

Таким образом, предложения новосибирской лингвистической школы сводятся к отказу от всех йотированных, а также букв **Ээ, Ии, ъ, ь**, и, напротив. введению специальных знаков для редуцированной гласной фонемы и трех палатальных согласных. В результате получается алфавит, включающий 27 букв, соответствующих 27 фонемам хантыйского языка (с учетом [t']).

В принципе его можно принять как наиболее адекватный фонологической системе западных диалектов. Несомненным достоинством данного варианта является постоянное обозначение [j] отдельной буквой. что позволяет отчетливо выражать специфику хантыйского вокализма.

В этом алфавите не учитываются также буквы для передачи заимствованных из русского языка слов со всеми звонкими и глухими согласными [ф], [ц] и [ч]. Для предотвращения разрушения хантыйской фонологической системы под иносистемным влиянием заимствованные слова следует писать в соответствии с законами их адаптации в хантыйском языке.

Приведем предлагаемый алфавит полностью:

Аа Ӑӑ Вв Ii Йй Кк Лл Лл Ӆ ӆ Мм Нн Ӈь ӈь Оо Ӧ̆ ӧ̆ Пп Рр Сс Тт Ҭ ҭ Уу Ӱ̆ ӱ̆ Хх Шш Щщ Ээ *ə*

Данный алфавит действительно является почти идеальным (жаль. что в таком или близком к этому виде он не был принят сразу, т.е. в 1937 г.). Определенные сомнения связаны только с модифицированными согласными *Ҭ ҭ*, *Ӈь ӈь*, *Лъ лъ*. Думается, что их применение вызовет трудности при письме и чтении (запинки, напряжение, проблемы с идентификацией, особенно при неразборчивом почерке).

Таким образом, современный хантыйский алфавит – понятие достаточно условное. Вопрос остается открытым, и требуется дальнейшая разработка этого вопроса до определения строго нормированной и общепризнанной системы, какой и должен быть алфавит.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Штейниц В.К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть I. М.-Л., 1937.

2. *Щерба Л.В.* Теория русского письма. Л., 1983.

3. *Иванова В.Ф.* Современный русский язык: Графика и орфография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

4. *Куркина Г.Г.* Акустическая характеристика вокализма непервого слога в языке казымских ханты // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984.

5. *Молданова С.П., Немысова Е.А., Ремезанова В.Н.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Пособие для учащихся начальной школы (казымский диалект), 2-ое изд., перераб. Л., 1988.

Andrey Kaksin

TO THE PROBLEM OF ALPHABET FOR WEST DIALECTS OF KHANTY

The article aims to acquaint the reader with the alphabet for west groups of Khanty based on Kazym dialect. Originally the alphabet was compiled on the basis of Latin script, first text-books were issued in it as well as Khanty tales and some translations from Russian. 25 letters corresponded to phonetic structure of Khanty, namely Aa -/a/ and /ă/, Ee -/e/, Ээ -/ŏ/, Hh -/x/ Ii -/и/ and /ы/, ь- (reduced one). In 1937 they passed to the Russian alphabet. That's why usage of sylable principle for Khanty has no definite meaning and complicates script and orthography.

In Russian script system and orthography there are peculiarities, straight transfer of which to Khanty system results in misrepresentation of Khanty phonetics. This difference takes place in absolute initial position in a word and after hard (or velarized) consonants. The letters Ее, Ее, Юю, Яя are admissible for Khanty script. Thus to denote palatalization of consonants before the front vowels и, э the letters я and е are used after hard consonants the letters ы and э are used. Palatalization of the labial p, m, v and medio-and back-lingual k, n, h is observed in Khanty, but using the letters и and е is not adequate to real situation since Khanty phonemes i and e are different in quality from «corresponding» Russian phonemes и, ы and э.

Russian script and orthography has specific rules of marking in writing such phenomenon as vowel reduction. It is connected with the fact that qualitative reduction in Russian is not peculiar only to a, reduction isn't of phonemic level (3, p. 142).

W. Steiniz in his report marked the reduced phoneme with the help of Russian letter «ь». At present the investigators of Khanty in Novosibirsk N. B. Koshkareva and E. V. Kovgan proposed a new variant of alphabet for Kazym dialect, capable to be applied for other western dialects. The rare phoneme t' is taken into account, marked by W. Steiniz but not included into the alphabet.

Three consonants are proposed to be lettered as Тт, Нн, Лл (in writing as *Тт, Нн, Лл*). Special letters exist for palatalized consonants corresponding to the mentioned Khanty ones are lettered as h, n and л).

As a result we have the alphabet consisting of 27 letters corresponding to 27 Khanty phonemes (t' is also taken into account).

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

Василий Ванюшев
Ижевск

КУЗЕБАЙ ГЕРД: ТРАГЕДИЯ ЖИЗНИ

В истории удмуртской культуры, пожалуй, не было личности более яркой и более трагичной, чем Кузьма Павлович Чайников - Кузебай Герд (1898-1937), столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. Величие его заключается в том, что он, начав писать незадолго до Октябрьской революции, обладая многогранным талантом и неугомонной энергией, уже в первое десятилетие советской власти стал своеобразным узлом (как переводится его псевдоним Герд, ставший впоследствии фамилией), сердцем живого организма национальной культуры, с нетерпением подталкивающим свой народ вперед по пути обновления и развития.

Диапазон творчества и общественной деятельности Герда был удивительно широким. Поэт, прозаик, драматург, ученый-фольклорист и ученый-этнограф, педагог-теоретик и педагог-организатор, темпераментный общественный деятель, любитель-композитор и любитель-артист... Во многих областях обновляющейся жизни, национально-государственного строительства удмуртов, в объединении литературных сил он был одним из первых и везде оставил свой заметный добрый след.

В 1926 году он был избран первым председателем Всеудмуртской ассоциации революционных писателей (ВУАРП), созданной по типу РАПП, а в 1928 году, будучи аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока в Москве, стал членом литературного объединения "Кузница", вошел в его организационную тройку по работе с национальными литераторами республик. В составе тройки много сил вложил в создание антологии "Поэзия народов СССР", вышедшей в том же, 1928 году. В нее вошли и более десятка стихотворений удмуртских поэтов в переводах на русский язык, выполненных Кузебаем Гердом.

Герд установил творческие связи с писателями и учеными Москвы, Ленинграда, Эстонии, Финляндии, Венгрии, со многими деятелями культуры народов Урало-Поволжья. Он был знаком с чувашами Педером Хузангаем и Николаем Шубоссини, с марийцами Александром Током и Сергеем Чавайном, дружил и сотрудничал с коми Василием Лыткиным, встречался и беседовал о творческих возможностях национальных литератур с Максимом Горьким, переписывался с Валерием Брюсовым, а затем учился у него в семинаре по поэзии в Высшем литературно-художественном институте в Москве...

В творческих устремлениях Герда плодотворно сказывался нетерпеливый порыв узнавать другие миры, народы и как можно быстрее выводить удмуртскую культуру на просторы мировой цивилизации. До него были уже сделаны первоначальные шаги письменной художественной литературы удмуртов. Он не только обладал богатейшим фольклорным материалом, но и знал публикации своих предшественников - первого удмуртского ученого и писателя Григория Верещагина, писателей-педагогов Ивана Михеева, Ивана Яковлева, Михаила Можгина... Однако Герд стал первым по-настоящему профессиональным писателем-удмуртом, разработавшим многие жанры и формы поэтического творчества на родном языке. Верлибр, белый стих, стихотворения в прозе, сонет, триолет, рондо, и даже "лестница" Маяковского, порою причудливо применяемая удмуртским поэтом, - все эти формы, как и жанры поэмы, гимна, басни, памфлета, утверждались в удмуртской поэзии во многом благодаря творчеству Кузебая Герда.

Поэзия Герда и первой удмуртской поэтессы Ашальчи Оки, которой, как и многим другим пробуждавшимся талантам, помогал Герд (в частности, стихотворения Ашальчи Оки он в собственных переводах на русский язык в 1928 году издал в Москве), составляла основную, эстетически наиболее ценную часть удмуртской литературы вплоть до конца 20-х годов. С уходом Герда из литературы в 1932 году, когда он был арестован, удмуртская поэзия намного ослабла. Окрепшая к этому времени проза овладела ключевыми позициями в национальном искусстве слова.

В течение всего лишь полутора десятка лет, выпавших Герду для творчества, он опубликовал на удмуртском, русском, венгерском, финском, немецком языках, как подсчитали ученые, сто двадцать пять статей по различным вопросам культуры, выпустил двадцать три собственные книги, издал шестнадцать книг в переводах с русского языка на удмуртский. Бывая в фольклорных и этнографических экспедициях, он записал тысячи загадок, сказок, составил и выпустил три сборника народных песен. Будучи аспирантом, написал две диссертации: по фольклору - об удмуртских загадках и по этнографии - о родильных обрядах восточно-финских народов, высоко оцененные известными профессорами Ю.М. Соколовым, Б.А. Куфтиным и другими специалистами. На основе устного творчества своего на-

рода и сочинений удмуртских писателей, главным образом - своих, как правило, написанных специально для этой цели, создал оригинальные книги для чтения в удмуртских школах...

Герд любил детей, тонко чувствовал их психологию. В небольших рассказах, стихотворениях раскрывал для них поэзию обыденных вещей, открывал мир чарующих звуков, красок природы, деревенской жизни, с помощью сказок и преданий знакомил с историей народа и его образным мышлением.

Гуманистическим подвигом Герда можно назвать организацию им двух детских домов в голодные годы в начале 20-х годов, в которых он был и директором, и теоретиком-методистом. Известен ряд докладов, произнесенных им на семинарах, об эстетическом и трудовом воспитании детей.

Удивляет и радует творческая плодовитость Кузебая Герда. Годы его жизни, наполненные энергией деяния, были как бы спрессованы, сжаты до предела.

Из всего многогранного наследия Герда все же хочется выделить три сборника стихов, отражающих разные периоды его творчества. Как талантливый поэт со своим полифонизмом и по охвату жизненных явлений, и по эмоциям и ритмике стиха он предстал перед читателями прежде всего в сборнике «Крезьчи» («Гусляр»), выпущенном в 1922 году. Сборник стал свидетельством своего рода Ренессанса, бурного скачка удмуртской культуры в предреволюционные и особенно в послереволюционные годы. В него вошло около полутора сотен стихотворений и поэм. Ни по объему, ни по содержанию подобной книги в истории удмуртской культуры не бывало. Да и в последующей истории национальной поэзии равные ей появлялись не часто. Охват жизненного материала характеризуется названиями пяти разделов сборника: "Под игом царя", "В сумерки", "Красным сверкающие дни", "Посредине", "На половине пути". В первом из них, как отмечал сам автор, помещены произведения, отображающие жизнь в годы царизма, во втором - между Февральской и Октябрьской революциями, в последующих – в годы советской власти. Они написаны в 1915-1921 годы и свидетельствуют об идейных и художественных исканиях молодого поэта, о его возмужании как гражданина и литератора.

В стихотворениях и поэмах первого раздела нашли отображение тяжелая доля удмуртов в царские времена, неприятие народом империалистической войны, жажда пробуждения самосознания своих соплеменников, надежда на приближающееся утро после многовековой тьмы, призыв к интеллигенции просвещать народ, готовность лирического героя вступить в борьбу с самим царем, прячущим ключи от народного счастья. Здесь, как и в других разделах, немало "этнографических" стихотворений, в художественной структуре которых значительную роль играют детали быта, духовные традиции, черты национального характера своего народа.

Книга открывается эпиграфом – отрывком из стихотворения «Мои песни», которое может быть отнесено к довольно большому циклу на тему "народ и поэт" или "народ и искусство". Поэзия, искусство питаются народной жизнью, наполнены горем и счастьем народа, служат ему, и никто не в силах заставить их замолчать, утверждает поэт.

Наиболее характерные для этого раздела образы – темная ночь и брезжащий, многообещающий рассвет. Многие произведения написаны тоническим стихом.

В виде всеочищающего огня рисуется в сборнике революция, романтически возвышенно показаны люди, защищающие ее завоевания в ходе гражданской войны.

В произведениях, изображающих жизнь в последующие годы, поэтика Герда меняется. Это объясняется, по-видимому, не только обновлением темы, а значит, и тональности произведений, но и тем, что написаны они позднее, в более зрелые годы поэта. Он чутко вслушивается в ритмы и мелодии обновляющейся жизни и, используя особенности родного языка, богатого звукоподражаниями, умело воплощает в стихах свое мироощущение. В его поэзию как бы врывается сама действительность со своим мажорным перестуком и перегулом, рожденным в коллективном труде, голосами птиц и животных, со своими яркими и сочными красками лугов и полей, радостной игрой солнечных лучей.

Музыкой радостного, обновленного труда наполнена поэма "Завод", которая является поистине вершиной не только удмуртской литературы 20-х годов, но и искусства слова всего финно-угорского Урало-Поволжья того времени.

Новый шаг в поэтике Герда наблюдается в книге "Сяськаяськись музъем" ("Цветущая земля"), изданной в 1927 году. Во многих стихотворениях, вошедших в сборник, поэт обращается к явлениям природы и находит в них картины, созвучные своему восприятию жизни. В этом отношении наиболее характерны стихотворения «Солнышко в избе» и «Поле». Во втором из них создан образ нивы в виде гуслей со звонкими струнами-стеблями и колосьями хлебов.

В этих и других произведениях книги поэт утверждает всеобщую гармонию в мире. Притягательная сила в них - в органическом сочетании прекрасных картин природы с отточенностью стиха. В этом и проявляется то, что форма в значительной степени становится частью содержания. Она является выражением одобрительного отношения поэта к прекрасному в жизни, изображенному в стихах.

Утверждение новых взаимоотношений людей и народов, разрешение проблем, возникавших и условиях социалистического строительства, волнуют поэта во всех произведениях объемного сборника «Лёгетъёс» ("Ступени»), выпущенного в 1931 году. Книга, как и "Гусляр", имеет пять разде-

лов: "Удмуртские дела», "В большом труде", "Ленин – наш вождь», «Будь готов – к бою», «Старое выкорчуем, новое – выкуем». По их названиям видна тематическая направленность произведений.

Во многих стихотворениях звучит ликующий голос удмурта, в условиях советской власти осознавшего свое национальное и гражданское достоинство, равноправие со всеми народами страны. значение и место родной национальной культуры, языка в общечеловеческом братстве.

Большинство произведений, вошедших во второй раздел, воспевают труд, направленный на строительство новой жизни. В ряде стихотворений поэт возвращается к приему, использованному в поэме "Завод", - звукоподражанию. Стук молотков кровельщиков, например, он сравнивает с трелью соловья. Звукоподражательные междометия «Ток-ток-чик!» проходят через все стихотворение "Кровельщики" как лейтмотив, ощутимо воссоздавая мелодию труда рабочих.

Поэтика большинства произведений, вошедших в «Ступени», резко отличается от той, что была в книге «Цветущая земля». Если там в отточенности стиха, пожалуй, более чувствовались результаты учебы у Брюсова, то в произведениях, вошедших в «Ступени», Герд, по-видимому, ориентировался главным образом на Маяковского. Это чувствуется и в бескомпромиссной идейной наступательности произведений, и в свободной, раскованной манере изложения мыслей. И в стремлении активизировать сам стих, увеличивать функциональную значимость рифмы (не только конечной, но и внутренней, начальной), аллитерации, ассонансов и других средств поэтики, в том числе и расположения слов в строке. Помогая читателю более наглядно представить то, о чем говорится в стихах, поэт пользуется даже графическими средствами. Так, стихотворение «Аэроплан» по своей графической форме напоминает силуэт самолёта. В тексте стихотворения "Изба-читальня" слова, вынесенные в заголовок, набраны более крупным кеглем и взяты в рамку, как бы имитируя вывеску на здании. По примеру Маяковского Герд часто пользуется "лестницей". В отдельных местах она идет не только слева направо, но и справа налево, не только сверху вниз, но и снизу вверх.

Кузебай Герд был великим сыном своего народа и своего времени. Его стихотворения и поэмы не стали в свое время достоянием всех народов нашей огромной многонациональной страны только потому, что они были спрятаны от читателей карательными органами, наглухо закрыты в недоступные архивные сейфы.

Кузебай Герд всей своей жизнью и творчеством служил родному удмуртскому народу. Он свято верил, что счастье народа – в революционных, социалистических преобразованиях. Он служил и революции, и социалистическому строительству. Веря декларациям официальных органов о равноправии народов, о свободном развитии каждого из них, о праве наций на

самоопределение вплоть до образования собственного государства, прилагал свои неуемные силы к тому, чтобы поднять удмуртский народ до уровня самых развитых наций. Однако декларации и реальная национальная политика официальных органов во второй половине 20-х и особенно в 30-е годы все более расходились. Тысячи самых талантливых, деятельных представителей народов оказались уничтоженными под неумолимым лезвием этих ножниц.

Герда обвинили в национализме, в создании контрреволюционной организации Союз освобождения финских народностей. Смертную казнь заменили ссылкой в ГУЛАГ, он оказался на Соловецких островах. Долгие годы как врага народа клеймили позором. Письма его родным перестали приходить в 1937 году. Судьба его оставалась неизвестной. Создавались различные версии о его гибели или спасении. Лишь в конце 50-х годов, с началом некоторой демократизации общества и реабилитацией невинно осужденных сталинским режимом, доброе имя Герда стало возвращаться. Официально сообщили, что он умер в 1941 году. Но и это было неправдой.

В 1988 году в Йошкар-Оле отмечали столетие со дня рождения классика марийской литературы Сергея Чавайна. На глазах собравшейся публики поменяли на памятнике ему дату его смерти с 1942-го года на 1937-й. Оказалось, что и тут до столетнего юбилея писателя официальные органы давали неверные сведения. По-видимому, это было заранее предусмотренным действием – относить даты гибели репрессированных на военное время: авось, кто-то подумает, что погибли на фронте. Отвечая на настойчивые просьбы родных Кузебая Герда, официальные органы КГБ в 1988 году сообщили, что он расстрелян 1 ноября 1937 года на Соловецких островах. Однако и здесь присутствовала еще неправда. В результате упорных поисков архангельских и ленинградских следопытов лишь летом 1997 года было выяснено, что прах Кузебая Герда, как и многих других узников ГУЛАГА, покоится на кладбище Сандормох в Медвежьегорском районе Архангельской области. Здесь и расправились с Гердом 1 ноября 1937 года.

Медленно возвращается народу наследие Герда. По три-четыре раза небольшими тиражами переизданы его поэтические произведения в оригинале и в переводах на русский язык. Этого совсем недостаточно. Есть еще стихотворения, не вошедшие в сборники. Лишь в последнее время стали появляться в печати его научные труды. Давно пора издать полное собрание сочинений этого разносторонне одаренного человека. Его все нет и нет. Кто-то или что-то мешает. Разве это не продолжение трагедии судьбы Кузебая Герда?

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Зоя Богомолова
Ижевск

ТРАГЕДИЯ И ВЕЛИЧИЕ КУЗЕБАЯ ГЕРДА
(к 100-летию со дня рождения)

Я пришел с моей песней к вам...
Песней сердце народа согреть.
К. Геро

В этом человеке и поэте все было прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

Эта чеховская формула портрета гармоничной личности соотносится с внешним и внутренним обликом выдающегося удмуртского поэта и ученого Кузебая Герда (К.П. Чайникова), занявшего видное место в культурном пространстве финно-угорских народов.

М. Коновалов во время следствия по делу Герда (1932 г.) сказал на допросе: "Придет такое время, когда Герда будут чтить и восхвалять, как мы сейчас Пушкина". Классик удмуртской литературы, автор романов "Лицо со шрамом", "Гаян", сам через пять лет репрессированный, М. Коновалов провидчески определил место К. Герда среди самых ярких звезд отечественной литературы. Неслучайно в учебном пособии для общеобразовательных учреждений "Литература народов России XIX - XX веков" (М., "Просвещение", 1995) его имя находится в созвездии классиков: Коста Хетагуров, Шолом-Алейхем, Габдулла Тукай, Муса Джалиль, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, Расул Гамзатов и др.

Трудно найти не только в финно-угорской, но и вообще в литературе столь трагическую судьбу и участь, которая пала на Герда.

Придя в сферу национальной культуры как поэт, просветитель в сложную пору социальных и духовных преобразований, К. Герд к середине 20-х годов оказался почти в одиночестве в бушующем море идеологической и литературной борьбы, поиска исторических, политических, философских истин. Как художник слова, ученый, человек, смотревший далеко вперед, Герд пережил период отторжения, вынужденного и болезненного

"выламывания" из родной литературной и общественной среды, из процесса становления национальной государственности и культуры.

Эта трагедия К. Герда нашла отражение в книгах Ф. Ермакова, К. Куликова, Н. Кузнецова и др. Герд пережил и признание своего таланта и творческие взлеты, но больше - разочарований, попрания человеческого достоинства: его критиковали жестоко и несправедливо, выискивая в его стихах, статьях, выступлениях второй, враждебный советской власти план, а он не был ее врагом.

Его "сердце кричало" потому, что не все, что было обещано в плане преобразования, улучшения социального и культурного бытия народа, осуществлялось руководителями страны. А он, вдохновенный романтик и реалист-практик, спешил вывести свой народ, свою культуру на уровень культуры больших народов России, на европейский уровень. Удмуртия была его вечной любовью, болью и надеждой. Любые изменения к лучшему в общественной жизни, в области образования, культуры вызывали у него восторженный отклик:

...Когда говорят: "Удмуртия",
Видит мой восторженный взор
Синюю Каму, проснувшийся бор,
Лица людей, просветленные, мудрые...

В камере смертников в Нижегородской тюрьме, а позже на Соловках, ожидая исполнения приговора, он пережил физическую смерть, но страшнее - творческую, предательство друзей. Не имея возможности защитить себя, лишенный права писать (в следственном "Деле" значилось: "бывший поэт"), когда душа и руки рвались к перу, он пережил крушение личных и общественных надежд, упование на сохранение его бесценного литературного и научного наследия (письмо из Соловков в 1934г. И.А. Наговицыну).

И тем не менее выжил! Имя его избежало тления (по Пушкину). Вопреки полувековому "заговору молчания" (как и С. Есенин), безосновательной критики, обличений, разоблачений, поэзия К. Герда сегодня с нами.

В стихотворении, посвященном К. Герду, переводчик его стихотворений В. Емельянов мудро и емко сказал:

Поэту надо быть распятым,
Чтоб смолкла клевета...

Но клевета и после извещения о его смерти (1957 г.) еще долго не смолкала. "Разоблачали" не только Герда, но и "гердовщину" как антиобщественное мировоззрение. А "гердовщина" - не реакционное явление, а возрождение творческого опыта большого поэта-новатора, ученого, прогрессивного общественного деятеля (он вместе с И.А. Наговицыным, Т.К.

Борисовым боролся за автономию (республику!) Удмуртии), лидера национального движения, который пробуждал у своего народа энергию действия (стихотворение "Встаньте!"), национальное самосознание, надеясь дать ему крылья для полета, заставить почувствовать свежий ветер перемен , поверить, что "Мы - упрямые люди! Мы - люди надежной закалки!". Надо было обладать огромным гражданским мужеством, чтобы написать:

... Выйду первым
навстречу
любой угнетающей власти
- Не мешайте нам жить, -
я скажу, -
не мешайте нам жить!
Станут в тюрьмах пытать,
но не сломят меня,
не подкосят...

Это из философской поэмы "Моя смерть" (в переводе В. Емельянова), в которой выражено его кредо о жизни и смерти.

... Надо так умереть,
Чтобы гордо сказали потомки:
"Не в потемках он жил,
И доныне он жив потому!"

Предельно искренний, поэт жил, как говорят, с душой нараспашку, и в своих показаниях (автору статьи довелось с ними познакомиться), он потрясал своим благородством, желанием всю "вину" взять на себя, оберегая своих товарищей (молодых) от жестокого наказания. Его нравственный облик, его высокие этические принципы проявлялись во всем: в отношении к семье (больше жизни, по его словам, любил дочь Айно), к коллегам, к родным, в его внешнем облике - всегда прекрасно, опрятно одетый, - обладал изысканными манерами, предупредительный и обязательный во всем - он являл собой тип истинного интеллигента и остался таковым, как образец для нынешнего поколения литераторов.

Как известно, любой талант не укладывается в традиционное представление о возможностях одного человека: Герд был не только прекрасным поэтом, глубоким исследователем фольклора, блестящим педагогом, музыковедом, актером, но и этнографом, публицистом, критиком. Талант всегда индивидуален и в чем-то непредсказуем. К. Герд – не исключение. Импульсивный, динамичный, взрывной от природы характер поэта по мере становления его как художника слова приобрел новые черты: нетерпимость к людским порокам, ограниченности, невежеству, серости, к негативным явлениям национального и социального быта.

Герд, торопясь сделать как можно больше, а главное - "собирать свою историю", значит действовать, сталкивался с непониманием, общественной "глухотой", скрытой и открытой враждебностью. Что может быть горше этого! Он буквально горел на "костре" своих грандиозных преобразовательных планов. Любое дело, за которое он брался (школа, учебники, хрестоматии, организация первого детского дома, музейное дело, театр, выпуск сборников народных песен и т.д.), выводило его в ряды основоположников, зачинателей, лидеров. Он и был по природе своей лидером. За полтора десятка лет творческой и общественной деятельности в сложных обстоятельствах становления новой истории, не прекращающейся травли, наветов, недоверия (письмо И.А. Наговицыну в 1925г., недавно найденное Е. Шумиловым), Герд сделал непосильно много для одной творческой личности (об этом обстоятельно написано в трудах Ф. Ермакова). Он в прямом смысле слова блистал разными гранями таланта: и когда руководил драматической студией в удмуртском клубе, и когда выступал вместе с женой, Надеждой Антоновной, на вечерах, где пел, аккомпанируя себе на рояле, читал стихи, и когда занимался переводами Пушкина (поэмы "Цыгане", "Полтава"), организовывал и проводил этнографические экспедиции, конференции учителей, создавал первую писательскую организацию (ВУАРП), учился в Высшем литературно-художественном институте, в аспирантуре восточных языков, писал диссертации, читал научные доклады, создавал культурные общества и т.д.

Было много потрачено сил,
Но, трудясь, я счастливо жил...

Так он скажет о себе, очевидно, в какой-то момент душевного взлета.

Поэт не оговорился о своем счастье. И оно посещало его: хотя бы тогда, когда вышел первый сборник стихов, родился первенец - сын (к сожалению, умер в младенчестве) и когда крупнейшие ученые-фольклористы рекомендовали его в докторантуру и когда открыл талант первой удмуртской поэтессы Ашальчи Оки (А.Г. Векшиной), перевел ее книгу стихов на русский язык, написал восторженный отклик о ее творчестве и когда учился (слушал лекции) у великого русского поэта В.Я. Брюсова, встречался с А.М. Горьким, услышал от него добрые слова о своей поэзии. А.М. Горький бывшему коллеге Герда по аспирантуре, профессору А.М. Аршаруни, писал: "Из современных молодых национальных поэтов - самый талантливый Герд".

Большой талант - не только достояние культуры родного народа, он вненационален (как Пушкин, Толстой, Достоевский), становится составной частью общечеловеческой культуры. Талант несет в себе, кроме созидательного, объединяющего начала, главную национальную идею. Таковым

становится в настоящее время и творческое наследие Герда, и он как личность, наделенная и общественным темпераментом, и человеческим обаянием, даром объединять людей (успех созданного им культурного общества "Бӧляк").

Художественная и научная интеллигенция, которая сегодня переживает нелегкое время, уже начала (в своем интересе к Герду) искать пути объединения, пути выхода из духовного тупика. Только не хотелось бы, чтобы имя Герда, его творчество использовали в своих корыстных устремлениях люди, которые не имеют на это морального права, ибо ничего не сделали, чтобы приблизить Герда к нам.

Радуют школы, вузы, общеобразовательные учреждения в своей глубокой заинтересованности к жизни и творчеству Кузебая Герда.

По "Делу" К. Герда проходило тридцать деятелей культуры, многие погибли. В полемику вокруг наследия К. Герда, его личности вовлечены писатели разных поколений. И те, которые сочувствовали Герду, защищали его, и те, кто "воевал" с ним, по существу были жертвы политики того времени. Удмуртская литература выстрадала Герда, она заплатила за восстановление его доброго имени, за возвращение его народу дорогой ценой.

Чтобы Герд и его творчество были достоянием народа, нужны были огромные усилия Ф.К. Ермакова, который способствовал первой реабилитации Герда (май 1958 г.), усилия крупнейшего ученого из Венгрии - профессора Петера Домокоша, автора капитального труда "История удмуртской литературы" (1975 г.), в которой на высокий пьедестал поставлен К. Герд как родоначальник новой удмуртской высокохудожественной поэзии.

Вторая реабилитация К. Герда состоялась в ноябре 1977г. В ней участвовали автор статьи, известный поэт и филолог А.Н. Уваров, проделавший огромную работу по переводу трех сборников стихотворений поэта на русский язык, чтобы установить истину, снять с поэта обвинения в буржуазном национализме, в призывах бороться с советской властью и т.д. Для нас с Анатолием Николаевичем эта реабилитация была своего рода сдачей чрезвычайно ответственного экзамена перед поэтом: необходима была историческая взвешенность фактов биографии и творчества Герда, соотнесенность с современным (объективным) взглядом на его творческое наследие, на оценку его поэзии удмуртскими критиками 20-70 гг., в большинстве своем негативную, с оценкой западных критиков (Жан-Люк Моро, Корлаз и др.), а также финских и венгерских ученых П. Домокоша, Г. Берецки и др. В этой акции участвовали Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС, Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, Союз писателей России (С.В. Михалков), Академия общественных наук. Насколько же масштабной даже для того времени была фигура Герда, если для установ-

ления истины нужна была столь авторитетная и представительная Комиссия!

Герд был реабилитирован полностью, с него был снят грех буржуазного национализма, троцкизма, обвинения в контрреволюционных тенденциях в его творчестве и т.д. А "апологет" Герда, Ф.К. Ермаков, исключенный из партии, был восстановлен в ней.

"Как молния в ночи..." - так мы назвали книгу о Герде, жанр которой трудно определить: это и книга памяти, содержащая мемуарный материал, и трагическая повесть о талантливой личности, загубленной обстоятельствами культа личности Сталина, и поэтический венок поэту, это и фотолетопись, и книга для чтения, в которой немало научных изысканий. Открывается она "Словом о поэте" - стихами незабвенного Флора Васильева, который еще в 1964г., когда никто не мог восторженно писать о Герде, - заявил о собственной преемственности, о родстве с ним, о необходимости продолжать его дело великого Сеятеля "разумного, доброго, вечного".

Народный писатель Чувашии М.Н. Юхма, удостоенный Всеудмуртской премии им. Кузебая Герда, в своей статье назвал его утренней звездой на сумрачном небе 30-х гг., годов репрессий лучших представителей духовной культуры народов России. Прошли торжества в Ижевске, на родине поэта в Вавоже (юбилейные вечера, гердовские чтения). В Москве звучали стихи и песни Герда, высокие слова о его творчестве и личности. В Удмуртии были гости из Москвы, финно-угорских республик, из зарубежных стран. Мы еще раз приобщились к неиссякаемому источнику духовности Герда. Герд, уйдя в легенду удмуртской литературы, стал и Пушкиным, и Есениным, и Маяковским. Как убедительно сказал удмуртский талантливый ученый и поэт В.Е. Владыкин:

Большие поэты не старятся
И не умирают.
Они погибают, они сгорают
От сверхчеловеческого напряжения,
Чтобы осветить сумрак Вселенной
И наших душ.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

А. Шкляев
Ижевск

КУЗЕБАЙ ГЕРД: К ВОПРОСУ О СМЫСЛЕ ЕГО ПСЕВДОНИМА

Герд Кузебай (Чайников Кузьма Павлович), удмуртский поэт и ученый. Родился и вырос в крестьянской семье, в которой любили петь и рассказывать. Мать считалась ворожеей. Учился в начальной земской школе, затем в двухклассной школе с. Вавож. Жил у своей учительницы и имел доступ к ее библиотеке. Под впечатлением от "Валашской песни" М. Горького дал себе клятву служить своему народу и получить хорошее образование. Продолжил учебу в учительской семинарии слободы Кукарка (ныне г. Советск Кировской области) и после ее окончания в 1916 году работал заведующим Больше-Учинской двухклассной школы. После Октябрьской революции стал заведующим удмуртским отделом и инструктором народного образования Малмыжского уисполкома и одновременно вел национальную и культурно-просветительскую работу среди удмуртского населения. Опубликовал первые произведения в "Известиях Малмыжского уезда". Его стихотворением "Шунды жужалоз" ("Солнце взойдет") открылся первый номер газеты "Гудыри" ("Гром"). В 1919 году Герд был направлен на курсы Наркомпроса в Москве. После знакомства со "Сборником финляндской литературы", изданным под редакцией В. Брюсова и М. Горького в издательстве "Парус", окончательно решил стать поэтом. В 1920 году он был приглашен на работу в Удмуртский Комиссариат в качестве заведующего издательским отделом. В 1921-22 годах работал заведующим дошкольным подотделом, директором детдома в г. Ижевске. В эти же годы вступил в переписку с Валерием Брюсовым. В 1922 году зачислен студентом в ВЛХИ (Высший литературно-художественный институт), после его окончания возвратился в Ижевск и работал директором краеведческого музея. Вместе с Т. Борисовым создает писательскую организацию ВУАРП, принимает участие в создании журнала "Кенеш". В 1926 поступает в аспирантуру Института народов Востока и после ее окончания в 1930 году работает препо-

лавателем Ижевской совпартшколы. В годы учебы в Москве Герд входил в национальную секцию литературной группы "Кузница". В 1928 году вместе с несколькими писателями этой группы он был в гостях у М. Горького и оставил о встрече воспоминания.

В 1932 году Герд был арестован, обвинен в создании контрреволюционной организации "Софин" и в 1934 году сослан на Соловецкие острова. Расстрелян. Дата смерти скрывалась органами ОГПУ- НКВД- КГБ, и долгое время считали, что Герд умер в 1941 году. Лишь недавно были установлены время и место захоронения.

За годы своей жизни Герд издал свыше десятка оригинальных книг: сборники стихов и поэм - "Крезьчи"(" Гусляр", Ижкар, 1922), "Сяськаяськись музъем" ("Расцветающая земля", Казань, 1927), "Легетъес" ("Ступени" Ижевск, 1931), поэмы "Гондьръес" ("Медведи", Казань, 1919), "Ож" ("Война", Казань, 1920), "Завод" (Ижевск, 1921, на удм. яз.), "Дас ар"("Десять лет", Ижевск, 1931), повесть "Мати"("Мотя", Сарапул, 1920), пьесы "Адзисьес"("Свидетели"", Елабуга, 1919), "Югыт сюрес вылэ" ("На светлую дорогу", Елабуга, 1919), "Туно" ("Ворожея", Сарапул, 1920). Перевел на удмуртский язык рассказы В. Бианки, П. Замойского, пьесу Л. Толстого "От нее все качества", а также русские народные сказки и революционные песни. На русский язык перевел стихи Ашальчи Оки. В рукописи остался его сборник стихов на русском языке, изданный под названием "Лирика" в 1966 году.

Все годы своей жизни Герд был агитатором, пропагандистом, трибуном. В своем вольном переводе издал биографии К. Маркса и В.И. Ленина. Регулярно выступал со статьями публицистического и культурно-просветительского характера.

Одновременно Герд собирал фольклор и занимался изучением этнографии и народной духовной культуры удмуртов. Издал три сборника народных песен - "Малмыж удмуртъеслэн кырзанъессы" ("Песни малмыжских удмуртов", Сарапул, 1920), "Удмурт кырзанъес" ("Удмуртские песни", Москва, 1924), "Удмурт кырзанъес" ("Удмуртские песни", Ижевск, 1927), написал диссертацию "Человек и его рождение" (Хельсинки, 1993), а также десятки научных статей об удмуртском народном театре, народной музыке, устной литературе, верованиях, обычаях и обрядах.

Много сил отдавал Герд делу образования детей. Издал книги для чтения "Шуныт зор"("Теплый дождь", Москва, 1924), "Выль сюрес" ("Новый путь", 1931), методическое пособие "Удмурт кыл но выжыкыл веран удмурт школаын"(" Родной язык и рассказывание сказок в удмуртской школе", Москва, 1923), переводы учебников Е.Г. Шальпа "Элементарная геометрия" ("Кутскон геометрия", Москва, 1926), И.И. Никитинского "Природоведение" ("Асьме котырысь инкуазь", Москва, 1925), А.В. Ланкова "Арифметика" ("Арифметика", Москва, 1925).

В ранний романтический период творчества Герд призывал своих читателей-удмуртов в голубые дали будущего: жизнь в прошлом казалась ему то сурово величественной, то просто темной ямой, в которой удмурты влачили жалкое существование, а жизнь в будущем – то сплошным счастьем, то чем-то грозным и тревожным. Современность казалась переходной и скоропреходящей. По отношению к полыхающей гражданской войне Герд занимал скорее пацифистскую позицию, нежели революционно-классовую. Он не мог быть столь категорично партийным, как, например, его современник, основатель газеты "Егит дурись" ("Молодой кузнец"), Даниил Майоров, который открыто заявил: "Я большевиков друзьями своими считаю, и вас, крестьян, им помочь призываю". Герд был уважителен и к большевику М. Прокопьеву, и к "буржуазному националисту" К. Яковлеву: ему не было понятно, почему в народе, в классовом отношении почти что однородном, должна разгораться классовая борьба?

Революция виделась Герду многоликой, но он сравнил ее также со светловолосой девушкой в красной косынке: он считал, что национальные формы жизни можно строить на коммунистических идеях. И все новое Герд оценивал с точки зрения того, как осуществляются национальные чаяния удмуртов. Его общедемократическая национальная позиция не давала покоя литературным оппонентам и многим партийным функционерам, которые все оценивали с классовой точки зрения. Уже в 1920 году против него был сделан резкий выпад одним из его недоброжелателей, и примечательно, реплика была подписана псевдонимом " Коммунист" (1, с. 62-63). Уже тогда ему намекали, что он чужой, что он не коммунист, что в его оценках исторических событий нет классовой выдержанности. В этом была своя правда. Герд не мог умещаться в прокрустово ложе реально складывающейся советско-партийной системы. Он не был принят в 1925 году в партию большевиков. В 1930-м он был допущен в лучшем случае к работе в совпартшколе, как на первую ступень той лесенки, по которой считалось можно подняться к коммунистическому мировоззрению. Он организовал первый в Удмуртии Союз писателей и вскоре будет отстранен от его руководства, а затем и исключен из самого союза. Он стоял у истоков газеты "Гудыри", и придет время – там его не будут печатать. Это кажется странным, что поэта, клявшегося в верности новой жизни, воспевавшего революцию и Ленина и еще успевшего в свой стих вставить имя Сталина, постоянно оттирали в сторону.

В начале творческого пути поэт имел несколько псевдонимов (Адями, Сюмори, Андан). Псевдоним Герд он избрал в 1920 году, когда бурно обсуждались вопросы самоопределения наций, и поэту было уже ясно, что права удмуртов будут сильно урезаны и им всего-навсего будут даны права автономной области. "Герд" означает узел, единство, и несомненно, Герд хотел вокруг себя объединить всех удмуртов и при общей поддержке ре-

шать задачи национальных и социальных преобразований. Он, несмотря на свой, по его собственному признанию, замкнутый характер, очень хотел быть на арене общественной жизни. "Я попробовал, - пишет Герд, - вступив в комсомол в 1920 году, проверить себя – смогу ли поставить на первое место общественные интересы, и убедился, что это для меня почти невозможно" (2, с. 13), "Общественные интересы" – это сказано очень условно и приблизительно. В "общественности" Герда, который успевал и ставить спектакли, и писать в газету, и создавать различные общества, не усомнился бы никто и из его, и из наших современников. Речь, вероятно, идет о другом – ведь комсомол строился не просто на общественных, а на классовых интересах, и последние как раз были камнем преткновения для поэта, который национальные интересы считал приоритетными. Герд проверял себя в комсомоле, сможет ли он классовые интересы поставить на первое место? Судя по книге бывшего подполковника КГБ Н.С. Кузнецова, сам поэт свидетельствует, если сколько-нибудь верить его показаниям на следствии по делу "Софин" (ибо мы не знаем, как и на каких этапах допроса они добывались), что именно с середины 1920-го года начинаются его несогласия с политикой партии. "В июле 1920 года на конференции коммунистов-удмуртов я испытал первое серьезное разочарование в своей надежде – революции, призванной возродить удмуртов" (2, с. 21),- признается Герд. Он был потрясен тем, что на конференции коммунистов-удмуртов 27 голосами против 25 было провалено предложение создать автономную республику. Вопрос для Герда заключался, вероятно, еще и в том, почему только коммунисты должны были решать за весь народ. "Под впечатлением этого разочарования, - продолжает Герд, - я написал ряд упаднических вещей, бросил работу в Комиссариате, уехал учителем в глухую деревню и вышел из ВЛКСМ" (2, с. 21). Декрет об образовании Удмуртской (Вотской) автономной области Герд встретил вопросом: "А почему не республика?!" Примечателен этот риторический вопрос-восклицание. Герд пишет гимн Республики, а тут - область. Тогда еще не было лозунга о том, что пусть каждый получит столько автономии, сколько он сможет проглотить, и тема о национально-государственном устройстве становилась все более и более запретной, не подлежащей обсуждению, и даже сами разговоры о ней, более того, даже мысли о ней могли быть сочтены как покушение на целостность Союза.

Вскоре Герд из родной деревни, куда он, разочарованный в своих надеждах, поехал работать учителем, почти насильно будет мобилизован в Ижевск, где чрезвычайно нужны были национальные кадры. Потом он поедет учиться в Москву. Но медленные темпы решения национального вопроса его постоянно будут беспокоить. " Быть может, я вообще недопонимаю действительных стремлений в национальной политике Советской власти и партии?" (2, с. 22) – с такими раздумьями, вспоминает Герд, в 1925

году он подал заявление о вступлении в партию ("чтобы понять их идеи, переварить себя"), но ячейка облоно в партию Герда не приняла. Тогда поэт решил открыто высказаться на съезде учителей 1926 года, и он это сделал. Но его выступление было воспринято как антисоветское и антипартийное. Впоследствии каждое лыко будет вставлено в строку: на основе всего того, что сказал Герд о своей неудовлетворенности положением дел в национальном вопросе, на основе его неосторожных обмолвок и слов, брошенных в пылу и раздражении, - на всем этом путем подтасовок, преувеличений, предположений будет сконструировано дело "Софин" (3).

Некоторые исследователи пишут сегодня о замешанной на коммунистической символике утопичности мировоззрения Герда (4, с. 40-42). В таком случае, можно говорить и о том, что национальные идеи Герда были преждевременными, трудноосуществимыми. Но говорить так - значит еще ничего не говорить о поэте. Герд велик как художник, как выразитель психологии, умонастроений и чаяний масс. Он выразил не только утопические иллюзии, которых может быть было не больше, чем в последующие времена, когда ожидали наступления коммунизма в конце XX века. Герд выразил и созидательный энтузиазм народа, и страшную инертность его отсталых слоев, и сомнения, которые испытывали удмурты, участвуя в революционных преобразованиях, и мир личных переживаний и круг раздумий удмурта. Творчество и мировоззрение Герда многогранны. С большим трудом возвращается и медленно осмысливается его наследие. Но вот недавно в Москве вышел учебник для школ "Литература народов России", и там в ряду классиков Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, Константина Иванова и других занял свое место Кузебай Герд. В Москве на старом Арбате мы еще смогли встретиться со знакомой Герда В.Н. Недзвецкой, сохранившей восковые валики, на которые поэт записал удмуртские народные песни во время фольклорной экспедиции. Удивительно и символично то, что на этих валиках, восстановленных в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге, исследователи узнали густой баритон Герда, которым он пел народную песню.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шкляев А.Т.* На подступах к реализму. Удмуртская литература, литературное движение и критика в 1917-34 гг. Ижевск: Удмуртия.

2. *Кузнецов Н.С.* Из мрака... Ижевск. Изд. Удм. ун-та. 1994.

3. *Куликов К.И.* Дело Софин. Ижевск: Удмуртия. 1998.

4. *Васильев С.В., Шибанов В.Л.* Под тенью Зэрпала. Дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов. Ижевск: изд. Удм. ун-та. 1997.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Кузьма Куликов
Ижевск

САНДОРМОХ – ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ ПОЭТА

Лидице, Саластилс, Бабий Яр, Хатынь, Катынский лес... В список зловещих мест массового истребления людей теперь нужно будет внести Сандормох.

27 октября 1997 г. здесь собралось с разных концов света, в основном из европейских стран, более 1000 человек на торжественно-траурный митинг, посвященный открытию мемориала. Местные органы власти провели обширную подготовительную работу. Поставлена деревянная часовня, на местах захоронения жертв репрессий стоят кресты, памятные знаки – каменная глыба с надписью: "Здесь с 27 октября по 4 ноября 1937 г. были расстреляны 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы".

Делегация из Удмуртии поставила у мест захоронения свечи, цветы и положила памятную траурную ленту с надписью: "Сыновьям удмуртского народа Ивану Ивановичу Бурдюкову, Кузьме Павловичу Чайникову, Константину Сергеевичу Яковлеву – вечная память. Правительство Удмуртской республики." Лента была изготовлена в срочном порядке на Новодевичьем кладбище во время поездки. Тогда мы еще не знали, что здесь расстрелян и захоронен еще один ижевец Косолапов Дмитрий Иванович, 1883 года рождения, завуч Педагогического техникума г. Лысково Горьковского края. Он был приговорен к 10 годам тюремного заключения 19 ноября 1936 г. по статье 58 п.8 (-17) Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Соловецкий этап включал в себя представителей 54 национальностей: украинцы, осужденные в основном по "Делу украинских националистов", татары – по "Делу Султан-Галиева", удмурты – по "Делу СОФИН" и др.

С этим соловецким этапом ушел и погиб основоположник удмуртской литературы Кузебай Герд (К.П. Чайников).

С чего началось массовое убиение узников Соловков? 30 июля 1937 г. на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал оперативный приказ №

00447 "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов". В приказе подробно расписывались все детали операции, утверждался персональный состав республиканских, краевых и областных несудебных органов-троек, призванных вершить расправу над арестованными, порядок ведения следствия и приведения приговоров в исполнение. Документ определял "контингенты, подлежащие репрессированию", для каждой республики, области, края указывались контрольные цифры по количеству арестов. Все репрессированные заранее разбивались на две категории: первая – это наиболее враждебные элементы, подлежащие "немедленному аресту и, по рассмотрению дел на тройке, – расстрелу"; вторая – заключению в лагеря или тюрьмы сроком от 8 до 10 лет. Всего по приказу № 00447 в стране должны были быть репрессированы около 270 тысяч человек, из которых почти 76 тысяч – расстреляны. Операцию предписывалось начать 5 августа 1937 г. и завершить в 4-х месячный срок. Для ее проведения НКВД из резервного фонда Совнаркома выделялось 75 млн. рублей.

В первой половине августа 1937 г. Н.И. Ежов начальнику УНКВД Ленинградской области комиссару госбезопасности 1 ранга Заковскому Леониду Михайловичу направил следующую директиву.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз. № 1

Нач. УНКВД Ленинградской области
Комиссару госуд. Безопасности
1 ранга т. Заковскому
г. Ленинград

В соответствии с моим приказом № 00447 (разослан начальникам УНКВД) - ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 25 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов, содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, грузмеков, дашнаков, иттихатистов, муссаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек.

4. Установить следующий порядок рассмотрения для репрессируемых:

Начальники тюрем ГУГБ, на основании материалов оперативного уче-

та и личных дел составляют на каждого подлежащего репрессированию подробную справку с указанием в ней: фамилии, имени, отчества, за какие преступления, на какой срок и кем осужден. Преступная деятельность (подлежащего репрессированию) в тюрьме, в том числе побеги, к.-р. выпады и злостные нарушения режима.

Справки подписываются пом. нач. тюрьмы по опер. работе (при отсутствии оперуполномоченным) и начальником тюрьмы ГУГБ.

Справки на каждого подлежащего репрессированию заключенного вместе с имеющимся на него в оперчасти тюрьмы делом, направляются тюрьмой ГУГБ на рассмотрение соответствующей республиканской, краевой или областной Тройки. Копии справок направляются в 10-й отдел ГУГБ.

14 октября 1937 г. Заковский провел заседание Особой Тройки УНКВД Ленинградской области. Он был председателем, Владимир Николаевич Гарин и Борис Павлович Позерн – членами Тройки, Михаил Акиндинович Егоров – секретарем. По протоколам №№ 81–85 было приговорено к расстрелу 1116 человек.

Далее Заковский одному из специалистов по расстрелам капитану Матвееву М.Р. выдал предписание:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
зам. Нач. АХУ УНКВДЛО,
капитану госуд. безопасности
т. Матвееву

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагается осужденных Особой Тройкой УНКВД ЛО согласно прилагаемых к сему копий протоколов Тройки за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 от 9, 10 и 14 Октября с. г. – ВСЕГО в количестве 1116 человек, содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ НКВД СССР - РАССТРЕЛЯТЬ

Для этой цели Вам надлежит немедленно выехать в г. Кемь и связавшись с Начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ – Ст. Майором Госбезопасности т. Апетер, которому одновременно с этим даются указания о выдаче осужденных, - привести приговора в исполнение согласно данных Вам лично указаний.

Исполнение донесите - представив по возвращению акты.

Примечание: Осужденных необходимо тщательно проверить, установочные данные на каждого, использовав и фотокарточки, имеющиеся в личных делах.

Нач. Упр. НКВД ЛО
Комиссар госбезопасности 1 ранга /ЗАКОВСКИЙ/
Нач. III отдела УГБ
Старший лейтенант госбезопасности /ЕГОРОВ/

Осужденные из Соловецкого заключения были по морю переброшены в Кемь. Оттуда железной дорогой перевезли в Медвежьегорск и поместили в СИЗО Белбалтлага.

Работа предстояла немалая: главное, скрытно выкопать могилы и заровнять их. Большая проблема была и с перевозкой обреченных узников. В Ленинграде Матвееву вместо денег выдали автомобильные колеса. За работу и бензин он расплачивался этими колесами.

27 октября расстрел 208 заключенных, в числе которых был студент Азербайджанского нефтяного института уроженец д. Ляли Алнашского района Удмуртии Иван Бурдюков, прошел без особых эксцессов. Но узники догадались, что их ожидает, и попытались бежать, напав на конвой во время перевозки. Попытка окончилась неудачей. Это выбило из колеи Матвеева. Он знал, что побег хотя бы одного из узников ему будет стоить головы, и от стресса пил в течение 4-х суток, зверствовал среди своих помощников, требуя от них принятия всех мер предосторожности. Заключенные все были раздеты до нижнего белья. Помещение следственного изолятора было сколочено из досок, а на дворе уже властвовала зима. Далее продрогших, почти невменяемых узников возили со связанными руками.

1 ноября Матвеев снова принялся расстреливать. Грузовая автомашина делала по 7-8 ходок, увозя по 30 человек узников одновременно. Матвеев лично расстреливал по 200-250 человек в день из пистолета в затылок. 1 ноября были расстреляны Кузебай Герд и Константин Яковлев. Наверняка в эти последние минуты они были рядом. 4 ноября был расстрелян еще один наш земляк ижевец Дмитрий Косолапов. Никому не удалось спастись. О выполнении задания Матвеев отчитался специальным рапортом 10 ноября 1937 года.

В нем значится, что приговор особой тройки УНКВДЛО по протоколу № 85 "приведен в исполнение": Мы прилагаем копию этого протокола. Герд в нем значится под номером 192.

ПРОТОКОЛ № 85
заседания ОСОБОЙ ТРОЙКИ УНКВД
Ленинградской области
от 14 октября 1937 года

Председатель	ЗАКОВСКИЙ
Члены	ГАРИН
	ПОЗЕРН
Секретарь	ЕГОРОВ

Дата исполнения приговора - 01.11.37

СЛУШАЛИ: Дело №105014/37 Оперативной части Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР на 61 человек, осужденных на разные сроки за к.-р. троцкистскую террористическую деятельность, которые оставаясь на своих

старых к.-р. позициях, ведут к.-р. агитацию и по освобождении намерены продолжать свою к.-р. работу.

ПО ДЕЛУ ОБВИНЯЮТСЯ:

<...>

192. ГЕРД – ЧАЙНИКОВ Кузьма Павлович, 1898 г.р. гр. СССР, ур. д. Б. Доквя (*так в документе - К. К.*) Горьковского края, обр. высшее, преподаватель, вотяк, служащий, в партии не состоял.

Осужден КОГПУ 04.11.33. к ВМН, с заменой 10 лет в ИТЛ.

<...>

Таким образом, у нас не остается никаких сомнений в том, что К. Герд и его соратники были расстреляны именно здесь. И рассказы одного из бывших охранников госбезопасности о том, что он встречался с Гердом в 1942 году во внутренней тюрьме КГБ Удмуртской республики, являются легендой.

За успешное выполнение спецзадания Заковский наградил Матвеева ценным подарком. Но в 1938 году его репрессировали, обвинив его "в превышении власти при приведении расстрелов под Медвежьегорском".

Из материалов следственного дела № 11602.

Подсудимый МАТВЕЕВ по существу дела суду показал:

Вопрос: Вы принимали участие в операциях по приведению приговоров в исполнение над осужденными к ВМН?

Ответ: Да, в таких операциях я участие принимал неоднократно, начиная с 1918 г. с перерывом с 1923 по 1927 гг.

Вопрос: Были-ли вы командированы в период 1937 г. на операцию по приведению приговоров в исполнение в НКВД КАССР?

Ответ: В 1937 г. примерно в октябре или ноябре м-це, от б. Замнач. Управления НКВД по ЛО ГАРИНА получил распоряжение выехать на ст. М. Гора в Беломорский Балтийский Комбинат /ББК/ во главе бригады по приведению приговоров в исполнение над осужденными к Высшей Мере Наказания, что мною и было выполнено в течение примерно 20 – 22-х дней.

<...>

Вопрос: Кто непосредственно приводил приговора в исполнение и в чем заключалась обязанность остальных членов Вашей бригады?

Ответ: Непосредственно приводили в исполнение приговора я, Матвеев Михаил Родионович, и Алафер, пом. коменданта, а остальные члены бригады имели следующие обязанности: Гинцов, Лариошин, Васильев, Деревянко, Кузнецов и Твердохлеб выполняли обязанности конвоиров арестованных, над которыми приговоры приводились в исполнение, шофер Воскресенский работал на грузовой машине по доставке арестованных, шофер Федотов работал на легковой машине, а Ершов занимался хозяйственными вопросами и частично помогал мне принимать по списку арестованных.

<...>

О некоторых обстоятельствах, относящихся к расстрелу Кузебая Герда и других, которые разделили в ноябре 1937 г. его участь, мы узнаем из показаний Миронова: "С 10.11.1937 года по январь месяц 1938 г. по приказанию начальника 5-го отделения 3-го отдела ББК НКВД – Бондаренко, я был привлечен в качестве рабочей силы в опербригаду, возглавляемую Бондаренко и зам. начальника 3-го отдела ББК – Шондыш по приведению в исполнение приговоров над осужденными к ВМН. Обстановка, в которой я и другие лица работали во время операции, не соответствовала своему назначению, т. к. изолятор, где подготовляли осужденных к отправке на место приведения в исполнение приговоров, был деревянным, в результате чего малейший крик осужденных мог отразиться на лицах сидящих в изоляторе осужденных к ВМН. Дорога, по которой возили осужденных к месту приведения исполнения приговоров, протяжением в 16 километров, была очень оживленной, т.к. по ней ходили люди, автобусы и автомашины…

В первые дни операции при ленинградской бригаде обнаруживали, что осужденные в одежде хранили ножи и были случаи, когда осужденные во время операции с ножами набрасывались на участников бригады и одного сотрудника из ленинградской бригады ранили в голову. Поэтому в дальнейшем во избежание подобных явлений и сохранения своих людей, стали осужденных раздевать до нижнего белья еще в изоляторе и в таком виде отправляли их к месту назначения".

Расстрел соловецких узников – это лишь часть зловещей истории Сандормоха. Фактически здесь расстреляно узников намного больше. Исследователями обнаружено более 150 ям 4х4 метра, полностью заполненных трупами расстрелянных. В ходе "большого террора" здесь были расстреляны заключенные Беломоро-Балтийского лагеря и жители южных районов Карелии. По предварительным документальным оценкам общее количество расстрелянных может достигать 5-6 тыс. человек.

Финно-угроведение". 1998. № 3-4.

ПЕРСОНАЛИИ

Геннадий Тираспольский
Сыктывкар

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И.А. КУРАТОВА
(к 160-летию со дня рождения коми поэта и просветителя)

Судьба научного наследия Ивана Алексеевича Куратова (1839-1875) необычна. Большинство его лингвистических сочинений долгое время находились в безвестности и были опубликованы лишь полвека спустя после смерти автора в юбилейном собрании сочинений 1939 г. (1-2), которое по своему жанру и по условиям времени не могло не стать объектом казенного восхваления. Затем установилось длительное молчание, так как твердой почвы для научного осмысления куратовских трудов создано не было, а языковедов в послевоенные годы по указанию свыше мобилизовали на борьбу с научным наследием и сторонниками академика Н.Я. Марра, один из которых, А.С. Сидоров, открыл для отечественного читателя работы И.А. Куратова и подготовил к изданию его труды. В 1980 г., т.е. столетие спустя после смерти И.А. Куратова, появилась монография (3), в которой впервые была предпринята попытка осмыслить лингвистические работы Куратова на научной, в первую очередь на общелингвистической основе. Однако и на сей раз плодотворной дискуссии о значении работ Куратова для современной финно-угристики не получилось. Вместо нее состоялся торопливый обмен мнениями на уровне поверхностных докладов и полемических писем в редакцию литературно-публицистического журнала (4; 5).

В пермистике наших дней существуют два прямо противоположных мнения о лингвистических трудах И.А. Куратова. Согласно одному из них, И.А. Куратов был даровитым лингвистом-самоучкой, в сочинениях которого поставлены и решались серьезные вопросы языкознания. В соответствии с другим мнением, эти труды дилетантские и научной ценности не имеют.

Те, кто отрицают научную значимость исследований И.А. Куратова, в качестве решающих выдвигают два довода: во-первых, И.А. Куратов не

получил профессионального лингвистического образования и, во-вторых, его языковедческие работы либо эскизны, либо не завершены.

В наши дни, когда научное знание характеризуется постоянно возрастающей специализацией, заниматься исследовательской работой без основательной профессиональной подготовки немыслимо. В первой половине XIX в., когда финно-угроведение только становилось на ноги, положение было иным: специалистов в этой отрасли можно было пересчитать по пальцам, и те, кто желал посвятить себя финно-угорским исследованиям, изначально не располагали возможностью получить профессиональную в современном понимании выучку, избрав для этого соответствующий вуз или факультет. Уместно в этой связи напомнить, что Финно-угорское общество (Suomalais-ugrilainen Seura) было основано только в 1883 г., а первый специализированный журнал «Финно-угорские исследования» («Finnisch-ugrische Forschungen») - и того позже, в 1901 г. Не удивительно, что подавляющее большинство первопроходцев в названной области - это энтузиасты-самоучки: И. Табберт-Страленберг - офицер, Ш. Дьярмати - врач; А.М. Шегрен - философ, Ф.И. Видеман - учитель гимназии; П.И. Савваитов - священнослужитель, А. Регули - юрист и т.д. Даже в позднейшее время кадры финно-угроведов порой пополнялись теми, кто первоначально не получил финно-угорской подготовки. Можно назвать в этой связи имя Б. Коллиндера, индоевропеиста по образованию, а также Д.В. Бубриха, дебютировавшего на поприще славистики. Примечательно, что и такой видный финно-угровед нового времени, как Б.А. Серебренников, свою научную деятельность начинал в качестве исследователя индоевропейских языков.

Не составлял исключения из этого и И.А. Куратов. Вот почему антиисторично упрекать его в том, что у него не было диплома об окончании финно-угорского факультета.

То обстоятельство, что в течение почти всей жизни И.А. Куратов был вынужденно оторван от центров науки и просвещения, конечно, не могло не сказаться на уровне его научных исследований. Вместе с тем такая оторванность побуждала коми просветителя самостоятельно расширять познания в области иностранных языков и теоретической лингвистики. В свои неполные сорок лет И.А. Куратов уверенно распоряжался материалом 53 языков из 16 языковых семей и групп. Обширна и лингвистическая начитанность коми просветителя, свободно ориентировавшегося в крупных лингвистических публикациях своего времени, в том числе и зарубежных. Следует учитывать при этом, что языковедческие исследования И.А. Куратов сочетал с неустанным литературным творчеством и нелегкой службой сначала по учительскому, а затем по военно-судебному ведомству.

Довод, согласно которому эскизность и незавершенность лингвистических трудов И.А. Куратова служат свидетельством их незначительности, также неоснователен. Прежде всего, из двадцати четырех дошедших до нас

лингвистических работ Куратова десять являются вполне завершенными как в композиционном, так и в теоретическом отношениях: - "Зырянский язык", "Рецензия на "Зырянскую грамматику" Флерова", "Местоимения", "Об аффиксах", "Рецензия на "Грамматику зырянского языка" П.И. Савваитова", "О зырянских книгах", "Этимология названий зыряне, коми и т.д.", "Формула А. Шлейхера", "Макс Мюллер разделяет все языки...", "В тюркских языках...". Что же касается работ И.А. Куратова, которые по тем или иным причинам остались незавершенными или дошли до нас в поврежденном либо неисправном виде, то и в этом случае при внимательном и квалифицированном прочтении можно извлечь из них достаточно ясное представление о лингвистических взглядах автора.

Вопреки мнению скептиков, эти взгляды представляют собой не отрывочные и разрозненные суждения, а целостную концепцию, которая в своих главных чертах была изложена в самой ранней завершенной и опубликованной в 1865-66 гг. работе Куратова "Зырянский язык" и впоследствии подвергалась автором лишь незначительной доработке.

Суть этой концепции, ориентированной в первую очередь на коми язык, сводится к следующему:

1. Самым важным в исследовании коми языка является описательный подход, так как именно он создает почву для углубленного изучения коми языка титульным населением Коми края и для развития просвещения. Сравнительно-историческое изучение коми языка, при всей его несомненной ценности, излишне академично и оторвано, по мнению И.А. Куратова, от насущных нужд народных масс.

2. Главным в описательном исследовании коми языка является установление его структурных, в первую очередь морфолого-типологических особенностей. Именно этим коми язык более всего отличается от индоевропейских языков, категории которых те или иные исследователи пытаются ему приписать.

3. В морфолого-типологическом отношении коми язык может быть охарактеризован как преимущественно изолирующий и тем самым близкий к китайскому.

4. Для объяснения причин языковых изменений предложена социоэкологическая концепция, согласно которой язык изменяется в первую очередь потому, что на его носителей влияет природная среда. Такое воздействие обусловливает исторические особенности жизни говорящих, а эти особенности формируют психические свойства людей, прямо связанные с языковыми процессами.

5. Историческое (и сравнительно-историческое) исследование языка полезно в теоретическом отношении, так как позволяет установить общность происхождения ряда языковых семей. В поисках древнейших родственных связей языковых семей Северной Евразии (в XX в. это предпола-

гаемое родство рассматривается, как известно, в рамках ностратической гипотезы) И.А. Куратов сопоставляет личные местоимения различных языков, лично-возвратные местоимения, термины родства, числительные и некоторые глаголы, выявляет их звуковое и смысловое подобие, структурную и словообразовательную общность. Тем самым Куратов первым в науке обосновал гипотезу родства языковых семей Северной Евразии.

Интересны и плодотворны наблюдения И.А. Куратова над отдельными свойствами коми языка. Так, рассматривая классификацию коми частей речи, он настаивал на ее открытом, незамкнутом характере, стремился обнаружить в кругу коми частей речи те явления, которые обусловлены типологическим своеобразием коми языка. В наши дни это направление разрабатывается, в частности, в исследованиях о стативах (категории состояния) в коми языке (6) и категориально недифференцированных словах (7).

Первым в финно-угроведении И.А. Куратов предпринял попытку составления толкового коми словаря с этимологическими комментариями, наметив тем самым важную программу лексикографических исследований. Эта программа в наши дни выполнена в этимологической части (8-10); что же касается толкового словаря коми языка, то работа над ним - дело будущего. Важным заделом для такого справочника является цикл исследований, выполненных А.Н. Ракиным (11, s. 295; 12, с. 152-153; 13, с. 61-65).

Пионерский характер носят наблюдения И.А. Куратова над синтаксическими свойствами коми языка. Рассматривая их, И.А. Куратов подчеркивал: "В предложениях зырянских весьма важно словорасположение" (2, с. 47). Эта плодотворная мысль впоследствии стала отправным пунктом для цикла синтаксических исследований А.С. Сидорова (см., напр., 22-23), отличительная черта которых - настойчивый поиск нетрадиционных решений в этой области, не привлекшей должного внимания пермистов наших дней.

Обостренный интерес И.А. Куратова к структурным свойствам коми языка не стал еще стимулом для широких типологических студий. Причин этого несколько, и главная из них - косность нашего мышления, привычного либо к фактографии, либо к сравнительно-историческому подходу. Между тем даже предварительные опыты по выявлению типологических свойств коми языка (14-17) свидетельствуют как о лингвистической проницательности И.А. Куратова, так и о перспективности намеченной им программы типологических исследований. При этом не имеет решающего значения то, что И.А. Куратов относил коми язык к преимущественно изолирующим: такое суждение было полемическим преувеличением в споре И.А. Куратова с теми, кто при исследовании коми языка слепо копировал индоевропейские грамматические понятия. Кроме того, в коми языке изолирующие тенденции и единицы изолирующего типа, пусть и не в таком объеме, как утверждал И.А. Куратов, но все же существуют и подлежат исследованию.

И.А. Куратов был первопроходцем и в такой важной области, как интерференция русского и коми языков. Нет нужды цитировать его тонкие и верные суждения об этом; подчеркнем лишь, что в наши дни работ на указанную тему несоразмерно мало и почти все они ограничены наблюдениями над лексикой, в то время как интерференция русского и коми языков на фонологическом, грамматическом и словообразовательном уровнях остается, за редкими исключениями, вне поля зрения исследователей.

Ностратическая гипотеза, контуры которой первым очертил И.А. Куратов, выходит далеко за рамки финно-угроведения, однако было бы несправедливым по отношению к нему обойти эту гипотезу молчанием. Как представляется автору этих строк, ностратистика, при всех ее уязвимых сторонах, - перспективная область исследований. Главным условием ее развития является, по-видимому, совершенствование методики реконструкции ностратических единиц. Существующие реконструкции ностратического языка выполнены преимущественно на материале лексики, что вызывает справедливые нарекания (18, с.26). Попытки же обнаружить в сопоставляемых языковых семьях общность грамматических явлений, что послужило бы бесспорным доказательством их генетических связей, успехом не увенчались (18, с.25). В этих условиях перспективной могла бы стать типологическая реконструкция ностратических единиц, опирающаяся на разработанную Б.А. Серебренниковым концепцию вероятностных обоснований в компаративистике (19) и освещающая преобразование ностратической структуры (по-видимому, преимущественно изолирующей) в позднейшие агглютинирующие и флективные структуры соответствующих языковых семей.

Тяготение И.А. Куратова к синхроническим исследованиям порой расценивается как признак его неподготовленности к сравнительно-историческим исследованиям, занявшим в языкознании второй половины XIX в. лидирующее положение и ознаменованным крупными достижениями. Однако в такой позиции И.А. Куратова можно усмотреть и стремление вникнуть в те свойства языка, которые в первой четверти XX столетия стали главным объектом исследования в трудах Ф. де Соссюра, а затем и структуралистов. Как полагал Ф. де Соссюр, "синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он - подлинная и единственная реальность" (20, с. 123). Благодаря усиленному вниманию И.А. Куратова к синхроническим свойствам языка им были разработаны или намечены те понятия, которые впоследствии структуралисты независимо от него обозначили как "изоморфизм" и "правила порождения" языковых единиц (3, с.47).

Социоэкологическое объяснение И.А. Куратовым причин языковых изменений нас, разумеется, удовлетворить не может: энергия саморазвития языка обеспечивается в первую очередь преодолением (и порождением) его

внутренних противоречий, тогда как внешние факторы либо создают условия для языковой эволюции, либо замедляют или ускоряют внутренние процессы в языке. Однако стремление И.А. Куратова усмотреть в истории языка п с и х о б и о л о г и ч е с к и й компонент носителей речи вполне созвучно антропоцентрической концепции языка, выдвинутой в последние десятилетия (21) и имеющей, на наш взгляд, большое будущее.

Итак, давая оценку куратовскому научному наследию, в равной мере неправильно и завышать, и занижать ее. Часть лингвистических наблюдений и положений И.А. Куратова, бесспорно, ошибочна или устарела, другая же их часть верна и сохраняет научную актуальность. Знакомство языковедов с этой позитивной частью куратовских трудов способно стимулировать лингвистическое творчество и тем самым принести пользу науке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Куратов И.А.* Художественной произведениеяс. Сыктывкар, 1939.

2. *Куратов И.А.* Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939.

3. *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980.

4. *Туркин А.И.* И.А. Куратов и финно-угроведение XIX века // Куратовские чтения. Т. 6. Сыктывкар, 1990.

5. *Тираспольский Г.И.* Был ли Куратов языковедом? // Север, 1993. № 8.

6. *Лудыкова В.М.* Безлично-предикативные слова в коми языке // Грамматика и лексикография коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 46. Сыктывкар, 1989.

7. *Федюнёва Г.В.* Категориальная недифференцированность: проблема грамматического и лексикографического описания // Грамматика и лексикография коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 46. Сыктывкар, 1989.

8. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

9. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Дополнения к "Краткому этимологическому словарю коми языка" // Коми филология. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 18. Сыктывкар, 1975.

10. Школьный этимологический словарь коми языка. Составители: *Айбабина Е.А., Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Ляшев В.А.* Сыктывкар, 1996.

11. *Cypanov Jevgenij, Tiraspolskij Gennadij.* Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft in der Republik Komi in den Jahren 1986-1994 – ein Überblick // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1996. № 7.

12. *Ракин А.Н.* Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар, 1996.

13. *Ракин А.Н.* Антропотоминимическая лексика в пермских языках // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1997.

14. *Тираспольский Г.И.* Историко-типологические наблюдения над коми-зырянским склонением // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). Ижевск, 1981.

15. *Тираспольский Г.И.* Взаимодействие лексического и грамматического уровней при усвоении коми языком русских лексем // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, № 31. Сыктывкар, 1984.

16. *Тираспольский Г.И.* Флективоподобные коми-зырянские аффиксы в условиях коми-русского двуязычия // Проблемы русско-финноугорского двуязычия. Йошкар-Ола, 1982.

17. *Тираспольский Г.И.* Русские, немецкие и коми послелоги в сопоставительном освещении // Пермистика-3. Сыктывкар, 1992.

18. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

19. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

20. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

21. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.

22. *Сидоров А.С.* Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

23. *Сидоров А.С.* Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Владимир Рыбалка
Йошкар-Ола

ЯНОШУ ПУСТАИ - 50 ЛЕТ

Венгерский ученый-языковед Янош Пустаи родился 22 июля 1948 года на западе Венгрии в г. Сомбатхее. Здесь же он получил среднее образование.

С 1966 по 1972 год Янош Пустаи обучался в Будапештском университете имени Лоранда Этвеша на кафедре венгеро-русско-финно-угорских языков. Во время учебы в университете выезжал на десятимесячные стажировки в Советский Союз (Владимир) и в Финляндию (Хельсинки).

С 1972 по 1991 год Янош Пустаи работает преподавателем кафедры финно-угорских языков в Будапештском университете. За этот период он неоднократно выезжал преподавать венгерский язык, на стажировку в Советский Союз (Йошкар-Ола, Тарту, Томск), в Финляндию (Хельсинки, Ювяскюля) и в ФРГ (Гёттинген, Гамбург). Тогда же он занимался исследованием самодийских языков. В круг его интересов входили также и палеосибирские языки. В 1986 году по этой тематике он защитил кандидатскую диссертацию.

С 1975 по 1978 год Янош Пустаи работает венгерским лектором на кафедре финно-угорских языков в Гёттингене (ФРГ).

В 1988 году Янош Пустаи организует уралистический семинар в университете им. Януса Паннониуса (г. Печ), который ведет до 1991 года. С 1991 по 1996 год Янош Пустаи работает ректором педагогического института им. Даниэля Бержени в г. Сомбатхее, где в 1992 году создает кафедру финно-угорских языков. С 1996 года по настоящее время - заведующий кафедрой финно-угорских языков.

Янош Пустаи - талантливый ученый, неутомимый труженик, автор более 150 научных работ по языкознанию, образованию, истории финно-угорских языков. Организовывал и принимал участие в международных финно-угорских конференциях, являлся редактором многочисленных сборников, книг.

Впервые Янош Пустаи посетил Марийскую АССР в 1976 году, где в течение трех недель стажировался при Марийском государственном университете. За это время он проделал большую работу по сбору материалов по марийскому языку и фольклору, ездил в деревни, встречался со старожилами, записывал на магнитную ленту песни, сказки, легенды. Тогда же он начал активно изучать марийский язык.

Янош Пустаи известен нам не только как языковед, но и как исследователь марийской литературы. В многочисленных статьях, опубликованных в журнале "Életünk" ("Наша жизнь") он дает достаточно подробную картину развития марийской литературы, начиная с 1905 года до середины 70-х годов, освещает ее общее состояние. Говоря об истоках марийской литературы, Янош Пустаи отмечает большую роль в ее становлении произведений С.Г. Чавайна. В поле зрения венгерского ученого - имена таких марийских авторов, как Яныш Ялкайн, Яков Шкетан, Олык Ипай, Йыван Кырля, Миклай Казаков, Геннадий Матюковский, Валентин Колумб.

Анализируя творчество современных марийских писателей, Янош Пустаи в первую очередь называет имена Сергея Николаева, Миклая Казакова, Валентина Колумба, Ивана Осмина, Семена Вишневского, Александра Юзыкайна, Кима Васина.

В своих статьях он также подробно исследует марийскую драматургию военного периода, однако подчеркивает, что "в марийской литературе самого высокого уровня произведения создавались в тридцатых годах".

Янош Пустаи - ученик и последователь известного ученого-языковеда Габора Берецки, специалиста по марийскому языку.

Янош Пустаи - активный сторонник расширения гуманитарных связей между Марий Эл и Венгрией. Во время приезда в составе правительственной делегации в 1992 году в Йошкар-Олу он встречался с руководством Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, с учеными Марийского ордена "Знак Почета" научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и профессорско-преподавательским составом историко-филологического факультета Марийского государственного университета, посетил Оршанское педагогическое училище. Во время этих встреч Янош Пустаи предложил ряд культурно-информационных обменов, которые были включены в подписанное Соглашение о сотрудничестве между Республикой Марий Эл и областью Ваш Венгрии.

Янош Пустаи является Почетным членом Хельсинкского финно-угорского общества, членом Европейского лингвистического общества и Урало-Атайского общества (ФРГ), Венгерского общества языкознания и Сомбатхейского научного общества.

От всей души поздравляем Яноша Пустаи с юбилеем, желаем ему здоровья и новых научных достижений.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ЯНОША ПУСТАИ

1. Az "ugor-török háború" után. – Gyorsulo idő Magvető,1977, 184.

2. Wörterverzeichnis des Jenissej-Samojedischen (Enzischen). - Fenno-Ugrica 5, Hamburg, 1978, 283. (Michael Katzschmanal).

3. Az uráli-paleoszibériai kapcsolatok kérdéséhez. - MNyTK. 158, Budapest, 1980, 62.

4. Morpho-semantische Untersuchung des ungarischen Verbalpräfixes (Auf dem Hintergrund deutscher Entsprechungen) - MNyTK 167, Budapest, 1983, 393. (Wolfgang Schlachlursal).

5. Die Pur-Mundart des Waldjorakischen. Grammatikalischer Abriss aufgrand der Materialien von T.V. Lehtisalo. Studia Uralo-Anltaien 23, Szeged, 1984, 161.

6. Analóg vonások az uráli és a paleoszibériai nyelvek névszói rendszerében. MNyTK 173, Budapest, 1987.

7. Tudományos külkapcsolataink egy fejezete. (Magyarország és az Alexander von Humboldt Alapitvány) – Oktatáskutató Intézet , Budapest, 1988, 71.

8. Magánvélemény a tanárképzés néhány kérdéséről. - Oktatáskutató Intézet, Budapest, 1988, 117.

9. "Ha Én szólok, Észak beszél..." (Tanulmányok nyelvrokonaink népköltészetéről és hiedelemvilágáról) Pécs, 1988, 269.

10. Nyelvek bölcsőjénél. - Akadémiai Kiadó, Kérdőjel, Budapest, 1990, 166.

11. Suom Unka Kon Tut (Suomalais-unkarilaisia kontrastiivisia tutkimuksia /magyar-finn kontrasztiv tanulmányok/) - Specimina Fennica IV, Szombathely, 1993, 80.

12. Selkupskij razgovornik (Narymskij dialekt). - Specimina Sibirica VII. Szombathely, 1993, 78. (Simon Kuperral)

13. Észt-magyar kisszótár. - Savaria University Press, Lexica Savariensia, Szombalhely, 1993, 324. (Anu Nurkkal)

14. Könyv az észt nyelvről. - Folia Estonica III, Szombathely, 1994, 206.

15. Szellemi alapkőletétel. - Életünk Könyvek, Szombathely, 1994, 104.

16. A szölkupok. - Savaria University Press, Minoritates mundi, Szombathely, 1994, 194.

17. Nyelvrokonság és nemzeti tudat. - Savaria University Press, Dissertationes Savariensis 5, Szombathely, 1995, 57.

18. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische). - Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 43, Harrassowitz, Wiesbaden, 1995, 132.

19. Magyar-észt kisszótár. - Savaria University Press, Lexica Savariensia, Szombathely, 1995, 547. (Tüna Rüüfmaaval).

20. Az észak-eurázsiai nyelvi övezet areális és paleolingvisztikai vizsgálata. - Habilitációs tézisek. Szombathely, 1996, 55.

21. A paleoszibériai nyelvek kutatásának jelentősége az uráli nyelvészei számára. *Nyelvi helyzet, nyelvi tervezés a kis uráli népek körében - Habititationes Savarteses 2, Savaria Universiy Press. Szombathely, 1997, 67.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ПРОФЕССОР МИХАИЛ РОМАНОВИЧ ФЕДОТОВ

(к 80-летию со дня рождения)

Михаил Романович Федотов является крупнейшим ученым не только в чувашском языкознании, но и во всей тюркологии. Его труды известны во всем мире .Интересы его научных поисков очень широки: это и историческая грамматика, историческая лексикология, языковые контакты и ономастика.

Действительный член Национальной академии гуманитарных наук и искусств Чувашской республики, доктор филологических наук профессор М.Р. Федотов родился 20 января 1919 г. в д. Малое Буяново (Пуянкасси) Шемуршинского района Чувашской республики. В 1937 г. он окончил Батыревское педагогическое училище и до призыва в 1939 г. на действительную службу в Красную Армию работал учителем в родном районе. С первых дней Великой Отечественной войны он ее участник. В 1945-1947 гг. работает переводчиком в Германии. В 1948 г. возвращается к мирному труду. До августа 1952 г. он работает учителем немецкого языка в Кокшамарской средней школе Звениговского района Марийской республики. Здесь он овладевает марийским языком, что послужило ему хорошим подспорьем в его дальнейшей научной деятельности. В 1953 г. он оканчивает Горьковский педагогический институт иностранных языков и работает сначала преподавателем немецкого языка в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева, затем - сотрудником Чувашского института усовершенствования учителей. После открытия Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова он становится доцентом университета. В 1969 г. М.Р. Федотов успешно защитил докторскую диссертацию на тему: "Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении" (г. Таллинн) и до выхода на пенсию работал профессором Чувашского государственного университета. В настоящее врмя он ра-

ботает ведущим научным сотрудником Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Знание языков и широкая эрудиция позволили М.Р. Федотову создать прекрасные труды по истории чувашского языка и чувашско-финно-угорским языковым взаимосвязям. В 1965 г. вышла в свет первая часть его монографии "Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми", вторая часть которой увидела свет в 1968 г. под названием "Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками". Во второй части имеется отдельная глава, посвященная марийским лексическим заимствованиям в чувашском языке. Немало статей написано М.Р. Федотовым о тюркско-финно-угорских языковых взаимосвязях: "Марийские заимствования в чувашском языке" (1965), "О генетической соотносимости пермского *эн* и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения" (1965), "Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам" (1967), "Формы принадлежности 1-го и 3-го лица ед. ч. в тюркских и финно-угорских языках" (1970), "Прошедшее неочевидное время в чувашском и марийском языках" (1972), "О марийском этнониме сувас ~ суас" (1974), "Изафет в чувашском и марийском языках" (1975), "О чувашском каритивном аффиксе *–сăр* (*-сĕр*) и его рефлексе в некоторых финно-угорских языках" (1970).

Не оставил без внимания М.Г. Федотов и вопрос о месте чувашского языка в семье алтайских языков. Еще в 1973 г. он издал учебное пособие для студентов "Древнетюркский язык", написал статью "О месте чувашского языка в алтайской семье языков", в 1975 г. вышла его "Сравнительная грамматика тюркских языков", в 1976 г. – учебное пособие "Введение в тюркологию". Все это послужило прекрасной базой для создания трехтомного труда "Чувашский язык в семье алтайских языков" (1980, 1983, 1986). По мнению известного российского тюрколога А.Н. Кононова, труд А.Р. Федотова представляет собой крупное достижение в области чувашского и общетюркского языкознания.

В статье "Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и поволжских булгар, а также финно-угров" (1979) М.Р. Федотов разрешает весьма сложные проблемы взаимосвязей языков.

С точки зрения общетюркской фонетики и морфологии большой интерес представляют статьи юбиляра "Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке" (1984), "Инфинитивы в тюркских языках" (1981), "Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги" (1978).

Ряд интереснейших работ М.Р. Федотова связан с исторической лексикологией чувашского языка и ономастикой: "Арабские и персидские заимствования в чувашском языке" (1963), "О названиях дней у чувашей"

(1962), "Роль чувашских слов в образовании ойконимии Марийской АССР" (1988), "Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии" (1970).

В последние годы М.Р. Федотов много внимания уделяет углубленному изучению чувашско-марийских языковых взаимосвязей, которые до сих пор вызывали и вызывают весьма различные толкования. Результатом его изысканий явилась монография "Чувашско-марийские языковые взаимосвязи" (Саранск, 1990), где он, подробно анализируя данные фонетики, топонимии, эпиграфических памятников, приходит к весьма убедительному выводу о прародине марийцев, высказывает свое отношение к алтайской языковой общности и уточняет состав чувашских заимствований в марийском языке и марийских заимствований в чувашском языке.

Удивительная работоспособность и продуктивность его деятельности подтверждается изданием им только в последние три года двухтомного "Этимологического словаря чувашского языка" (Чебоксары, 1996) и "Словаря чувашских нехристианских личных имен" (Чебоксары, 1998) также этимологического характера. Эти прекрасные труды явятся настольными книгами специалистов по исторической лексикологии не только чувашского языка, но и других тюркских, алтайских и финно-угорских языков, в какой-то степени и даже индоевропейских.

М.Р. Федотов никогда не теряет оптимизма и всегда полон творческих сил. Его друзья и коллеги желают ему крепкого здоровья, сохранения своего оптимизма и дальнейших успехов в его многогранной научной работе.

"Финно-угроведение", 1998, № 3-4.

Р.Г. КУЗЕЕВУ – 70 ЛЕТ

10 января 1999 года исполняется 70 лет одному из ведущих ученых мира - Раилю Гумеровичу Кузееву. Круг его интересов обширен. Будучи крупным специалистом по тюркологии, он придавал огромное значение изучению и финно-угорских народов. Здесь представлены размышления ученого о финно-угорской науке. (Текст интервью дается без поправок и изменений).

- Когда Вы начали интересоваться финно-угорскими народами?

- Первое соприкосновение с финно-угорским миром произошло через башкиро-мадьярские проблемы. В моей работе "Очерки исторической этнографии башкир" (Ч. I: Родо-племенные организации башкир в 17-18 вв. Уфа, 1957) - было приложение с представлением названий родов. Когда же защитил докторскую диссертацию, привел полный список родо-племенных названий башкир (позднее он издан в составе "Башкирско-русского словаря"). На этот перечень названий обратил внимание лингвист Венгерской Академии наук Й. Немет и опубликовал большую аналитическую статью в "Acta Linguistica" (1958). В следующем, 1959 году, впервые выехал в Будапешт для ознакомления с новой литературой и выявления степени интереса венгерских ученых к башкиро-мадьярской и евро-азиатской теории. В Венгрии встречался и беседовал с крупными учеными: автором венгерской праистории Д. Дьерффи, академиками Й. Неметом и Л. Лигети, музыкологом З. Кодай, антропологом Т. Тот, специалистом по булгаристике Д. Хази и А. Рона-Таш, внесшим большой вклад в татаро-булгарскую проблему. Общаясь с венгерскими учеными, пришел к выводу, что в Венгрии не сложилось единого мнения относительно мадьяро-башкирской теории. Впоследствии этот вопрос затрагивался на научных совещаниях и конгрессах, но, думаю, что венгро-башкирская проблема стоит на том же месте, на чем начиналась. Для подробного и в то же время глобального рассмотрения этой проблемы мне представляется необходимым изложить исследование в трех книгах: I книга должна быть посвящена истории ираноязычных пле-

мен (скифо-сармато-аланских), II книга - чисто угорским, III книга -тюркским племенам. Эти три книги образовали бы этническую культурную историю Евразии. Что касается самой проблемы башкиро-мадьярского родства, я сформулирую ее основные моменты в одной из ближайших работ. Какие-то контуры уже очерчены в книге "Народы Среднего Поволжья и Южного Урала (Этногенетический взгляд на историю)" - М., 1994. Общение и взаимодействие древних венгров и башкир, скорее всего, имело место в предкавказских степях (буртасы, гунны). Родо-племенные названия, общие для венгров и башкир, попали в более позднее время. Общность этнонимии и этнической истории - это две отдельные идеи. Уже при написании последней книги эпизод древнебашкирского и древневенгерского взаимодействия выглядел как далекий период. В фильме, посвященном 1100-летию Венгерского государства в Центральной Европе, проблема эта обойдена изящно. Действие идет в Предкавказских степях, на территории современной Паннонии и современной Венгрии. Общее взаимодействие финно-угров и тюрков происходило на обширной территории: от Оки на западе и до Тобола и Тоболо-Ишимских степей на востоке. И это взаимодействие было активным. На антропологической карте любой исследователь заметит, что многие из представителей тюркоязычных народов (чуваши, мишари, волжские булгары, казанские татары, западно-сибирские татары, башкиры) принадлежат к уральской малой расе или имеют ее признаки. Я очень стремился к всестороннему рассмотрению этой проблемы. Основные итоги изложены в книге "Народы Среднего Поволжья и Южного Урала". Значительная часть книги посвящена историко-культурному взаимодействию финно-угров и тюрков, охвачен широкий диапазон времени, очень явным и ощутимым является процесс 16-17 вв.; ключевым был этап 14-15 вв., когда в острой междоусобной борьбе Тохтамыша и Тимура многие племена были отодвинуты к северу. Башкиры дошли в продвижении на север до Перми, перешли на правобережье Камы, на южные окраины современной Удмуртии. На Урале вплоть до Исети четко прослеживается взаимодействие башкир с хантами и манси, которые жили к западу от Уральских гор. Таким образом, создался довольно обширный регион тюрко-финно-угорского смешения. Антропологический тип северной кромки оказался уральским. В языке финно-угров сохранились заимствования из тюркских языков, хотя в тюркских языках финно-угорские слова почти не встречаются. В культуре памятников этой эпохи тюрки очень много заимствовали у финно-угров: таежные способы охоты, запорное рыболовство, пчеловодство, лесные промыслы. Финно-угры, в свою очередь, заимствовали от степных тюрков охоту гоньбой, выгон скота на тебеневку, различные элементы в системе жизнеобеспечения. Изучение общего слоя культуры представляет чрезвычайный интерес и одну из важнейших задач нашей науки. Таким образом, взаимодействие финно-угорского и тюркского ми-

ров было магистральным. Этот вопрос должен быть изучен специально, так как следы памятников можно обнаружить во всех слоях культуры, и это имеет огромное значение до сих пор. Мне представляется, что численность финно-угров до 15 в. была значительней, чем тюрков. Многие группы были абсорбированы, растворились в других народах. Евразийский мир - мир культурного синтеза.

- Что Вы могли бы сказать о современной ситуации?

- Теперь ситуация в России улучшилась, контакты с Эстонией и Финляндией установились и стали систематическими. Живущие в Башкортостане финно-угры представляют большой интерес в системе культур, они сохранили традиционную архаику. В Башкирии можно изучать еще один ствол, гнездо финно-угорской культуры. Другая сторона проблемы: финно-угры России за видимые сроки должны преодолеть отставание в политической и социально-экономической сфере. В рамках нашей республики на это должен способствовать проект концепции развития всех народов Башкортостана, который является лейтмотивом формирования культурного гражданского общества при сохранении национальной специфики. И - в Башкирии необходимо создать финно-угорский центр научных исследований.

На современность работает С. Лаллукка, а на прошлое - И. Лехтинен. Мы высоко ценим их работы. Естественно, мы с интересом и великой доброжелательностью смотрим на работы финских этнологов и социологов, которые приезжают в Башкортостан, выполняют и проводят этнографические и социологические исследования. В частности, в Башкирии вела и очень плодотворно ведет исследования И. Лехтинен. Ее работы по марийской одежде, с моей точки зрения, являются эталонными по изучению материальной культуры. Естественно, те иллюстрированные альбомы, это великолепный материал для нас. Что касается сотрудничества с С. Лаллукка по исследованию диаспоры на территории Башкортостана, оно с точки зрения понимания современного этнокультурного состояния финских народов, безусловно, является определенным этапом в их исследовании. Думается, что было бы полезно продолжить эти исследования. И было бы хорошо, если исследования финских и российских ученых были бы скоординированы в рамках одной программы. В определенно ближайшее время хотелось бы предложить финнам и венграм возобновить исследования по популяционной генетике. Уже венгерская сторона дала согласие, а с Финляндией мы имеем опыт организации совместных экспедиций, издания книг, как в Финляндии, так и в Башкортостане. Мне представляется, что составление этих намерений в рамках объединенной программы способствовало бы организационной упорядоченности в наших контактах в научной области.

- На каких научных мероприятиях, посвященных финно-угорской проблематике, Вы принимали участие?

- Первым был VI Международный Конгресс финно-угроведов. В Советском Союзе он был впервые, поручено было провести Коми научному центру. Это было непривычно. Во главе оргкомитета Конгресса был председатель Коми НЦ Рочев, очень энергичный и опытный человек. Я должен сказать, что за 1,5-2 года подготовки к Конгрессу сделано было там очень много. Сыктывкар - небольшой город, очень красивый, практически близкий к Полярному кругу. Город привели в порядок, построена была новая гостиница. И естественно, акцент на этом Конгрессе был сделан на сторону финно-угорских народов, которые живут в Советском Союзе. Большая группа ученых приехала из Финляндии и Венгрии. Конгресс прошел очень активно, в рамках Конгресса работали симпозиумы. Материалы Конгресса все опубликованы. На этом Конгрессе я сделал доклад о Волго-Уральском историко-культурном регионе.

- Бывали ли Вы в столь близкой и в то же время далекой и прекрасной Эстонии?

- В Эстонии бывал. Был в Тарту. К сожалению, в то время Этнографический музей был закрыт на ремонт. Посмотрел чудесный город Тарту. А в Таллинне работал. Более того, наш музей, кстати говоря, создан при поддержке Эстонской АН. Вице-президент Эстонской АН помог (в то время это был трудный вопрос) приобрести через Эстонию оборудование для освещения нашего музея. А с Эстонским музеем мы всегда были в дружбе. Там был большой творческий коллектив, очень плодотворно работающий под руководством директора музея А. Петерсона.

- Кого из финно-угорских ученых Вы можете отнести к крупным фигурам?

- Таких имен много. Дело в том, что на волне развития классического краеведения во II половине 19 в. выросло поколение фундаментальных этнографических исследований и в России, и в странах Восточной Европы. И в Финляндии на рубеже веков вышли классические работы А. Хямяляйнена, У. Сирелиуса. Из венгерских этнографов и лингвистов Й. Немет, Л. Лигети. Из современных ученых много работал над евразийскими проблемами Т. Тот. Из музыковедов, из специалистов народной хореографии - З. Кодай, Л. Фёльфеди, из археологов - И. Фодор. Из Финляндии И. Лехтинен можно причислить к очень крупным фигурам. Прекрасный музеевед, организатор фондов, специалист по экспозициям, автор блестящих монографий. И книга С. Лаллукка на меня произвела очень большое впечатление, поскольку я перешел по своим интересам на социологический сюжет, я все рецензии прочитал, которые вышли в печати. Советских финно-угроведов очень много. Культуру финно-угров прекрасно знала В.Н. Белицер. Замечательным исследователем философо-социологического плана был Л.П. Лашук.

- Какое открытие Вы сделали в финно-угроведении, о чем до Вас не догадался ни один финно-угровед?

- Идея Волго-Уральского региона достаточно твердо вошла в историографию как отечественную, так и мировую. Я могу сказать, что об этом был шведский симпозиум в Екатеринбурге, на котором достаточно убедительно и ярко говорили по этой проблеме. И потом она уже и в литературе встречается. Я, конечно, считаю, мою последнюю книгу я бы переписал, потому что она создавалась в заключительных фазах нашей безоглядной веры в формационную концепцию (да и сейчас формационную концепцию я не отрицаю, в ней есть определенное значение). Но дело в том, что события в нашей стране, а именно то, что вышла на первое место этничность, и эта этничность опрокинула все формационные расчеты, она говорила о том, что формационные и культурно-цивилизационные концепции идут рядом, они должны дополнять друг друга. Вот с этой точки зрения я бы эту книгу пересмотрел, она издавалась в очень суровое время. Сейчас подходы культурно-цивилизационного плана и подходы к проблеме взаимодействия культур, таких крупных миров как финно-угорско-тюркский, они, в общем, представлены мало. Меня одно удивляет, что финно-угры все, хоть за рубежом, хоть в России, они углублены в исследование своего народа, национальной проблематики, то есть, я бы сказал, что их исследования несут этноцентристский характер. Но и из тюркских, много башкир и татар, которые тоже, в общем, пытаются понять историю исходя только из границ, из очертания своего собственного народа. Это до поры до времени, когда звездный час этнического самосознания, это можно понять. Когда мы говорим о суровых проблемах будущего, когда мы говорим, как жить дальше, такой подход не может удовлетворить ни один народ. Поэтому я так думаю, что если так исторически взять, то крупные монографии по финно-угорским народам стали выходить на волне создания финской буржуазной государственности, эстонской буржуазной нации, венгерской. Эта пора прошла. Сейчас венгры стремятся в Европейское единство, эстонцы не прочь в НАТО войти, финны, правда, живут особняком в сообществе Скандинавских стран. Поэтому период такого национализма проходит. Но, тем не менее, инерция отсутствия интереса к другим народам у финнов сохраняется. Я знаю, помню, что история Финляндии рассматривается в европейском контексте. Там очень мало уральского выхода и т.д., финны, конечно, пришли, сохранили язык, культуру, но, в сущности, являются европейским народом. Миграция балтов, потоки других индоевропейских народов - все это по-своему способствовало формированию народа. То же самое у венгров. Но они пришли не на пустую землю. Сохранили культурные традиции. И все они, безусловно, под влиянием этого культурного мира, в котором они живут, они тянутся к этому европейскому контексту. Финнов тем более нужно понять, несмотря на то, что они относятся к изолянтам,

это довольно смешанный народ. Венгры же - перемешались намного больше. Ведь что такое история? История - это и есть взаимодействие культур (особенно, если оставить чуть-чуть в стороне формационную концепцию). Вот с этой точки зрения финны мало проявляют интерес к своему взаимодействию с тюркским и славянским миром. Ведь, в конце концов, славяне "проглотили" мерю, мурому, и, может быть, и мещеру. Поэтому, если исследования компаративистики заинтересовали бы их, нам было бы интересно. Они сами могут этому содействовать. Я думаю, недалеки те времена, когда наука сделает еще один виток, когда финны и венгры будут очень интересоваться реальной полевой жизнью и башкир, и татар, и кого угодно.

- Мне представляется, что Вы продолжите исследования и по финно-угорским народам?

- Хочется высказать свои соображения относительно венгерско-угорской проблемы. У Р. Юсупова есть одна идея, которая может объяснить характер культурного взаимодействия. Не знаю, правильна ли эта идея, или нет, но на антропологическом уровне она прослеживается. Когда тюрки подошли к финно-угорскому миру, тюрки, в основном, брали жен, уничтожали мужчин. Хотя в реальности это представить трудно. Если это целиком или частично соответствует правде, то это означает, что, уничтожая мужчин, естественно, тюрки ограничивали свои культурные взаимодействия. Женщины очень быстро ассимилировались, они воспринимали язык мужчин, быстро становились башкирами, татарами, чувашами. Но, тем не менее, эта система жизнеобеспечения, стремление выжить, необходимость остаться живым заставляла тюрков адаптироваться в лесу. Это была великая эпоха, мы еще ее не оценили. Ведь кто такие башкиры? Вот, говорят, татары - земледельцы, да никакие они не земледельцы, они до сих пор кушают катык с молоком и конскую колбасу. У чувашей стена в городской квартире называется "керами". То есть, кочевнические традиции у них были и частично сохраняются. А я так думаю, что на рубеже 14-15 вв. татары были полукочевниками. Но когда полукочевник приходит в таежную глубь, что он должен делать? Он переадаптируется и целиком меняет систему жизнеобеспечения. Из кочевого и полукочевого хозяйства, собственно и башкиры, они становятся охотниками и занимаются лесными промыслами. К 18 столетию леса на Урале были истощены. Здесь уже пушнину достать было невозможно и трудно, то есть она уже не "кормила". Это была великая эпопея переадаптации целых народов.

Беседу провела **Татьяна Миниахметова**

Уфа

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ОСТАНИНА Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. 206 с.

Монография Т.И. Останиной - всеобъемлющее исследование, посвященное постпьяноборской эпохе в истории Среднего Прикамья. Объектом изучения явилась мазунинская культура III-V вв. н.э., памятники которой распространены на обширной территории от бассейна р. Уфы на юго-востоке до правобережья Средней Камы на северо-западе. Всего, по данным автора, на сегодняшний день известно 425 (или 428 - в тексте разночтения) мазунинских памятников, среди которых 29 могильников, 124 городища и 265 селищ. Достаточно полно изучено 19 могильников, 6 городищ, 2 селища. В результате раскопок последних 40 лет, включая многолетние полевые исследования автора, был получен большой и разнообразный материал, позволяющий судить об истории древнего населения. В монографии использованы не только собственно археологические, но и антропологические, остеологические, карпологические и иные источники, способные помочь в решении поставленных проблем. Исследование затрагивает широкий круг вопросов: автор рассматривает хронологию, датировку и периодизацию памятников, особенности материальной культуры, погребальный обряд могильников, топографию поселений. Отдельные разделы посвящены вопросам демографии и социального устройства общества, генезису и дальнейшей исторической судьбе мазунинского населения.

Монографию предваряет краткое предисловие В.В. Седова, а текст состоит из введения и 6 глав. Обширное приложение содержит статистические таблицы, рисунки, карты. Последние, к сожалению, слишком мелкие и, в силу этого, недостаточно подробные.

Во введении рассмотрена история открытия и изучения памятников мазунинской культуры и историография проблемы, дана краткая характеристика фонда используемых источников. Обращая внимание на существующие разногласия в соотношении названий (понятий) мазунинской и бахмутинской (раннебахмутинской) культур, Т.И. Останина предлагает (и в

дальнейшем следует этому) называть памятники Среднего Прикамья III-V вв. мазунинскими, а "для памятников Бельско-Уфимского междуречья VI (конца V?)-VII вв. ...оставить их прежнее название – бахмутинские" (с. 17). Такое решение, после ознакомления с представленными материалами, кажется обоснованным, но не бесспорным.

Глава I, самая объемная, посвящена могильникам мазунинской культуры и содержит две части: о погребальном обряде и о погребальном инвентаре. При этом состав могильного инвентаря, рассматриваемого как часть обряда, охарактеризован в первом разделе. Основу исследования в данном случае составили материалы 14 наиболее изученных могильников. Здесь и далее все необходимые сведения статистического и типологического характера приведены в таблицах приложения. Автор досконально описал все детали обрядности, выявив некоторые черты, свойственные локальным группам памятников. В связи с этим впервые в тексте отмечается деление памятников на две территориальные группы - удмуртскую и башкирскую. В дальнейшем эти районы культуры будут неоднократно упоминаться в связи с рассмотрением других материалов, но историко-географическая расшифровка терминов дана только в главе V. "Обрядовая" часть заключена перечнем 7-ми основных признаков, отразивших существовавшие особенности похоронного обряда мазунинской культуры.

Классификация погребального инвентаря охватывает все категории вещей, встречаемых в захоронениях. Учитывая малочисленность находок на поселениях, этот раздел фактически посвящен материальной культуре мазунинцев в ее археологически улавливаемой части. Эта часть работы выполнена на высоком профессиональном уровне и сопровождена многочисленными иллюстрациями и таблицами, дающими полное представление о мире вещей мазунинской культуры. Позволительно, на наш взгляд, отметить несколько мелких погрешностей. Так, при характеристике бус остались неясными принципы классификации. 119 выделенных типов иллюстрируют только 85 рисунков одной таблицы*. Ножи (с.68) представлены не одним, а, по крайней мере, двумя типами, определяемыми по наличию или отсутствию верхнего уступа между клинком и черенком. Этот признак хорошо "работает" при обращении к материалам разных эпох. Втульчатые топоры (с.71) на самом деле - мотыжки или тесла: у них асимметрично поставленная, по отношению к лезвию, втулка. При классификации наконечников копий почему-то не использован основной признак - форма пера. Использовано только соотношение длины пера и втулки, отчего вся типология свелась к выделению одного типа с вариантами. Выбор признаков -

---

* Автор справедливо оговаривает невозможность дать полное описание всей типологии бус - самой многочисленной категории находок. Но все же о принципах классификации можно добавить несколько слов. Иначе выделение столь большого числа типов настораживает.

дело исследователя. Но родственный материал - наконечники стрел - классифицирован Т.И. Останиной именно исходя из формы пера.

Вторая глава посвящена поселениям и их территориальному размещению. Отмечены характерные ландшафтные особенности расположения городищ и селищ, дана суммарная характеристика культурного слоя разнотипных памятников. Подробно разработана типология городищ, различающихся как по размерам, так и по системам укреплений. По мнению автора, возможно, выделить три группы укрепленных поселений с различными вариантами. К первой отнесены небольшие городища - сторожевые крепости. Вторую составляют городища - поселения с одной площадкой, третью - поселения с несколькими укрепленными площадками. При внимании автора к вопросам типологии поселений, к сожалению, остался совершенно не затронутым вопрос о существовавшей в мазунинское время системе расселения. Между тем, сравнение локальных освоенных районов, рассмотрение вопросов взаимосвязи поселений и могильников, анализ расположения групп поселений в контексте окружающей среды, выявление возможной связи различных территориальных групп населения позволило бы получить гораздо более полное представление о многих аспектах истории мазунинского населения.

Во второй части главы рассмотрены материалы раскопок, позволяющие судить о разного рода сооружениях мазунинских поселений. Автором разработана типология очагов (4 типа с вариантами) и хозяйственных ям (4 типа), отмечены временные и территориальные особенности бытования отдельных разновидностей сооружений. На основании скрупулезно обработанных данных раскопок проведена реконструкция типовой постройки и ее интерьера. В этой же главе по материалам 6 памятников рассмотрена керамика. В результате выявлены общие особенности мазунинской посуды (форма, пропорции, орнаментация, состав теста) и выделены 4 типа сосудов. Нужно отметить, что керамика погребений рассматривалась в главе 1, где отмечено ее сходство с посудой поселений, но типы выделены иные (1-3) (с. 80, рис. 22). Возможно, лучше было бы предложить единую классификацию керамики, учитывая, что особый ритуальный характер могильной керамики едва ли доказуем.

В третьей - небольшой по объему, но емкой по содержанию - главе обоснована датировка и периодизация памятников мазунинской культуры. Основой исследования послужили 95 наиболее представительных комплексов погребений из 7 могильников. Методика работы - корреляция, определение групп взаимовстречаемых синхронных предметов тех категорий, для которых достаточно полно разработаны принципы датировки. Это височные подвески, поясные накладки, фибулы. Признаком новой группы является появление новых форм вещей. В результате выделено 9 групп, из которых 5 маркируют (соответствуют) последовательным хронологическим

стадиям (этапам) в рамках III-V вв., а 4 - являются смежными, объединяя группы предметов, бытовавших на протяжении нескольких этапов (с.103-109). Результат и методика работы проверяется по приложенным корреляционным таблицам и рисункам. Аналогичная процедура проделана в отношении бус, что позволило выделить три самостоятельные хронологические группы и три смежные (с. 110-112, табл. 34). Результаты подтвердили основанную на анализе вещевого материала датировку культуры и позволили выявить динамику распространения отдельных типов бус на территории мазунинской культуры, что делает их датирующими для изучаемого региона. Рассмотрение бус отдельно от остальных находок объяснимо. Это, прежде всего импорт, распространение и бытование которого, в отличие от обычных вещей, зависит не только от процессов внутрикультурного развития, но, в первую очередь, от внешних причин, связанных с динамикой торговли в рамках более крупного историко-культурного региона. Данные анализа распространения бус сопоставлены с результатами корреляции вещей, что позволило полнее охарактеризовать особенности инвентаря всех выявленных хронологических этапов. К сожалению, как уже отмечалось, о типах бус можно судить только по описанию. В целом, раздел работы о хронологии и датировке мазунинской культуры - один из лучших в работе.

4-я глава – "Демографическая характеристика и социальная структура мазунинского общества" - основана на анализе материалов могильников. Для исследования привлечены данные антропологии, планиграфия могильников, вещевые комплексы погребений 8 памятников с учетом их хронологии. Материалы могильников рассмотрены по отдельности, что позволило скрупулезно проанализировать ситуации для разных хронологических периодов и территорий. В результате Т.И. Останиной удалось получить данные о среднем возрасте мужчин и женщин, численном составе семей, динамике численности отдельных групп населения и семей, составлявших эти группы. В этом отношении представляется важным подкрепленное конкретными аргументами утверждение автора о тенденции к изменению в IУв. традиций родовых кладбищ со слабо расчлененными большесемейными участками в пределах общей территории на более упорядоченные по рядам и участкам некрополи. Т.И. Останина связывает этот процесс с возникновением патронимий. Делается также вывод о слабой социальной дифференциации мазунинского общества, проявлявшейся в основном в традиционном половозрастном варианте, а также отражавшей родовую и патронимическую принадлежность отдельных лиц. Этот раздел работы насыщен конкретными наблюдениями и интересными выводами частного характера. Независимо от того, что некоторые положения автора могут пока-

заться дискуссионными*, глава 4 представляет собой законченное научное исследование в общих рамках работы и вызывает большой профессиональный интерес. Правда, автор совершенно не затронул вопрос об общей организации мазунинского общества: элементами какой структуры могли являться отдельные коллективы, каков был механизм, чем обуславливались связи людей за рамками своих общин?

В главе 5-ой приведены сведения о хозяйственной деятельности мазунинцев, укладе их жизни. В качестве источников использованы серии находок орудий и оружия, данные остеологии и карпологии, сведения о природно-географическом районировании. Текст главы содержит ряд интересных полевых наблюдений, приведены данные анализов образцов древних тканей, имеются ссылки на этнографические параллели. По материалам раскопок реконструирован женский костюм.

По мнению автора, хозяйство мазунинцев имело комплексный характер и сочетало животноводство и подсечно-огневое земледелие с возможным появлением пашенного земледелия на позднем этапе культуры в более благоприятных для этого местах. Последний вывод не кажется убедительным. Прогресс по сравнению с пьяноборской эпохой действительно заметен, и Т.И. Останина справедливо связывает его с расширением подсеки. Лесные подзолы Уфимско-Бельского междуречья, где сосредоточен основной массив мазунинских памятников Башкирии, были пригодны именно для такой формы использования. Пашенное земледелие могло прийти в эти районы только вместе с железным плугом. Вполне возможно, что в бельском левобережье к плужной пахоте перешли группы романовского (именьковского) и турбаслинского населения. Бельская пойма отчасти была освоена и мазунинцами, но прямых свидетельств о развитии у них пашенного земледелия нет. Кстати, предположение о заимствовании мазунинцами железных топоров и кос-горбуш у населения, оставившего могильники типа Тураевского, - не очевидно. Представляется, что более важную роль в этом процессе сыграло соседство с именьковцами. Население этой культуры первым в регионе перешло к пашенному земледелию, освоив черноземы Закамья, и могло способствовать появлению в мазунинской и азелинской среде новых, более совершенных орудий. А были ли земледельцами тураевцы - еще предстоит доказать.

В других сферах хозяйственной деятельности на уровне бытовых занятий были развиты все обычные для своего времени ремесла, среди которых развитие со временем получили бронзолитейное и кузнечное дело. Вряд ли правомерен вывод о том, что мазунинское население удовлетворя-

---

* Например, существование патронимии. В позднеродовом обществе возможны иные формы общностей того же уровня, но это, скорее, вопрос для палеоэтнологов.

ло свои потребности в металле полностью на основе местного сырья. Начиная с пьяноборской эпохи, при изготовлении украшений стали активно использоваться латуни и другие многокомпонентные сплавы. Такие лигатуры как олово, свинец, цинк весьма ценились в древности, но в Приуралье эти металлы были привозными, и мазунинские литейщики не могли без них обходиться. Видимо, данью традиции является утверждение автора о растущей роли бронзы в быту мазунинцев по сравнению с предшествующей эпохой. На самом деле, постаньинскую эпоху – и в пьяноборье, и в мазунине – значение бронзы как ведущего металла падает. Она используется лишь для изготовления украшений, уступая железу в сфере изготовления оружия и орудий труда.

Глава 6-я, итоговая – "Происхождение и место в истории. О культурном единстве памятников мазунинской культуры". Нужно отметить, что в вопросе о том, считать ли мазунинскую культуру самостоятельной или рассматривать ее как заключительный этап развития пьяноборской культуры, - мнения исследователей расходятся. В монографии приведены ныне существующие точки зрения. Сложившаяся в историографии ситуация объяснима не только ограниченностью источников. Интерпретация одних и тех же материалов зависит от позиции исследователей по отношению к традиционной проблеме археологии - соотношения понятий этноса и археологической культуры. Т.И. Останина полагает мазунинскую культуру самостоятельным историческим явлением и подтверждает свою точку зрения соответствующими аргументами.

В части историографической глава перекликается с введением, но в данном случае рассмотрены позиции исследователей, имеющих спорный, с точки зрения Т.И. Останиной, взгляд на историю и региональные особенности мазунинской культуры. Это касается выделения раннебахмутинской культуры как самостоятельной (Н.А. Мажитов) или рассмотрения мазунинских древностей как позднего этапа в развитии чегандинской (пьяноборской) культуры (Р.Д. Голдина). Автор обращается к понятию "археолого-этнический комплекс" (АЭК), сформулированному В.Ф. Генингом, и выделяет АЭК мазунинской культуры: этноопределяющие элементы одежды и украшения. При этом определяются две основные территориальные группы мазунинских памятников: удмуртская и башкирская. В тексте они упоминались и ранее, но именно здесь получили свое обоснование. Далее, на основании полученных данных рассчитаны коэффициенты сходства изученных памятников. Аналогичные действия проведены в отношении керамики поселений и погребальной обрядности могильников. Все это показало культурное единство изученных памятников и позволило убедиться в справедливости выделения двух основных локальных вариантов (районов) мазунинской культуры - удмуртского и башкирского (с. 173). Наконец, обращаясь к вопросу о генезисе культуры, автор проводит аналогичную опера-

цию по выявлению степени сходства между похоронными обрядами мазунинской и предшествующих ей пьяноборской и караабызской культур, получая в результате достаточно высокие коэффициенты сходства.

Полученные данные закономерно ведут автора к следующим выводам. 1. Мазунинская культура является наследницей более ранних пьяноборской и караабызской культур*. 2. Формирование культуры было вызвано не сменой населения, а его развитием в спокойных благоприятных условиях, что привело к росту населения и расширению освоенной территории. Эти положения Т.И. Останиной трудно оспорить.

Сложнее с решением вопросов дальнейшей судьбы мазунинского населения. Башкирский вариант культуры на территории междуречья Уфы, Белой, Бири находит продолжение в бахмутинской культуре в результате смешения мазунинцев с пришлым турбаслинским и кушнаренковским населением. Что касается удмуртского варианта культуры, то автор полагает, что в настоящее время преждевременно говорить о продолжении мазунинских традиций на территории Южной Удмуртии в материалах верхнеутчанской культуры, выделение которой проблематично. Т.И. Останина, как вариант решения проблемы, предполагает возможность исхода мазунинцев на Чепцу и в Пермское Прикамье, отмечая, вслед за В.А. Семеновым, определенную преемственность в материалах ранней стадии поломской культуры (с. 180-181). Но эта гипотеза, невольно поднимающая широкий круг проблем истории региона, в монографии не проработана, и роль мазунинцев в дальнейшем этногенезе пермских финнов остается неясной.

Подводя итог, еще раз отметим, что монография Т.И. Останиной представляет собой законченное научное исследование, основанное на богатом, всесторонне изученном, фактическом материале, и несомненно является достижением в области археологии железного века Западного Приуралья.

Сергей Кузьминых, Андрей Леонтьев
Москва

---

* Такая точка зрения существовала и раньше, но в данном случае общая идея получает более глубокое научное обоснование.

ХРОНИКА

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА В УДМУРТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В 1993 г. приказом Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации в Удмуртском университете был открыт диссертационный совет К 064.47.05, которому разрешено проводить защиту диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальностям 07.00.06 - археология, 07 00 07 – этнография, этнология, антропология. Это было обусловлено тем, что решение проблем древней истории, этнического развития, современное состояние в области межнациональных отношений требует более высокого профессионализма в исследованиях древней и традиционной истории, современного положения народов Урала.

Удмуртский университет в Приуралье является одним из крупных центров по подготовке специалистов в области археологии и этнографии. В университете сложился коллектив высококвалифицированных специалистов в этой сфере.

В составе членов диссертационного совета - известные специалисты в области археологии, этнографии, истории. Возглавляет совет доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета Р.Д. Голдина, заместитель председателя совета – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии и регионологии Удмуртского государственного университета В.Е. Владыкин, ученый секретарь–доцент кафедры археологии и истории первобытного общества, кандидат исторических наук О.М. Мельникова

За 5 лет работы диссертационного совета было рассмотрено 22 работы, представленных специалистами Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Уфы, Йошкар-Олы, Ижевска, Самары, Сыктывкара, Кирова. Выполненные диссертации были представлены в разных формах - в виде специально подготовленной рукописи, в виде научного доклада по совокупности опубликованных работ, в виде научного доклада по опубликованной монографии.

Для более полного представления о содержании диссертаций и возможном использовании в широкой научной практике специалистами в области финно-угроведения приведем краткую аннотацию рассмотренных диссертационным советом работ.

По специальности 07.00.06 - археология диссертационным советом были рассмотрены и успешно защищены следующие диссертации.

С.В. Большов (Йошкар-Ола) в диссертации "Абашевская культура севера Среднего Поволжья (некоторые проблемы культурогенеза Среднего Поволжья в эпоху бронзы)" обобщает и систематизирует материалы абашевских погребальных памятников севера Среднего Поволжья. Автор разрабатывает гипотезу о процессах культурогенеза на севере Среднего Поволжья, вводит в научный оборот материалы погребальных комплексов, впервые для анализа эпохи бронзы привлекает материалы поселений.

В исследовании С.Р. Волкова (Ижевск) "Вооружение населения Верхнего Прикамья во 2-й половине I тыс. н.э. (по материалам могильников)" дается общая характеристика комплекса прикамского вооружения, определяются структура, факторы, влиявшие на его формирова-

ние (природная среда, экономико-географическое расположение, политическая обстановка в регионе), основные направления его развития. Автор на основе морфологического анализа систематизирует комплекс предметов вооружения, выявляет региональные особенности в конструкции предметов вооружения, определяет специфику прикамского оружейного комплекса.

Г.Н. Журавлева (Ижевск) в работе "Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций)" создает методику для характеристики половозрастной стратификации древних обществ, определение общей численности населения древних общин, социального статуса индивидов. На основе анализа большой группы письменных источников (метрических книг, исповедных росписей, переписей) автор создает модель демографического развития удмуртского общества в XVIII в., которая проверяется на материалах позднеудмуртских могильников XVI-XVIII вв. Созданная модель адаптируется к материалам чегандинской эпохи и позволяет автору реконструировать половозрастной и численный состав реальных общественных структур древности.

В работе Ю.А. Зеленеева (Йошкар-Ола) "Погребальный обряд мордвы и этнокультурные процессы в Волго-Окском регионе в VI-X вв." исследуется ранняя этнокультурная история мордвы. Использование формализованно-статистических методов позволило автору дать исчерпывающий анализ погребального обряда мордвы и на его основе изучить начальные этапы этнического развития волжских финнов.

Диссертационное исследование О.А. Казанцевой (Ижевск) "Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей)" посвящено изучению культурных традиций в гончарной технологии населения Среднего Прикамья. Исследовательница тщательно анализирует исходную технологическую информацию в глиняной посуде (отбор исходного сырья, составление формовочных масс, конструирование, механическая обработка поверхностей сосудов), определяет культурные традиции на отдельных ступенях производственного процесса, выявляет местные и пришлые компоненты в гончарной технологии мастеров Среднего Прикамья.

В научном докладе К.С. Королева (Сыктывкар), представленном в качестве диссертации по совокупности опубликованных работ "Долина Средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья", исследуется культурно-историческое развитие древностей долины Средней Вычегды в эпоху раннего железного века и средневековья. Автор систематизирует обширные археологические материалы, выявляет общие закономерности и своеобразие в развитии культур исследуемого периода.

Н.А. Лещинская (Ижевск) в диссертации "Вятский бассейн в I - начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам)" обобщила обширный археологический материал, позволивший автору выявить специфику историко-культурных процессов в Вятском бассейне в I - начале II тыс. н.э. Исследовательница подробно анализирует материальные остатки всех категорий памятников Вятского бассейна, выявляет типологические особенности в формировании материальной культуры населения, разрабатывает единую хронологическую схему вятских древностей, выделяет этапы в истории региона.

В работе В.М. Морозова (Екатеринбург) "Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья" определено общее направление в развитии домостроительства таежного населения Зауралья и Западной Сибири. Исследователь систематизировал обширные сведения о поселениях и жилищах, что явилось основой для их культурно-исторической и этнической интерпретации.

В научном докладе А.М. Мурыгина (Сыктывкар), представленном в качестве диссертации по совокупности опубликованных работ "Печорское Приуралье. Эпоха средневековья", обобщен обширный археологический материал по эпохе средневековья в Печорском Приуралье. Автор решает проблемы хронологии, генезиса культурных типов, их особенностей, определяет ареалы и соотношения с соседними территориями и культурами. В исследовании археологически обосновывается идея о том, что население второй половины I тыс. н.э. можно

рассматривать в качестве общего субстрата поздних культур летописного периода населения Печорского Приуралья второй половины I тыс. н.э.

Диссертация А.Н. Павловой (Йошкар-Ола) "Космологические символы в древнемарийском искусстве IX-XI вв. (семантический анализ археологического материала)" посвящена изучению древних космологических символов, нашедших отражение в искусстве населения Марийского Поволжья IX-XI вв. Автор исследует семантику отдельных образов, композиций, украшений, определяет истоки космологических знаков и образов, выявляет на основе мифологии финно-угров характер образов населения Марийского Поволжья. Исследовательница выявляет преемственность в развитии отдельных образов с эпохи раннего металла до средневековья.

И.Ю. Пастушенко (Ижевск) в исследовании "История населения бассейна р. Сылвы в первой половине II тыс. н.э." реконструирует исторические процессы в Сылвенско-Иренском поречье в первой половине II тыс. н.э, опираясь на письменные и археологические источники, исследует этнокультурные и этноисторические процессы в регионе, связанные с историей различных народов Приуралья (пермских татар, башкир, коми-пермяков, манси).

Диссертация О.В. Рыжковой (Нижний Тагил) "Ташковская культура в Нижнем Притоболье" посвящена исторической интерпретации археологических данных по ташковской культуре эпохи ранней бронзы в Среднем Зауралье. Автор создает социально-экономическую модель ташковского общества, используя метод палеоэкономического моделирования.

Б.С. Соловьевым (Йошкар-Ола) в работе "Чирковская культура Среднего Поволжья (вопросы формирования)" обобщен и систематизирован обширный археологический материал эпохи бронзы в Среднем Поволжье. Автор разрабатывает хронологию и периодизацию чирковских древностей. В исследовании рассматриваются сложные этногенетические процессы в эпоху раннего металла в Волго-Камье.

В работе Ю.Б. Чемякина (Екатеринбург) "Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников)" систематизируются древности каменного и бронзового веков, определена их культурная принадлежность, генезис, стадии развития и трансформации выделенных культурных образований.

И.Г. Шапран (Ижевск) в диссертации "Удмуртские и марийские могильники в бассейнах Камы и Вятки" выявляет по археологическим источникам специфику формирования удмуртского и марийского поселения Камско-Вятского междуречья. Исследовательница систематизирует материалы погребальных памятников, изучает специфику формирования погребальной обрядности и материальной культуры марийцев и удмуртов. И.Г. Шапран удалось определить общее и особенное в складывании позднесредневековых локальных вариантов национального костюма коренного населения Камско-Вятского междуречья.

В работе Т.К. Ютиной (Ижевск) "Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии" анализируется материальная культура населения южной Удмуртии VI-XIV вв., происходящая из могильников и поселений. Рассматриваются вопросы происхождения и этнической принадлежности этих памятников.

А.Ф. Яминов (Уфа) в работе "Южный Урал в XIII-XIV вв." проводит детальный источниковедческий анализ археологического материала. Это позволило автору реконструировать динамику и содержание этнокультурных процессов на Южном Урале в XIII-XIV вв. Исследователь проводит взаимокоррелящию полученных результатов анализа археологического материала с данными письменных источников, фольклора, антропологии, лингвистики, этнографии.

Н.А. Лифанов (Самара) в работе "Домостроительство лесостепного Поволжья в II-III четверти I тыс. н.э." проводит архитектурную реконструкцию комплекса построек лесостепного Поволжья, выявляет технологии древнего домостроительства, исследует его традиции. На основе данных домостроительства автор исследует социальный строй населения региона.

По специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология защищены следующие диссертации

Работа И.В. Ильиной (Сыктывкар) "Народная медицина коми в конце XIX – первой тре ти XX вв." посвящена этнографическому изучению медицинской культуры коми в конце XI> – первой половине XX вв. Выявлен объем и особенности народных медицинских знаний, и взаимосвязи с другими элементами традиционной бытовой культуры. Автор характеризуе различные категории народных врачевателей, их положение в традиционном обществе, выяв ляет особенности их медицинской практики- правила передачи медицинских знаний. И.В Ильиной удалось систематизировать традиционные лекарственные средства растительного животного и минерального происхождения, физиотерапевтические и хирургические методы лечения и профилактики заболеваний, рассмотреть традиционные приемы ухода за детьми представления о здоровом образе жизни.

А.В. Шепталин (Ижевск) в работе "Немцы в Вятско-Камском регионе (историко этнографические очерки)" дает системную историко-этнографическую характеристику этни ческой группы российских немцев, расселенной в Вятско-Камском крае. Автор определяе роль и место немцев в эмиграционно-иммиграционном контексте взаимоотношений Германии и России, рассматривает проблему оформления, развития и современного состояния немец кой диаспоры в Вятско-Камском регионе. А.В. Шепталиным исследуется процесс функциони рования немецкой этнической группы Вятско-Камского региона в условиях иноэтноязыковог окружения, дается анализ основных параметров этнокультуры вятско-камских немцев.

А.Е. Загребин (Ижевск) в исследовании "Проблемы этнографии удмуртов в исследова ниях финских ученых XIX - первой половины XX вв." определяет вклад финских исследова телей - финно-угроведов XIX - первой половины XX вв. в процесс становления и развития эт нографического изучения культуры удмуртского народа. Автор скрупулезно выявляет труды финских ученых финно-угроведов XIX – первой половины XX вв., в которых содержится ин формация об удмуртах, выясняет основополагающие этапы и направления исследований уд муртской культуры финскими учеными, определяет уровень проведенных исследований, ана лизирует методологию и методику изучения этнографии удмуртов финскими учеными.

В диссертации И.Ю. Трушковой (Киров) "Традиционные костюмные комплексы Вят ского края: формирование, взаимовлияние, современное состояние (опыт ареального исследо вания)" дана условная характеристика и выявлено своеобразие в традиционной одежде раз личных этнических групп населения Вятского края в конце XIX-XX вв.

Таким образом, рассмотренные в диссертационном совете исследования посвящены са мым разнообразным аспектам древней истории и этнического развития Уральского региона и сопредельных с ним территорий. Они являются важным вкладом в современный исторический процесс и, несомненно, создают возможность исследователям решать новые познавательные задачи

Информацию о работе совета можно получить по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Уни верситетская, 1, УдГУ, диссертационный совет К 064.47.05.

Контактные телефоны: 8-3412-75-42-22; 8-3412-75-46-19.

Адрес электронной почты: history@if.uni.udm.ru

Ольга Мельникова
Ижевск

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куклин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, доцент Марийского госпединститута им. Н.К. Крупской.

Червонная Светлана Михайловна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств.

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии МарНИИ.

Кадыкова Галина Николаевна – аспирант кафедры отечественной истории МарГУ.

Антонов Юрий – аспирант кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

Рябов Игорь - аспирант кафедры эрзянского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Федорова Марина Васильевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского госуниверситета.

Ванюшев Василий Михайлович - доктор филологических наук, заместитель директора Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН.

Куликов Кузьма Иванович – доктор исторических наук, директор Удмуртского НИИ языка, литературы, истории УрО РАН.

Тираспольский Геннадий Исаакович - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

Рыбалка Владимир Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИ.

Галкин Иван Степанович - доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Марийского государственного университета.

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН.

Леонтьев Андрей Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

Мельникова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь диссертационного совета Удмуртского государственного университета.

CONTENTS

ARTICLES

Kuklin A. Historical and cultural relationship of Finno-Ugric and Samoyedic peoples..... 3
Chervonnaya S. Konstantin Egorov's creative work in artistic life of aesthetic ideas of the 1920-tis..... 19
Molotova T. Peculiarities of traditional Mari etiquette..... 33
Kornishina G. Mordvinian customs, rituals and superstitions connected with cattle-breeding and bee-keeping..... 50

REPORTS

Kadykova G. Peasant family of Meadow Mari in the middle of the XIX-th century (on materials of «inspector's stories» of Tsarevokokshaysky district)..... 64
Antonov Y. Genre of every day psychological drama in creative work of Valentina Mishanina..... 74
Ryabov I. Modification word-formative types in Erzyan..... 82
Fyodorova M. Some Russian words on Permic background (ancient Slavic and Permic contacts to the South of Moscow)..... 90
Kaksin A. To the problem of alphabet for west dialects of Khanty..... 97

TO THE 100 -TH ANNIVERSARY OF KUZEBAY GERD

Vanyushev V. Kuzebay Gerd: tragedy of his life..... 103
Bogomolova Z. Tragedy and greatness of Kuzebay Gerd..... 109
Shklyaev A. Kuzebay Gerd: to the question about his pseudonym..... 115
Kulikov K. Sandormokh as the last refuge of the poet..... 120

PERSONS

Tiraspolsky G. Linguistic investigations of I. A. Kuratov (to the 160 th anniversary)..... 126
Rybalka V. Yanosh Pustay is 50..... 133
Galkin I. Professor Michail Romanovich Fedorov (to the 80 th anniversary)..... 136
Minniachmetova T. R.G. Kuzeev is 70 139

REVIEW AND RECENSIONS

Kuzminykh S., Leontyev A. Rev.: Ostanina T. A. Population of the Middle Kama region in III-V century..... 145

CHRONICLE

Melnikova O. About Thesis Council's activity in Udmurt University..... 152
Information about authors..... 156

«Финно-угроведение», 1998, № 3-4.

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*

Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х.Н. Полушиной*

Сдано в набор 24.11 1998. Подписано в печать 29.12.1998.
Формат 60 x 84/16. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз.
Бумага офсетная Заказ № 2436

Оригинал-макет отпечатан ПУ Марийского государственного университета
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

В следующих номерах

журнала будут

опубликованы материалы

международного симпозиума

"Финно-угорский мир

и XXI век"